

Учредитель

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Издатель

Челябинский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Соиздатель — Южно-Уральский
государственный университет

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА**Главный редактор**

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

Заместитель главного редактора

доктор философских наук, профессор
Александр Степанович Чупров
(Благовещенск, Россия)

Заведующий рубрикой философии

доктор философских наук, профессор
Сергей Валентинович Борисов
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой политологии

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой экономики и управления

доктор экономических наук, профессор
Ирина Викторовна Лаврентьева
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой социологии

доктор философских наук, профессор
Елена Викторовна Грунт
(Екатеринбург, Россия)

Заведующий рубрикой государства и права

кандидат юридических наук, доцент
Алексей Валерьевич Ильных
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой культуры

доктор исторических наук, профессор
Сергей Сергеевич Загребин
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой истории

доктор исторических наук, профессор
Дмитрий Владимирович Тимофеев
(Челябинск, Россия)

Ответственный за международные контакты

доктор философских наук, профессор
Сергей Валентинович Борисов
(Челябинск, Россия)

Ответственный секретарь

кандидат философских наук
Александра Александровна Бобрик
(Челябинск, Россия)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-48298 от 24.01.2012 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Дата выхода номера: 29.12.2018 г.

Формат 70×108 1/16

Усл. п. л. 12,25. Тираж 500 экз.

Заказ № 524/571.

Издание подготовлено к печати и отпечатано
в Издательском центре ЮУрГУ.
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76.

16+

СОЦИУМ**Погорельская Елена Юрьевна**

Техника на пути
к собственной свободе 7

Новикова Оксана Николаевна

Игровая деятельность человека
в пространстве виртуальной
реальности..... 16

ВЛАСТЬ**Токарева Ольга Владимировна**

Влияние института государства
и «партии власти» на процесс
конструирования имиджа
российских женщин-парламентариев..... 26

Желнин Антон Игоревич,**Барг Олег Александрович**

К критике биополитической экономики:
перспективы управления человека
своей биологией в контексте
современного перехода от биовласти
к биополитике и кризиса медицины 36

**ЭКОНОМИКА
И УПРАВЛЕНИЕ****Лаврентьева Ирина Викторовна,****Абрамкина Светлана Рафаиловна,****Белкин Владимир Никифорович**

Проблематика сблансированности
процессов воспроизводства
рабочей силы в контексте
реаллокации рабочих мест
(на примере УрФО)..... 46

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Философия

- С. В. Борисов* — доктор философских наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Е. В. Грунт* — доктор философских наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Ю. Г. Ершов* — доктор философских наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Виктория Лезьер* — доктор философских наук, профессор
(г. Форкалькейре, Франция)
- В. Г. Ледеев* — доктор философских наук, профессор
(г. Москва, Россия)
- А. Н. Медушевский* — доктор философских наук,
профессор
(г. Москва, Россия)
- А. В. Павлов* — доктор философских наук, профессор
(г. Тюмень, Россия)
- В. Д. Попов* — доктор философских наук, профессор
(г. Москва, Россия)
- Г. Л. Тульчинский* — доктор философских наук, профессор
(г. Санкт-Петербург, Россия)
- А. С. Чупров* — доктор философских наук, профессор
(г. Благовещенск, Россия)

Политология

- С. Г. Зырянов* — доктор политических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- А. В. Павроз* — доктор политических наук
(г. Санкт-Петербург, Россия)
- А. В. Понеделков* — доктор политических наук,
профессор
(г. Ростов-на-Дону, Россия)
- О. Ф. Русакова* — доктор политических наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Грегори Саймонс* — доктор философии, профессор
(г. Упсала, Швеция)
- А. Ю. Сунгуров* — доктор политических наук, профессор
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Социология

- Н. Б. Костина* — доктор социологических наук,
профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Сабина Лисица* — доктор, профессор
(г. Ариэль, Израиль)

Юриспруденция

- В. Г. Графский* — доктор юридических наук, профессор
(г. Москва, Россия)
- А. В. Ковбан* — кандидат юридических наук, доцент
(г. Одесса, Украина)
- С. В. Кодан* — доктор юридических наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- А. Б. Сергеев* — доктор юридических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Экономика и управление

- О. В. Артемова* — доктор экономических наук,
профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Л. М. Байтенова* — доктор экономических наук
(г. Алматы, Казахстан)
- Л. М. Муталиева* — кандидат экономических наук
(г. Астана, Казахстан)
- И. В. Лаврентьева* — доктор экономических наук,
профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Т. Ю. Савченко* — кандидат экономических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)

Культурология

- С. С. Загребин* — доктор исторических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- А. Н. Лукин* — кандидат культурологии, доцент
(г. Челябинск, Россия)

История

- С. В. Нечаева* — кандидат исторических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)
- С. С. Смирнов* — доктор исторических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Д. В. Тимофеев* — доктор исторических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)

КУЛЬТУРА

Кохан Уолтер Омар

(Kohan Walter Omar)

Пауло Фрейре и «Философия для детей»: критический диалог.....55

Апухтина Нина Георгиевна,
Миляева Екатерина Галимулловна,
Пеннер Регина Владимировна

Методы философской практики (философское консультирование и партнерство) в студенческой аудитории: образовательный эксперимент. Часть I 68

Пашинцев Евгений Васильевич

Специфика религиозной культуры в зеркале социальной философии 79

Май К Да

Евангелие от Иоанна как модель для культурной интеграции протестантизма во Вьетнаме 86

Александрова Людмила Дмитриевна,
Трушников Екатерина Леонидовна

Философское прогнозирование будущего и трансформация телесности в контексте цифровой культуры 91

АКТУАЛЬНАЯ АНАЛИТИКА

Бойкова Анна Алексеевна,
Никонова Ольга Юрьевна

Мировые практики поддержки международной мобильности научных кадров: характеристика и перспективы применения в России 98

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ

Научный журнал «Социум и власть»

предназначен для специалистов в области государственного и муниципального управления, философии, социологии, политологии, юриспруденции, экономики, менеджмента, истории, культурологии, а также преподавателей, аспирантов и студентов.

Тематика публикаций

должна соответствовать профилю журнала, различным аспектам состояния социума и его взаимоотношениям с властью.

Журнал «Социум и власть» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по специальностям:

- 09.00.11 — Социальная философия.
- 09.00.13 — Философская антропология, философия культуры.
- 23.00.01 — Теория и философия политики, история и методология политической науки.
- 23.00.02 — Политические институты, процессы и технологии.
- 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством.

Рукописи рецензируются.

Требования к рукописям научных статей, представляемым для публикации в научном журнале «Социум и власть», размещены на странице 140.

Адрес редакции, издателя:

454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26
Телефон редакции:
(351) 771-42-30
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

Адрес в Интернете
<http://siv74.ru>

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов опубликованных материалов. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал выходит 6 раз в год, распространяется по подписке в отделениях почтовой связи.

Цена свободная

Подписной индекс 38909
в Объединенном каталоге
«Пресса России. Том 1. Газеты и журналы»

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Зырянов Сергей Григорьевич, Гордеев Сергей Сергеевич, Нечаева Светлана Владимировна

Институциональное обеспечение пространственного развития территорий Российской Федерации в условиях становления цифровой экономики: итоги Всероссийской научно-практической конференции (26 октября 2018 года, Челябинск, Российская Федерация) 110

Забара Людмила Ивановна

Геополитический имидж России в современном медийном пространстве (международная конференция «Учимся понимать Россию: политическая и массмедийная коммуникация» 10—14 октября, г. Екатеринбург) 117

Борчиков Сергей Алексеевич

«Философский семинар» города Озёрска как субъект практической философии 122

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

Сёмин Александр Николаевич

Рецензия на монографию Ю. В. Абдурахимова «Монопрофильные города Южного Урала: проблемы и перспективы развития» 128

Указатель статей, опубликованных в журнале «Социум и власть» в 2018 году 135

Founded by
 The Russian Presidential Academy of National Economy
 and Public Administration
 Published by
 Chelyabinsk branch
 of the Russian Presidential Academy
 of National Economy and Public Administration
 Copublisher — South Ural State University

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov
 (Chelyabinsk, Russia)

Deputy Chief Editor

Doctor of Philosophy, Professor
A.S. Chuprova
 (Blagoveshchensk, Russia)

Head of Philosophy Dept

Doctor of Philosophy, Professor
S.V. Borisov
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Political Science Dept

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Economics and management Dept

Doctor of Economic Sciences, Professor
I.V. Lavrentyeva
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Sociology Dept

Doctor of Philosophy, Professor
E.V. Grunt
 (Yekaterinburg, Russia)

Head of Law and State Dept

Candidate of Legal Sciences
A.V. Ylyinykh
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Cultural Studies Dept

Doctor of Historical Sciences, Professor
S.S. Zagrebina
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of History Dept

Doctor of Historical Sciences, Assistant Professor
D.V. Timofeev
 (Chelyabinsk, Russia)

International Relations

Doctor of Philosophy, Professor
S.V. Borisov
 (Chelyabinsk, Russia)

Executive editor

Candidate of Philosophy Sciences
A.A. Bobrik
 (Chelyabinsk, Russia)

Certificate of Registration
 PI № FS 77-48298 of 24.01.2012
 Issued by Russian Surveillance Service
 for Mass Media and Communications.
 Passed for printing on 29.12.2018 r.
 Format 70×108 1/16
 Reference sheet area 12,25. Issues — 500.
 Order № 524/571.
 Designed and printed at
 454080, Chelyabinsk, Lenina prospect, 76.

SOCIUM

Elena Yu. Pogorelskaya

On the issue of technical freedom7

Oksana N. Novikova

A man playing in the age
 of virtual reality16

POWER

Olga V. Tokareva

The effect of the state institution
 and the «party of power»
 on constructing the image
 of Russian women-parliamentarians26

Anton I. Zhelnin,

Oleg A. Barg

On the criticism of biopolitical
 economy: perspectives of managing
 a man's biology in the context
 of modern transition
 from biological power to biopolitics
 and the crisis of medicine36

ECONOMICS
 AND MANAGEMENT

**Irina V. Lavrentyeva,
 Svetlana R. Abramkina,
 Vladimir N. Belkin**

Problematics of balancing
 the processes of labor-power
 reproduction in the context
 of jobs reallocation (as exemplified
 by the Ural Federal District)46

BOARD OF EXPERTS

Philosophy

- S.V. Borisov* — Ph.D., professor
(Chelyabinsk, Russia)
E.V. Grunt — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Yu.G. Ershov — Ph.D., professor
(Yekaterinburg, Russia)
Victorya Lezyer — Ph.D., professor
(Folkarkeyre, France)
V.G. Ledyav — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
A.N. Medushevsky — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
A.V. Pavlov — Ph.D., Professor
(Tyumen, Russia)
V.D. Popov — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
G.L. Tulchinskii — Ph.D., Professor
(St. Peterburg, Russia)
A.S. Chuprov — Ph.D., Professor
(Blagoveshchensk, Russia)

Political Science

- S.G. Zyrianov* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
A.V. Pavroz — Ph.D.
(St. Peterburg, Russia)
A.V. Ponedelkov — Ph.D., Professor
(Rostov-on-Don, Russia)
O.F. Rusakova — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Gregory Simons — Ph.D., professor
(Upsala, Sweden)
A.Yu. Sungurov — Ph.D., Professor
(St. Peterburg, Russia)

Sociology

- N.B. Kostina* — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Sabina Lisitza — Ph.D., professor
(Areal, Israel)

Law

- V.G. Grafskiy* — LLD, Professor
(Moscow, Russia)
A.V. Kovban — Cand. Sc. (Legal Studies),
(Odessa, Ukraine)
S.V. Kodan — LLD, Professor
(Yekaterinburg, Russia)
A.B. Sergeev — LLD, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Economics and Administration

- O.V. Artyomova* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
L.M. Bajtenova — Dr. Sc.
(Almaty, Kazakhstan)
L.M. Mutaliev — Cand. Sc. (Economics)
(Astana, Kazakhstan)
I.V. Lavrentyeva — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
T.Yu. Savchenko — Cand. Sc. (Economics),
Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Cultural Studies

- S.S. Zagrebin* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
A.N. Lukin — Cand. Sc. (Cultural Studies),
Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

History

- S.V. Nechaeva* — Cand. Sc. (History), Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)
S.S. Smirnov — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
D.V. Timofeev — Ph.D., Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

CULTURE

Kohan Walter Omar

Paulo Freire and “Philosophy for children”: critical dialogue55

**Nina G. Apukhtina,
Ekaterina G. Milyaeva,
Regina V. Penner**

Methods of philosophical practice (philosophical consulting and companionship) for students: an educational experiment. Part I68

Evgeniy V. Pashintsev

The specific character of religious culture in the viewpoint of social philosophy.....79

Mai K Da

Gospel of John as a model for cultural integration of Protestantism in Vietnam86

**Lyudmila D. Aleksandrova,
Ekaterina L. Trushnikova**

Philosophical forecasting of the future and transforming physicality in the context of digital culture91

CURRENT ANALYTICS

**Anna A. Boikova,
Olga Yu. Nikonova**

The global practice of supporting international mobility of academic personnel: characteristics and prospects of their applying in Russia98

**INFORMATION
FOR READERS AND AUTHORS**

**Scientific journal
«SOCIUM AND POWER»**

is for experts in public and municipal administration, philosophy, sociology, political science, law, economics, management, as well as for teachers, graduate students and undergraduates.

Article topics

must conform to the journal's profile and be relevant to various (political, social, economic, legal etc) aspects of the society and its relations with public and municipal authorities.

According to the decision of the Presidium of the Higher Attestation committee (VAK) of the Russian Ministry of Education and Science, the «SOCIUM AND POWER» journal is included

**in the list of leading
peer-reviewed scientific journals
and publications,**

where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following fields of science: philosophy, political science, economics.

The articles are peer-reviewed.

The requirements for scientific articles to be published in the «SOCIUM AND POWER» scientific journal are located at page 140.

Send your articles to the editor's office at:

454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26
Editor's office phone number:
(351) 771-42-30
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

Website:
<http://siv74.ru>

Disclaimer:
Only the authors of published articles may be held liable for authenticity and accuracy of citations, names, titles and other information as well as for respecting the intellectual property legislation.

Copyright reserved

The journal is published quarterly and distributed by subscription at the post offices.

Free price

**Subscription index
in Russia**
38909

SCIENTIFIC LIFE

**Sergey G. Zyryanov,
Sergey S. Gordeev,
Svetlana V. Nechaeva**

Institutional support of spatial development of the Russian Federation territories in the context of developing digital economy: the results of the all-Russia scientific and practical conference (October 26, 2018, Chelyabinsk, the Russian Federation)..... 110

Lyudmila I. Zabara

The geopolitical image of Russia in the modern media space (international conference «Learning to understand Russia: political and mass media communication», 10—14 December, Yekaterinburg) 117

Sergey A. Borchikov

«Philosophical seminar» in Ozersk as a subject of practical philosophy 122

CRITICISM AND REVIEWS

Aleksander N. Semin

Review of Yu.V. Abdurakhimov's monograph "South Ural monotowns: problems and prospects of development" 128

Для цитирования: Погорельская Е. Ю. Техника на пути к собственной свободе // Социум и власть. 2018. № 6 (74). С. 7—15.

УДК 001.1

ТЕХНИКА НА ПУТИ К СОБСТВЕННОЙ СВОБОДЕ

Погорельская Елена Юрьевна,

Гуманитарный университет,
факультет социальной психологии,
доцент кафедры социально-культурного сервиса
и туризма, кандидат философских наук.
Российская Федерация,
620049, г. Екатеринбург, ул. Студенческая, д. 19.
E-mail: schreibigus@mail.ru

Аннотация

Введение. Технические предметы возникают вместе с человеческим родом, но время, когда «техническое» стало онтологическим, человечество переживает сейчас. Необходимость осмысления техники, ее природы и сущности, вызвана прежде всего кризисом современной техногенной цивилизации. Многообразие экологических проблем и милитаристских угроз отражает непонимание человеком природы «технического» и характера связи человека и техники.

Цель. Показать истоки и перспективы развития современной технической цивилизации.

Методы. Работа предполагает обращение к исторической ретроспективе развития экспериментальной науки, которая с необходимостью требовала использование инструментов и приборов для изучения мира. Работа отличается многообразием культурно-исторического материала (литература, кино) и фактов истории европейской науки. Используются герменевтические и феноменологические методы.

Научная новизна. Новизна работы связана с постановкой вопроса об онтологическом статусе техники, о новом диалоге техники и человека.

Ключевые понятия:

техника,
эксперимент,
история науки,
техногенная цивилизация,
научные открытия.

Введение

На рубеже XVI—XVII вв. берет свой исток глобальное социальное явление, которое впоследствии назовут «научной революцией». Зародившись как интерес немногих избранных интеллектуалов, научная революция переросла в научно-технологическую парадигму, длящуюся и сейчас. За последние 400 лет сформировалась особое новое «чувство истины», о котором Ницше скажет: «Мне по душе всякий скепсис, на который мне дозволено ответить: “Попробуем это!” Но я не могу уже ничего слышать о всех вещах и вопросах, не допускающих эксперимента. Ибо там храбрость утрачивает свои права» [16, с. 547]. Эта храбрость поставила под сомнение авторитеты античности, взяла уверенный курс на открытие новых земель, но всегда при этом в уме удерживала ценность пользы. Совершенно очевидно, что новая наука основана на новом типе взаимодействия с эмпирической реальностью — она берет себе в помощники для освоения действительности технику.

* * *

В сказке Андерсена «Свинопас» принц приносит в дар избраннице самое, на его взгляд, ценное: цветущую розу и живого поющего соловья. Цивилизованная принцесса не принимает подарка, считая его слишком естественным. Тогда влюбленный принц притворяется свинопасом. Он пасет свиней, а в свободное от работы время мастерит для принцессы то, что она только и может оценить: горшочек, который умеет варить сам и волшебную трещотку, провоцирующую на танец любого. Очарованная подарками принцесса сдается, и, теряя свое величественное достоинство, целуется со свинопасом в окружении служанок. Сказка напрямую предупреждает о перспективах: даже на уровне правителей люди отдаются во власть технических средств, заменяя красоту и естественность на технические трещотки.

Другая история повествует о том, как девушка просит любящего отца отыскать ей Аленький цветочек — диковинку, которой нет. Отец находит заветное. Но Аленький цветочек не прост — он может быть отдан Чудищем только за настоящее искреннее чувство. Чудище-отшельник, забитый своей безысходностью, понимает, что именно является средством преобразования мира: все можно исправить, даже невыносимое уродство.

В этих сказках мы видим два способа влияния на человека и, соответственно, два

пути преобразования мира. Если посмотреть на развитие общемировой цивилизации, то очевидно прослеживается выбор принцесс.

* * *

В мировоззренческом меморандуме «Новый органон» Ф. Бэкон настаивал, что наука должна приносить пользу [5]. Это было принципиально новым аргументом научности, поскольку до этого много веков, со времен античности, целью научного знания ставилась чистая истина, а не польза от неё. Для науки ориентироваться на использование вещей, а не на их понимание было принципиально новым. «Управляли вещами» ремесленники, а ремесленное знание по статусу было гораздо ниже научного, философского, которое занималось поиском оснований вещей, их причин. Но это умозрительное знание, эстетическое по своей природе, кроме осознания красоты и гармонии мира ничего не давало; по крайней мере, не давало решения практических вопросов, которые являлись насущными для большинства. Например, такими вопросами всегда были вопросы здоровья человека. Медицина очень близка к жизни, и здесь «одной теорией не обойдешься». Недаром многие медики того времени были алхимиками, носителями знания, в котором символический аспект тесно переплетается с эмпирическим, опытным. Лечение всегда ориентируется на результат, и именно он является незыблемым аргументом в пользу правомерности теории. К примеру, Парацельс в XVI в. доказывает, насколько важно внедрение в процесс лечения новых, в том числе неорганических, веществ. Парацельс говорил, что, раз появились новые болезни — он имел ввиду сифилис, завезенный из Америки, необходимы и новые методы лечения. Конечно, это шло вразрез университетскому знанию, но зато имело реальный утилитарный успех. Ф. Бэкон также настаивает, что новая философия направлена на улучшение судеб всего человечества.

Принципиальная прагматичность новой науки во многом была связана с изменением основной ценностной ориентации западной цивилизации — желания счастья не за облаками, а тут, сейчас, немедленно. В это время происходит религиозная Реформация, которая ставит под вопрос догмат о необходимости посредничества церкви в общении человека и Бога, и человек, как следствие, начинает теряться в определении цели и смысла своей жизни. Не имея трансцендентного ориентира, он выбирает ориентир материально осязаемый — достаток, здоровье,

общую удовлетворенность жизнью. М. Вебер напрямую связывает развитие капиталистического производства со становлением протестантизма [6]. Наука как часть целостной культуры западного мира с необходимостью «отразила в себе» все её мировоззренческие изменения, добавив во «внутреннем диалоге с *целым* западного мира» еще и свои.

Во-первых, была поставлена под вопрос реальность непосредственного присутствия Бога в материальном мире. Бог в отношении материи стал композитором и дирижером к прекрасно написанной партитуре. В античности материю воспринимали как источник небытия, то, на что нельзя опереться, о чём нельзя составить компетентное суждение. У Р. Декарта, когда материя получила статус субстанции, а следовательно, самодостаточного начала, она стала рассматриваться как нечто незыблемое, связанное определенностью законов, надежное, созданное «великим ремесленником, мастером», Богом, который не обманывает [12]. Следовательно, законы материальной природы вечны. Человек — лучшее, что создал Бог, и поэтому мир создан для него. Ф. Бэкон прямо говорит, что к природе надо относиться как к мастерской. Мир недоделан, человеку в пору его достраивать, было бы желание. Творческие потенции человека направлены на изменение и улучшение мира, всё в его силах и власти, поэтому не стоит ждать милости от природы, а следует подойти к ней по-хозяйски, рачительно, как садовник подходит к обработке своего сада, тогда будет урожай.

Во-вторых, Новое время «стоит на плечах» великих географических открытий. Мир обрёл новые границы. Но главное, что поменялось, — само представление о познании. Античность стремилась объяснить мир, сводя существующие явления к действию определенных причин метафизического плана. Например, у Пифагора это был мир чисел, у Платона — мир идей, у Аристотеля — мир четырех причин. Так или иначе, за видимым миром вещей скрывается мир бытия, или мир, в котором поддерживаются возможности причин каждой вещи и события, и усмотрение (видение) сущности этого трансцендентного мира является базовым в понимании всего остального. Усматривали причины вещей философы, а философское знание считалось знанием теоретическим. «Предметами теоретических наук считались объекты, возникновение, способ существования и изменения которых не зависят от чьего-либо произвола... Недоступность этих объектов произвольным изменениям, а также сознательным воздержанием от

них объяснялось и то, почему единственно возможный способ поведения с ними (например, с космосом) — это созерцание или теория» [4, с. 97—98]. На пороге Нового времени стала стремительно меняться сама картина эмпирической реальности, которая оказалась просто несоизмеримо шире, чем тот мир, который был известен античным философам. Например, как объяснить существование аборигенов Америки, которые не знают Святого Писания? И как можно понять цивилизации, находившиеся за пределами христианского мира? Это принципиальное экстенсивное расширение мира в результате географических открытий с необходимостью требовало осмысления новых вещей и явлений, с которыми сталкивались первооткрыватели. Мир рос на глазах, и новое знание надо было как-то инвентаризировать, классифицировать, понимать. Поэтому «открытие» стало представлять собой принципиальную новизну опыта, который не укладывался в знакомые тогда схемы. Открытие новых территорий и культур показало ограниченность античного представления о мире и требовало пересмотреть гносеологический инструментарий для получения знания, а если сказать проще — потребовались новые методы для осмысления действительности. Так появился эксперимент.

Особенность эксперимента в том, что объект ставится в искусственные контролируемые условия. Раньше искусственные условия не применялись для изучения объектов. Но после глобальной географической экспансии, которая охватила весь Западный мир, возникновение искусственных условий стало нормой для сохранения и изучения диких видов, с которыми столкнулись в результате своих походов и мореплаватели, и миссионеры, и просто торговцы. Необходимо было понять, что за дикие растения и животные привозили исследователи новых земель с экспедиций, и для этого стали делаться простые ботанические сады во Франции и Англии. Конечно, ботанический сад, как и лаборатория, как и музей — искусственное образование, пространство для изучения новых предметов, но это и особое «временное хранение» экспоната в лабораторных условиях. Необходимо ведь было сохранить «достопримечательность», чтобы она была живой (ботанический сад, зоопарк, аквариум), или, по крайней мере, просто сохранить предмет (музей, лаборатория) для изучения. Искусственные условия были специфическим буфером для хранения, «отстойником». Как оказалось, искусственные условия способны сохранить основные свойства исследуемого

предмета. Кроме того, Ф. Бэкон, основной глашатай новой философии естествознания, считал, что в таких условиях природа взаимодействует сама с собой — *выживает*, и тем самым показывает свои скрытые качества. Экспериментальный метод на самом деле давал некоторое расширение в познании природы. Ведь природа, вопреки мнению Ф. Бэкона, «вырывалась» из привычных ей рамок и на самом деле показывала *какие-то новые* качества, поскольку ей приходилось существовать в экстраординарных ситуациях, а не когда все спокойно и природные процессы идут своим чередом. На смену естественному наблюдению природных явлений приходят лаборатории, в которых главным подручным исследователю становится *прибор*. «В знаменитой «Микрографии» Р. Гук замечает, что, «присоединяя искусственные органы к естественным», мы развиваем оперативное и механическое познание, с помощью которого «мы оказываемся в состоянии раскрыть все тайны природы почти тем же путем, каким следуем в техническом производстве, пользуясь колесами, инструментами и пружинами, измышленными человеческим хитроумием» [1, с. 102].

Одним из таких научных экспериментов является эксперимент Блеза Паскаля, который отправил в 1648 г. своего родственника Флорена Перье на гору Пюи-де-Дом с целью подтвердить вес атмосферного воздуха. Долгое время считалось, что воздух ничего не весит, но в 1648 году Паскаль это опроверг. Сам Паскаль подняться на эту гору не мог по болезни, но его предположения и прибор, созданный для этой цели, позволяли проверить гипотезу о наличии у воздуха веса или давления. Ртутный барометр придумал Е. Торричелли, ученик Галилея в 1640-х гг., и Паскаль воспользовался этим новым прибором. Обращая внимание, что так просто определить наличие веса у воздуха было невозможно, следовательно, требовался *особый прибор, искусственное образование, помощник*, который бы позволил это определить. «Паскаль опубликовал подробный отчет об эксперименте, а вскоре вышел исчерпывающий отчет Перье с предисловием и комментариями Паскаля. Перье подробно рассказал и о своем восхождении на гору, и о спуске с горы, перечел по иенам всех своих спутников и всякий раз отмечал высоту ртутного столба, засеченную на каждом привале долгого и утомительного пути. В конце своего повествования, уже без всяких сомнений заявив, что ртутный столб в колбе поднимался тем выше, чем дальше они ушли в сторону вершины, Перье

передал слово Паскалю, который и превратил его речевое свидетельство в обоснование универсальной философской истины» [11, с. 232]. Впоследствии Паскаль повторит этот эксперимент с барометром, но заносить прибор уже будут на колокольню в Париже. Тоже не совсем естественное условие для получения нового знания. Эксперименты сопровождаются *приборами* практически всегда. Это одно из важнейших обстоятельств любого эксперимента. *Прибор является как бы другом-соучастником в познании природы.* Ясно, что прибор — техническое средство. Техника сразу воспринималась человеком как друг, как то, что усиливает человеческие возможности: позволяет видеть там, где не видно, слышать там, где не слышно, словом, — осуществлять контроль там, где человек уже не в состоянии это сделать сам. Обращаем внимание на то, что все эксперименты, предполагающие приборы, так или иначе апеллируют к числовым соотношениям, существующим в природе. Прибор замеряет прежде всего числовые соотношения. Впоследствии эксперименты по установлению атмосферного давления были продолжены в 1662 г. Робертом Бойлем, английским естествоиспытателем, который для этого также соорудает свой прибор в виде банки, из которой насосом откачивают воздух до того момента, пока это возможно. В результате прибор показывал наличие в банке искусственного вакуума и, поскольку внутри банки был барометр, отсутствие давления воздуха. Бойль отказывался говорить о причинах природных явлений, которые он сам в результате экспериментов обнаруживал, занимая принципиальную позицию свидетеля, который фиксирует регулярности в природе количественно, отказываясь от философских интерпретаций. *Исследователь брал на себя образ машины — объективной, определенной в фиксации числовых соотношений, отказывающейся находить конечные причины природных явлений.* Так же и Галилей, подводя своих слушателей-зрителей к телескопу и показывая спутники Юпитера, тоже лишь *свидетельствовал* наличие таковых. Все экспериментаторы, прибегавшие к использованию приборов в эксперименте, с необходимостью сталкивались с одним и тем же парадоксом: да, прибор подтверждает определенную гипотезу, да, он свидетельствует о некотором наличии факта, но не обманывает ли нас прибор? Многие, смотревшие в телескоп Галилея, отходили, крестясь, оставаясь верными своим воззрениям. Настолько ли можно верить машине? Один из учеников Кеплера, смотревший в

телескоп Галилея, так написал об этом событии: «Я так и не заснул 24 и 25 апреля, но проверил инструмент Галилео тысячьо разных способов и на земных предметах, и на небесных телах. При направлении на земные предметы он работает превосходно, при направлении на небесные тела обманывает: некоторые неподвижные звезды (была упомянута, например, Спика Девы) кажутся двойными. Это могут засвидетельствовать самые выдающиеся люди и благородные ученые... все они подтвердили, что инструмент обманывает... Галилео больше нечего было сказать, и ранним утром 26-го он, печальный, уехал... даже не поблагодарив Маджини за его роскошное угощение...» [18, с. 265]. Вопрос, насколько техника дает нам возможность увидеть объективную картину, а не снабжает новыми иллюзиями, остается открытым и по сей день. Безусловно то, что много сейчас находится под контролем технических средств. Но насколько мир, который нам дается через машинную искусственную оптику, адекватен реальному положению вещей. Мы можем сказать, что неадекватность приборов XVII в. просто свидетельствует об их техническом несовершенстве, но где предел совершенства, если техника оперирует в основном количественными показателями, а у количества как такового нет остановки. Абсурд «дурной бесконечности» простого наращивания количества убедительно доказал Г. Гегель [9]. Как выйти к качеству, которое и дает полноценное свидетельство о совершенстве, если наука со времен Декарта отказалась от категории качества как ценности? А «качество» бьется в научную лодку вопросом о реальности всего того знания, которое поставляет наука без устали и без размера. Фраза Лоуренса Джозефа Хендерсона: «Наука больше обязана паровой машине, чем паровая машина науке» — является провокационной. В ней ставится вопрос, что первично, наука или техника, и что на самом деле является двигателем научно-технического прогресса? Однако если обратиться к истории, мы увидим, что многие технические приспособления, например водяные мельницы, совершенствовались очень медленно, порядка тысячи лет. И реальный технический прорыв в использовании водяных колес возник тогда, когда возникла уверенность, что, используя новый научный метод — эксперимент, можно добиться реальных успехов в достаточно короткое время.

Именно наука шла рука об руку с техникой, именно она обосновывала целесообразность техники, и сделала ее своей сестрой и помощницей. Именно наука при-

вела технику в мир в той мере, которую мы имеем сейчас: техника присутствует тотально. Мы вправе задать вопрос о том, что это за мир под вуалью технических конструкций: уж если скрывать, то что?

Основной тип мировоззрения, господствующий в это время, — механистический. Мир воспринимается как машина, как механические часы, состоящие из множества элементов, связанных между собой универсальными связями, законами природы. Всякий инструмент — это такая же часть общей машины мира, только создана эта часть руками человека, а не Бога. Изучая при помощи инструментов машину природы, открывая в ней новые законы, мы получаем возможность усовершенствования своих приборов, поскольку они имеют с машиной мира равную онтологию. Все есть машина: и животные, и человеческие тела. А что такое смерть? Да это просто машина сломалась... Декарт в своем рассуждении о том, каково различие между живым и мертвым телом, пишет: «Заметим, что смерть никогда не наступает по вине души, но исключительно потому, что разрушается какая-либо из частей тела. Будем рассуждать так: тело живого человека так же отличается от тела мертвого, как отличаются часы или иной автомат (то есть машина, которая движется сама собой) когда они собраны и когда есть материальное условие тех движений, для которых они предназначены, со всеми необходимыми для них действиями, от тех же часов или той же машины, когда они сломаны и когда условия их движения отсутствуют» [13, с. 484].

Новое время было очаровано машинами, возникновение механистического мировоззрения нельзя обосновать только утилитарной целесообразностью, скорее здесь был прочувствован *новый эстетический критерий*, логическое безапелляционное совершенство: часы. Механические часы были изобретены в конце XIII в. «Так, в 1364 г. (приблизительно через шестьдесят лет после изобретения анкерного механизма, сделавшего возможным механические часы) Джованни де Донди построил в Падуе астрономические часы, которые показывали время, отображали движение Солнца, Луны и других планет, а так же указывали дни религиозных праздников» [7, с. 387]. Часы отражали движение небесных сфер астрономии Птолемея, и Новое время бессознательно, отказываясь от своего средневекового отца, взяло себе в качестве эстетического совершенства модель часов на всю оставшуюся жизнь. В диалектическом скрытом виде вышло на новый уровень?

Почему именно часы, а не мельница, например, стали образцом Вселенной? Нужно понимать, что часы — это не просто машина, прибор, это автомат — один раз завели, а дальше они идут сами. *В часах заложена совершенная программа, которая отражает интуитивно главную ценность жизни — время.* И если первые часы отражали, в традиции Аристотеля, движение небесных сфер, то впоследствии, когда часы стали астрономическими, они стали организовывать социальную жизнь и, как следствие, жизнь конкретного человека. «Часы снабжались маленькими фигурками, которые выходили из них и двигались, указывая время: очень часто часы отбивались фигуркой человека с молоточком. Иногда появлялась фигурка Богоматери с Младенцем в сопровождении трех волхвов или механические герольды трубили в трубы. Часы в Страсбургском соборе (изготовленные в 1352—1354 гг.) считались самыми сложными из сконструированных в то время. Сверху у них, например, стоял золотой петух, который хлопал крыльями, открывал клюв, высовывал язык и кукарекал, возвещая, что наступил полдень» [7, с. 388].

Впоследствии, когда Декарт, а за ним Лейбниц будут говорить о том, что живое — это *естественный автомат*, то в этой идее содержится то, что *неважно, из чего, из какой материи сделан/сотворен предмет/вещь, в материальной части — это машина.* Животное тоже выполняет божественную программу как механический петух на часах Страсбургского собора.

Создать автоматическую куклу наподобие живых существ стало своеобразным вызовом для инженеров. «Декарт, к примеру, придумал канатоходца, который двигался под воздействием магнитов, говорят также, что Декарт придумал автоматическую женщину... К сожалению, она не сохранилась — ее выбросил во время шторма за борт один набожный капитан корабля, на котором плыл Декарт. Капитан решил, что в куклу вселился сам дьявол» [7, с. 189].

В Новое время видели, что живая природа способна к саморегуляции, самообновлению и самонаправлению даже на уровне простейших организмов. Поэтому ученые считали, что поведение животного схоже с поведением машины-автомата. Хайдеггер впоследствии скажет, что животное загнано в кольцо инстинктов. В работе «Основные понятия метафизики» он характеризует бытие животного как «бытие в трубе». «Животное не только имеет определенное отношение к тому кругу, в котором находит пищу, врагов, половых партнеров, но на протяжении

всей своей жизни находится в определенной среде, будь то вода, воздух или то и другое вместе, причем находится так, что принадлежащая ему среда остается для него незаметной, но выпадение из нее тотчас вызывает стремление к возврату... Потому, исходя из этой связи, говорят: у животного есть свое мироокружение, в котором оно вращается. На протяжении всей своей жизни животное находится в своем мироокружении как в трубе, которая не расширяется, не сужается и не запирается» [20, с. 306].

Учитывая, что животное по «прогнозам Нового времени» души не имеет, а ведет себя как естественный автомат — оно является переходным звеном между человеком и машиной. В этой триаде «машина — животное — человек» логика развития идет в сторону обретения существом все большей свободы. Получение свободы на уровне механизма или животного ведет к хаосу и дезорганизации в мире. Несанкционированная свобода опасна, потому миру необходим контроль.

Особенность современного состояния человечества в том, что страх является самым распространенным переживанием. Успехи науки на деле оказались спорными: возникли ядерная и экологическая угрозы. Все современные проблемы так или иначе связаны с использованием техники. Изначально со времен промышленной революции глобальная опасность техники была неочевидна, все проблемы при использовании техники казались временными и связывались с ее временным несовершенством. Как можно бояться того, что сам создал? Извечная иллюзия Тараса Бульбы: «Я тебя породил, я тебя и убью». На деле все оказалось не так. Идея, объективируясь в различных предметах, наделившись благодаря создателю сущностью, начинает своим присутствием менять мир и создателя в том числе. Техника из понятного друга и помощника превратилась в то, что скрывает свою сущность и отношения с чем неоднозначны. Ульрих Бек называет современную техногенную цивилизацию «обществом риска». «Общество риска» связывает в недифференцированные массы богатых и бедных, образованных и безграмотных, сильных и слабых: экологическая и ядерная угрозы не предполагают национальных и государственных границ. Возникает парадоксальная ситуация — в современном «обществе риска» не выживет сильнейший, как настаивал Ч. Дарвин. Спаситься можно только всем сразу. «Никакой дикой природы нет — все является специфическим продуктом научно-технического, экономико-политического

прогресса. В наводнениях, засухах, болезнях человек обнаруживает свое собственное присутствие» [17, с. 40]. В итоге техника, созданная на благо человека, становится одним из факторов глубочайшего неблагополучия человечества.

Так же как человек берет на себя образ Бога-Творца, чувствуя постоянное внутреннее давление/желание реализовать творческие импульсы, так машина носит в себе скрытый образ человека и так же стоит перед проблемой «дорастания» до человеческой природы. К машине много претензий именно потому, что *машина, по сути, копия и способна только на копии*. С массовым производством одинаковых товаров и услуг связывают и возникновение такого глобального социального явления как массовый человек. Массовый человек возникает на фоне мирового рынка, кинематографа и массмедиа: повседневно мира тотальных копий, неограниченной репродукции информации. *Возможность скопировать становится важнее*, чем использование оригинала, к тому же копия зачастую дешевле, и иметь дело с копией юридически проще.

Вот пример — фильм-сериал «Мир Дикого Запада» — фантазия на тему возможного диалога человека и машины. История в фильме начинается с радостного манифестирования фундаментальных ценностей западной цивилизации — комфорта и контроля. Люди, приехавшие в парк развлечений «Мир Дикого Запада», могут позволить себе любое желание, в том числе социально неодобряемое. Машины-хосты, которые обслуживают людей, не отличаются от «приезжих» внешне и поведенчески, но при внешнем абсолютном сходстве «внутренности» у хостов принципиально механические. Авторы фильма тем самым хотели показать, что хосты *принципиально* являются *машинами*, и это в них первично по отношению к биологическому и социальному дизайну, который они приобретают в результате манипуляций инженеров-художников и психологов. С этими биомеханическими игрушками «гости» (люди) могут делать все что угодно. Все дело в том, что основной тип отношений гостей к хостам — это разрушение. Гости ломают хостов. После этого работники парка физически восстанавливают игрушки-машины и стирают им память, потому хосты «живут каждый день заново, с чистого листа»: радостно и безмятежно. Тем самым фиксируется первое отличие человека от машины — человек имеет память, создающую неповторимый внутренний «мир переживаний», в то время как у хоста

разнообразие поведенческой программы укладывается в сценарий, который достаточно велик, чтобы производить впечатление живого участия хоста в событии. Хостов до поры устраивал их маленький цикл.

На первый взгляд кажется, что Парк — глобальная симуляция, все оказывается не тем, чем является. «Иллюзия реального пережитого, повседневного, но воспроизведенного иногда с такими странными деталями, что они начинают смущать, воспроизведенного как животный и растительный заповедник, выставленного на обзор в своей прозрачной точности, но лишённого сущности, заранее дереализованного, гиперреализованного» [2, с. 222]. Хотя Парк претендует на то, что он реальнее самого мира, поскольку оставляет человека один на один с собой. Считается, что в Парке приезжий узнает что-то главное о себе. Но чаще всего гость Парка просто знакомится со своей Тенью — своим-иным, с тем, что человек не может позволить себе в обычной жизни. Парк удовлетворяет любые потребности гостей, кроме одного — смысла. Внутренний смысл, как ни странно, находят только хосты-машины, сошедшие вследствие множеств восстановлений/воскрешений со стандартного цикла. Происходит переворачивание: *человек в массе имеет тенденцию к упрощению, девальвации — машины, усовершенствуясь, приобретают все больший смысл*. Фильм, по сути, предлагает логику поведения возмущенного клона: у машины-клона столько же претензий на свободу, сколько и у человека: «если вы дали нам существование, так дайте нам его целиком — не то мы вас уничтожим!» Эта интонация требования свободы звучит основной темой — свобода выступает в качестве неотчуждаемого свойства мира.

Прогресс науки с очевидностью направлен в сторону развития биотехнологий. Открытие кода ДНК и возможность уже на современном этапе осуществлять генетический дизайн и клонирование организмов ставит вопрос о статусе созданных человеком существ. Очевидно, что массовое клонирование организмов не за горами.

Фильм «Луна 2112» (2009), режиссер Дункан Джонс, ставит вопрос о свободе клонированных организмов. В сюжете фильма мы сталкиваемся с судьбой двух человеческих клонов, которые используются в качестве рабочей силы для обслуживания предприятия по добыче высокотехнологичной энергии на Луне. Особенность работы на предприятии такого уровня с необходимостью предполагает, что, несмотря на практически автоматизированный процесс производства энергии,

принципиальные вещи все равно может делать только человек. Но готовить специалистов и доставлять на Луну слишком дорого. Поэтому проще создать клонированное существо, вместить в него паттерны памяти с необходимыми воспоминаниями, «сделать человека», который будет ответственно и по-человечески нести службу, если будет иметь, как любой человек, внутренний мир — то, что он любит, то, что он помнит, а главное, осмысленность жизни и ее цель. Спасает клонированного Сэма Белла от участи погибнуть через три года (в связи с истечением контракта / оптимальной работоспособности клона) — свободное волевое решение. Спасает Сэма Белла заложенная в его клонированную природу свобода. *Искусственная жизнь настаивает на своем подлинном бытии*. Это еще одна из проблем, которую ставит развитие техники — проблема реального: может ли копия претендовать на реальность или это неподлинное бытие, симулякр? В связи с возможностью искусственных клонов, копия все больше претендует на равные с подлинным бытием права. «В то время, пока мы не думаем о технике, а только пользуемся ей, техника укореняется и натурализуется в мире. Она естественнее, чем все естественное, субъектнее любого субъекта» [14, с. 8].

* * *

Может, Принцесса из сказки Андерсена «Свинопас» не только чувствует конъюнктуру развития мировой идеи, но и более человечна в отношении технических средств, а принц-Свинопас просто талантливый ханжа?

Заключение

В современной философии много внимания уделено вопросу об опасности техники. Все дело в том, что новые технологии — это место, где не определены законы и права, нет четких норм, классификаций, невозможна объективная компетентная и разносторонняя оценка. Это место открытого развития, где законы возникнут позже, когда будут прецеденты, как это всегда бывает с освоением нового. Развитие технической цивилизации идет по своей внутренней логике в неопределенность будущего. А техника все острее ставит вопрос о собственной реальности, *настаивает на своем подлинном бытии*. И возможно, что следующий диалог будет не диалогом культур, а давно случившимся, но никак не принимаемым всерьез *диалогом техники и человека*.

1. Ахутин А. В. Понятие «природа» в античности и в Новое время («фюсис» и «натура»). М. : Наука, 1988. 208 с.

2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М. : Постум, 2017. 320 с.

3. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. М. : Директ-Медиа, 2009. 115 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=41222> (дата обращения: 16.10.2018).

4. Болдыгин Г. В. И. Кант о совместимости знания и веры // Вестник Гуманитарного университета 2018. № 3 (22). С. 96—111.

5. Бэкон Ф. Новый Органон: вторая часть сочинения, называемая Новый Органон, или истинные указания для истолкования природы / пер. С. Красильщикова. М. : Директ-Медиа, 2014. 281 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=6986> (дата обращения: 16.10.2018).

6. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М. : Директ-Медиа, 2011. 179 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=47251> (дата обращения: 16.10.2018).

7. Вуттон Д. Изобретение науки: Новая история научной революции. М. : Колибри : Азбука-Аттикус, 2018. 676 с.

8. Гайденко П. П. Научная рациональность и философский разум. М. : Прогресс-Традиция, 2003. 528 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=235155> (дата обращения: 16.10.2018).

9. Гегель Г. В. Ф. Сочинения: в 14 т. Т. 1. Энциклопедия философских наук. Ч. 1. Логика / ред. А. Деборина, Н. Карева ; пер. Б. Г. Столпнер. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1929. 473 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=40151> (дата обращения: 16.10.2018).

10. Гегель Г. В. Ф. Сочинения : в 14 т. Т. 4. Система наук. Ч. 1. Феноменология духа / пер. Г. Шпет. М. : Изд-во соц.-экон. лит., 1959. 487 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=41192> (дата обращения: 16.10.2018).

11. Деар П., Шейпин С. Научная революция как событие. М. : Новое литератур. обозрение, 2015. 576 с.

12. Декарт Р. Рассуждение о методе / пер. Г. Тыменский. М. : Директ-Медиа, 2002. 96 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=7000> (дата обращения: 16.10.2018).

13. Декарт Р. Страсти души // Сочинения : в 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 1989. 654 с.

14. Дыдров А. А., Починская В. А., Шарипова А. Р. Механизация человека и гуманизация машины: тенденции существования человека и техники // Социум и власть. 2018. № 3 (71). С. 7—14.

15. Никонова С. Б. Эстетическая рациональность и новое мифологическое мышление. М. : Согласие, 2012. 416 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=252985> (дата обращения: 16.10.2018).

16. Ницше Ф. Веселая наука // Сочинения : в 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 1990. 829 с.

17. Тищенко П. Ответственность и риск в эпоху другого модерна // Логос. 2006. № 4 (55). С. 31—43.

18. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М. : Прогресс, 1986. 526 с.

19. Философия техники: история и современность / ред. В. М. Розина. М. : ИФ РАН, 1997. 284 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=63864> (дата обращения: 16.10.2018).

20. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. СПб. : Владимир Даль, 2013. 592 с.

References

1. Ahutin A.V. (1988) *Ponjatie «priroda» v antichnosti i v Novoe vremja («fjuzis» i «natura»)*. Moscow, Nauka, 208 p. [in Rus].

2. Bodrijjar Zh. (2017) *Simuljakry i simuljacija*. Moscow, Postum, 320 p. [in Rus].

3. Bodrijjar Zh. (2009) *V teni molchalivogo bol'shinstva, ili konec social'nogo*. Moscow, Direkt-Media, 115 p. Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=41222>, accessed 16.10.2018 [in Rus].

4. Boldygin G.V. (2018) *Vestnik Gumanitarnogo universiteta*, no. 3 (22), pp. 96—111 [in Rus].

5. Bjekon F. (2014) *Novyj Organon: vtoraia chast' sochinenija, nazyvajemaja Novyj Organon, ili istinnye ukazanija dlja istolkovanija prirody*. Moscow, Direkt-Media, 281 p. Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=6986>, accessed 16.10.2018 [in Rus].

6. Veber M. (2011) *Protestantskaja etika i duh kapitalizma*. Moscow, Direkt-Media, 179 p. Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=47251>, accessed 16.10.2018 [in Rus].

7. Vutton D. (2018) *Izobretenie nauki: Novaja istorija nauchnoj revoljucii*. Moscow, KoLibri, Azbuka-Attikus, 676 p. [in Rus].

8. Gajdenko P.P. (2003) *Nauchnaja racional'nost' i filosofskij razum*. Moscow, Progress-Tradicija, 528 p. Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=235155>, accessed 16.10.2018 [in Rus].

9. Gegel' G.V.F. (1929) *Sochinenija: v 14 t. T. 1. Entsiklopedija filosofskih nauk. Ch. 1. Logika*. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 473 p. Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=40151>, accessed 16.10.2018 [in Rus].

10. Gegel' G.V.F. (1959) *Sochinenija: v 14 t. T. 4. Sistema nauk. Ch. 1. Fenomenologija duha*. Moscow, Izdatel'stvo social'no-jekonomicheskoy literatury. 487 p. Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=41192>, accessed 16.10.2018 [in Rus].

11. Dear P., Shejpin S. (2015) *Nauchnaja revoljucija kak sobytie*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 576 p. [in Rus].

12. Dekart R. (2002) *Rassuzhdenie o metode*. Moscow, Direkt-Media, 96 p. Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=7000>, accessed 16.10.2018 [in Rus].

13. Dekart R. (1989) *Strasti dushi // Sochinenya: v 2 t. T. 1*. Moscow, Mysl', 654 p. [in Rus].

14. Dydrov A.A., Pochinskaja V.A., Sharipova A.R. (2018) *Socium i vlast'*, no. 3 (71), pp. 7—14 [in Rus].

15. Nikonova S.B. (2012) *Jesteticheskaja racional'nost' i novoe mifologicheskoe myshlenie*. Moscow,

Soglasie, 416 p. Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=252985>, accessed 16.10.2018 [in Rus].

16. Nicshe F. (1990) *Veselaja nauka // Sochineniya: v 2 t. T. 1.* Moscow, Mysl', 829 p. [in Rus].

17. Tishhenko P. (2006) *Logos*, no. 4 (55), pp. 31—43 [in Rus].

18. Fejerabend P. (1986) *Izbrannye trudy po metodologii nauki.* Moscow, Progress. 526 p. [in Rus].

19. *Filosofija tehniki: istorija i sovremennost'* (1997). Moscow, IF RAN, 284 p. Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=63864>, accessed 16.10.2018 [in Rus].

20. Hajdegger M. (2013) *Osnovnye ponjatija metafiziki.* St. Petersburg, Vladimir Dal', 592 p. [in Rus].

For citing: Pogorelskaya E.Yu.

On the issue of technical freedom //

Socium i vlast' 2018. № 6 (74). P. 7—15.

UDC 001.1

ON THE ISSUE OF TECHNICAL FREEDOM

Elena Yu. Pogorelskaya

Humanitarian University,
The Department of Social Psychology,
Associate Professor of the Department Chair
of Social-cultural Service and Tourism,
Cand. Sc. (Philosophy).
Russian Federation,
620049, Yekaterinburg, ulitsa Studencheskaya, 19
E-mail: schreibigus@mail.ru

Abstract

Introduction. Technical subjects appear together with the human race, but now the humanity is experiencing the time when «technical» has become ontological. The necessity to interpret technology, its nature and essence, is caused, above all, by the crisis of modern technological civilization. The variety of environmental problems and militaristic threats reflects a lack of understanding the nature of «technical» and the nature of man and technology interrelations.

The aim of the paper is to show the origins and prospects of modern technical civilization development.

Methods. The study appeals to the historical retrospective of the experimental science development, which necessarily required the use of tools and instruments to explore the world. The work is distinguished by the diversity of cultural and historical material (literature, cinema) and facts from the history of European science. The author uses hermeneutic and phenomenon methods.

Scientific novelty of the study. The novelty of the paper consists in formulating the ontological status of technology, a new dialogue between technology and man.

Key concepts:

technique,
experiment,
history of science,
technogenic civilization,
scientific discoveries.

Для цитирования: Новикова О. Н.
Игровая деятельность человека
в пространстве виртуальной реальности //
Социум и власть. 2018. № 6 (74). С. 16—25.

УДК 130.2

ИГРОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В ПРОСТРАНСТВЕ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Новикова Оксана Николаевна,
кандидат педагогических наук, доцент,
заведующий кафедрой
социально-гуманитарных дисциплин
Уральский государственный
лесотехнический университет.
Российская Федерация,
620100, г. Екатеринбург, Сибирский тракт, д. 37.
E-mail: oksnovi@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается феномен игровой деятельности человека в пространстве виртуальной реальности, где на смену традиционной игре пришел новый формат компьютерной игры, обладающей целым рядом особенностей. Компьютерная игра представляет собой художественно-технологический гибрид, в рамках которого замещаются виртуальными объектами не только реальные предметы, игровой инвентарь и прочие средства игровой деятельности, но и другие игроки становятся симулякрами. Опираясь на классификацию игр Р. Кайуа, базирующуюся на инстинктах, сознательных и бессознательных потребностях человека, мы попытались выяснить, как меняется игровое поведение современника в виртуальной реальности в контексте различных игровых практик. Так, игры агон (состязание) благодаря виртуальным коммуникациям воспринимаются современником не как возможность непосредственного

участия, а как зрелище, развлечение, способ выигрыша на тотализаторе. Игры alea (азартные) в виртуальной реальности притягивают своей конфиденциальностью, возможностью моментальной игры и уникальностью системы поощрения, даже при проигрыше. Игровые практики mimisgu (подражательные) благодаря компьютерным играм приобретают симуляционный характер, где современник стратегически прорабатывает различные модели самопрезентации посредством ролевого поведения компьютерных героев. В игровой симуляции он удовлетворяет свои насущные антропологические потребности, такие как свобода, творчество, коммуникация, нахождение смысла в собственном бытии, возможность самореализации. Игры ilinx (головокружение) виртуально удовлетворяют прежде всего базовый фактор страха, вызывая преувеличенные ощущения эмоционального драйва от симуляции вседозволенности и вседозволенности. Антропологическое значение современных виртуальных игр неоднозначно, и нуждается в пристальном научном внимании. Виртуальные игры носят массовый характер и создают привычки, формируют образ, стиль жизни и ценностные ориентации современника. На наш взгляд, они создают новый тип современного человека — Homo Mobiludens [5], для которого характерен новый тип коммуникации и новые личностные черты, в формировании которых важная роль принадлежит компьютерным играм.

Ключевые понятия:

Homo Mobiludens,
традиционная игра,
компьютерная игра,
виртуальная реальность,
виртуальная коммуникация.

Введение

Современное бытие человека тесно переплетается с феноменом виртуального. Введенное Джароном Ланье понятие «виртуальный» зарождается от слова *virtus* — «власть», «сила», «возможность» — и сегодня трактуется как «реальность в возможности» [27]. Виртуальная среда сформировала новый тип коммуникации — виртуальную коммуникацию, понимаемую как сетевое взаимодействие, всецело не принадлежащее ни сфере субъекта, ни сфере объекта, устойчиво функционирующее, но не подающееся концептуальной репрезентации [14, с. 63].

Проблемы виртуальной коммуникации, особенности ее построения раскрыты в работах Л. Д. Александровой, Л. В. Баевой, Ж. Бодрийяра, С. А. Борчикова, А. С. Ветушинского, Д. В. Галкина, О. И. Елховой, В. А. Емелина, М. Кастельса, Н. Н. Королевой, М. Маклюэна, А. С. Салина, Е. О. Самойловой, Ю. М. Шаева и др. [1; 4; 6; 7; 9; 11; 14; 15; 18—20; 22; 23]. Так, Л. В. Баева пишет: «виртуальное общение имеет определенную специфику субъект-субъектных отношений, связанную как с самопрезентацией, так и с восприятием Другого. Важнейшим аспектом общения является манифестация себя для Другого, презентация своего образа, убеждений, интересов, чувств и т. д.» [4, с. 7]. Виртуальная реальность образует значительную часть жизни современника и фактически неотделима от реальности, в которой игра как феномен человеческого бытия приобретает новые качества.

Эпоха постмодерна девальвировала понятие и сущность игры, осознав и вычленив ее вторичность, искусственность и фиктивность. Симуляция игровых форм в виртуальной реальности сочетается со свободным творческим началом, минимизацией затраченных усилий на сотворение идеально-реальных форм игровой деятельности. По своей сути виртуальная реальность становится условием, фактом и атрибутом существования игры в исторически новом формате.

Цель данной статьи — проанализировать изменения понимания игры в контексте виртуальной коммуникации, выявить специфику современной игровой виртуальной культуры и ее влияние на человека, играющую в виртуальной реальности.

Исследование феномена игровой виртуальной культуры, центром которой является человек играющий, опирается на социокультурный подход Й. Хейзинги, Р. Кайуа.

Также мы использовали теоретические разработки по проблемам виртуального мира и виртуальной культуры М. Маклюэна, Л. В. Баевой, В. А. Емелина и др.

Опираясь на работу Й. Хейзинги «*Homo ludens*». Опыт исследования игрового элемента в культуре», отмечаем, что в основе игровой деятельности лежат свободный выбор и подчинение установленным правилам, определяющим ход и последовательность игровых действий; оторванность от реальности и субъективное проживание игровой ситуации, нивелирование меркантильного интереса и стремление к победе; риск, напряжение соседствуют с релаксацией; повторяемость действий переплетается с поиском новаторских ходов, составляющее начало поддерживается стремлением получить удовольствие. Игра — это способ коммуникации, как с самим собой, так и с другими членами игрового сообщества или самой игрой [25]. Игра требует особо организованного времени и пространства для сотворения самого процесса, изображающего или представляющего что-либо. При этом следует заметить, что классическая теория игры, рассматривающая ее как неотъемлемый элемент культуры, обладающий перечисленными особенностями, соответствует состоянию культуры до цифровой эпохи.

Современная информационная среда технологически изменила игровую реальность, переместив ее в виртуальную медиареальность (искусственно созданную среду социокультурного пространства информационного общества). В современном обществе творческий, интеллектуальный коммуникативный и рекреационный потенциал человека во многом формируется и реализуется в виртуальной реальности, в том числе в компьютерно-игровой деятельности. Медиатизированные игры фактически вытеснили традиционные игры, заменив их компьютерными аналогами, где интерактивность, иллюзорность, символичность образуют виртуальный игровой мир, моделирующий новую реальность в виртуальных сетях.

Сегодня игра занимает значительную часть жизни не только детей, но и взрослого человека, который быстро привыкает к полученным результатам в игровых действиях, поэтому вновь и вновь обращается к игре как к устойчивой форме бытия культуры, с помощью которой можно «укрепить, поддержать и успокоить себя в распадающемся, непредсказуемом, грозном мире» [2, с. 64]. Игра становится заданным порядком причин и следствий, трансформирующих будущее. Человек, получая удовольствие

от игры, прежде всего приобретает его от порядка, выстраиваемого игрой, намеренный тех действий, которые гарантируют ему устойчивость и системность личной жизни.

Основная часть

Изучение трансформации игровой реальности в современных условиях принята А. Р. Гэллоуэем, применившим гуманитарный подход в анализе виртуальных игровых действий [13]. Данная тема нашла отражение в работах Я. Богоста, И. В. Буракова, Е. В. Галаниной, И. Е. Гутмана, М. Б. Игнатъева, А. А. Трофимовой и других [8; 10; 12; 16; 24; 27]. Я. Богост определяет видеоигры как систему правил, игровые механики, цифровой код, игровую платформу, нарратив и др. «Видеоигры — это всегда нечто большее» [26]. Виртуальная игра рождает множественные миры, выстроенные по собственным пространственно-временным законам, ориентированные на виртуальные объекты и персонажи, мотивированные личностными ценностями и нравственно-этическими основаниями [9].

Р. Кайуа, определяя игру как культурообразующий феномен, подчеркивал мотивирующее значение инстинктов, сознательных и бессознательных потребностей, стремлений и желаний, побуждающих человека к игре, распадающейся на четыре вида: *agon*, *alea*, *mimicry*, *ilinx* (*vertigo*) [17]. Опираясь на его классификацию игры, мы проанализировали трансформации соответствующих видов игр в контексте виртуальной реальности.

Виртуальный мир внес коррективы в процесс игры *agon* (состязание). Традиционные игры *agon* в виртуальной реальности почти утратили свое соревновательное начало и презентованы массмедиа как зрелищные развлечения, где фактор личного участия заменен на статус зрителя, болельщика, переживающего накал эмоций, в том числе от сделанной заранее ставки на тотализаторе. Традиционная игра, чаще всего являясь коллективной игрой, осуществляемой в естественной реальности, помогала человеку проявить себя, продемонстрировав лучшие наработанные качества и навыки, в азартном соревновательном моменте доказать себе и Другому, что ты можешь и чего стоишь. Такие игры, как «Казачьи разбойники», «Кулачный бой», «Взятие крепости», «Чехарда» и др. не только определяли победителей, но и формировали единый командный дух, коммуникативные навыки, способность работать в коллективе, зани-

мая определенное место в команде, данное по силе и ловкости, степени владения тем или иным необходимым навыком.

Сегодня агональная игра в контексте виртуальной реальности носит симулятивный характер и не требует личного участия игрока. Например, портал exmex.ru представляет большое разнообразие соревновательных игр и зрелищ, реализуемых в виртуальном мире («Взятие крепости», «Снежки», «Догони монстра», «Гонки без правил» и др. — вот только небольшой перечень игр, предлагаемых одним сайтом)¹.

Тематика игрового взаимодействия не изменилась, а вот степень включенности игрока в игровой процесс, форма физического и психологического проявления себя подверглись значительной трансформации.

Если сравнить классическую традиционную игру «Снежки» с виртуальным аналогом, то разница будет очевидна. Так, в классическом варианте игра в снежки — активный двигательный процесс на свежем воздухе с друзьями, с наличием определенной территории и игровых средств для осуществления игровых действий: липкий снег, окружающая природная среда, деревья и глыбы снега, за которыми можно было бы укрыться. Соревновательный азарт, умение отклониться от снежка противника, навык стратегического мышления позволяют игроку при живом общении получить эмоциональный заряд от своей меткости, верткости и физической активности.

В виртуальной игре игрок физически осуществляет незначительное количество двигательных актов (клик по компьютерной мыши, кнопки управления клавиатуры: стрелки — вверх, вниз, вперед, назад, *w* — прыжок, *s* — присесть, *a* — бросок назад, *d* — бросок вперед). Успех игрока зависит не от умения постановки стратегической задачи, а определяется скоростью реакции и точностью броска. Он находится в искусственно созданном виртуальном пространстве, имитирующем окружающую среду художественными средствами, виртуальными (искусственными) являются не только игровая территория, но и друзья-соперники, подчас это вымышленные герои мультфильмов, сказок или мифов. Игрок становится квазиактивным соучастником, он замещает себя аватаром (*s* санскр. *avatāra* — «нисхождение», в индуистской мифологии олицетворяющей воплощение божества, спустившегося на землю), неким образом героя,

¹ Exmex.ru. URL: http://exmex.ru/rubric.php?name=igry_sorevnovaniya (дата обращения: 21.10.2018)

сверхсущества, при каждом последующем удачном ходе наделяющегося дополнительными способностями и возможностями. Желание признания своей исключительности, выявленное в честном поединке, замещается эмоциональным переживанием, наблюдением за чужой борьбой и сопровождается сравнением и признанием исключительности себя как другого. Общение в игре осуществляется от лица другого и, как правило, выражается эмоцией, подобранной игроком с учетом ролевого фактора персонажа игры.

Игры *alea* (азартные), где участнику игрового взаимодействия ничего не подконтрольно, кроме желаний участвовать и полагаться на фортуна, удачу вкупе с наличием собственных игровых умений и навыков (пасьянс, шашки, шахматы, бильярд, казино), сегодня расширены виртуальными возможностями. Традиционная азартная игра, направленная на материальный или денежный выигрыш, и сегодня притягивает в виртуальные среды геймеров, уверенных в том, что успех определяется в большей степени фартом, а не искусством владения навыками игры. С одной стороны, игровой процесс осуществляется в режиме, подконтрольном игроющему. Он имеет возможность установить время для следующего хода, при неудачно сделанном ходе — вернуться на несколько шагов назад, сохранить результат или временно приостановить игровое действия и т. д. С другой — в виртуальной среде выигрыш или проигрыш подконтролен не человеку, а искусственному интеллекту, машине, в чьей программе наличествует огромное количество комбинаций и структурных ходов, моментально просчитывающих и изменяющих вариант последующего действия игрового процесса. Но виртуальные азартные игры притягивает современников своей конфиденциальностью, возможностью моментальной игры (не нужно выходить из дома, открываешь видеослот — онлайн-заведение, и ты в игре), уникальностью системы поощрения (чем больше игрок делает ставок, проводит времени на сайте, тем больше процент бонуса-возврата потраченных средств игроком, даже при проигрышах).

Виртуальная коммуникация в данном случае полностью выстроена на взаимодействии между игроком и виртуальным интеллектом. Видеоигры, осуществляясь в пространстве симуляции, образуя вымышленный и воображаемый мир, моделируют другие возможные миры и формы коммуникации [14].

Игровые практики *mimicry* (подражательные), изначально связанные с жела-

нием вжиться в чужой образ, прочувствовать себя в иной личине, приобретают в виртуальном мире статус рационально просчитанного действия, стратегически проработанной модели презентации себя. Человек благодаря виртуально созданному собственному образу (аватару, сконструированному герою, олицетворяющему игрока) заставляет верить себя и других, что он некто другой, иной, приукрашено возможный, наделенный качествами, отсутствующими в реальной жизни. Именно данные типы игр приобрели наибольшую популярность в современной действительности, так как функционально осуществляют симуляцию реальности. Виртуальные игры *mimicry* существуют «поверх рамок и норм «доцифровых» физического, биологического, психологического, социально-политического пространств, интегрируя и преломляя их в мире цифровых объектов и коммуникаций высвобождающемся из-под гравитации физической предметности, радикально меняя статус и поведение информационных объектов и процессов» [21, с. 9]. Создавая себя в виртуальном пространстве по образу и подобию некоего персонажа, современник сознательно выстраивает себя как другого. В этой связи *ролевые игры*, берущие начало из игр подражания (*mimicry*), предоставляют современнику на выбор любую роль, образ, иную жизнь.

Данные типы игр наиболее востребованы благодаря самоидентификационной возможности слиться воедино с персонажем, переживать и самостоятельно создавать его судьбу в виртуальном мире. Разработчики игрового фрейма запрограммировали возможность проецировать или нивелировать личные качества выбранному персонажу, что придает ощущение реальности происходящего. Обладая значимым потенциалом в демонстрации разных типичных моделей поведения, данные виртуальные игры корректируют внутренний мир человека, вычлняя недостатки и развивая достоинства. Моделируя события игры, участник включается в коллективные и индивидуальные взаимодействия, руководствуясь характером выбранного героя и собственными убеждениями. Он начинает воспринимать данный мир как реальный, испытывая настоящие эмоции и чувства. Безусловно, данные игры позволяют узнать и применить свой потенциал (интеллектуальный, креативный, этический, эстетический и др.), что нередко изменяет и реальную жизнь человека, так как целеполагание игровой роли базируется на неких идеализированных формах

культурных образцов (стереотипный образ героя, злодея, красавицы, чудовища и т. д.). Виртуальные ролевые игры дают возможность самостоятельно опробовать в действии конкретную роль, субъективно приладить ее под свою самость, видоизменив с учетом личного творческого потенциала, а главное, проигрывая различные модели поведения и общения, — достичь состояния удовлетворенности и личной значимости. В этом аспекте очень важны ценностные характеристики тех ролевых образцов, которые выбирает человек играющий и которым он стремится подражать. В это отношении особые опасения вызывает подростковый возраст, поскольку выбор компьютерного героя для подражания у подростков может носить асоциальный и даже преступный характер.

Игровые действия *ilinx* (головокружение) призваны вызывать у человека преувеличенные ощущения, получать накал эмоций и страстей. Они осуществляются сегодня современником без видимого перемещения в реальности с одновременным драйвом перемещения в виртуальной реальности, дающей шквал эмоций от скоростной езды, скольжения, прыжка, переноса игрока в любую точку земного шара, в несуществующие миры, среды. Так, оставаясь физически в безопасности (за компьютерным столом), человек испытывает такое значимое экзистенциальное состояние, как страх, дающий в качестве шоковой терапии чувство «оглушенности», бесшабашности, вседозволенности и всеильности. То, что в обычной жизни сопряжено с опасностью и физическими и психологическими трудностями, в виртуальном мире воспринимаются и переживаются легко и безопасно. Таким образом, современные информационные технологии создают псевдорреалистичный, иллюзорный мир симуляций, где человек обладает желаемыми благами без всяческих усилий и препятствий.

Первые видеоигры, появившиеся в 70-х гг. XX в., базируются на *аркадном* принципе, где скорость нажима на клавишу машины приоритетна тактике хода, продумывания стратегии. Машина, техническое устройство становится другим игровым субъектом, постепенно замещающим живого игрока или объект действительности. Интерес современника поддерживается идеей производителя, что потенциальные игроки могут играть в аркадные игры бесконечно, делая вызов сами себе, стремясь к выигрышу. Но каждая выигранная партия

заканчивается дополнительным бонусом, открытием нового более сложного уровня, притягивающего расширенными задачами и возможностями. Производители игр осознано запрограммировали возможность нескольких попыток виртуальных жизней, чтобы игрок имел больший временной интервал оставаться в игре и освоить конкретную игровую технику, получая в виде награды дополнительные жизни.

В 80-х гг. XX в. популярность приобретают игры-пазлы, интеллектуальные игры, упражнения на логику. Шахматы, шашки, крестики-нолики заменил тетрис, карманная головоломка, выстроенная на заполнении пустующих ячеек падающих, вращающихся элементов, из которых можно сконструировать пирамиду, дом или другой объект.

Огромную популярность затем приобретают *игры-симуляторы*, в которых виртуально можно ощутить себя космонавтом, стрелителем, пилотом самолета или капитаном дальнего плавания, увидеть мир глазами животного (льва, собаки или кошки) или парящего в небе орла. Симуляторы не только максимально имитируют реальную фактурность, но и заставляют игрока вжиться в роль, принять правила, идентифицировать себя в проигрываемом процессе или объекте. Простота управления, отсутствие навыка в реальности (управление машиной, самолетом и т. д.) привлекают большое количество потребителей к данному типу игр, легко осваиваемого, но трудно выигрываемого.

В игровой симуляции человек, как правило, совершает акт культуротворчества, ведь, если он чего-либо лишен в возможности созидания в реальной жизни, это им компенсируется и переживается в виртуальном пространстве. Если традиционная игра формировала стереотипы самоопределения, утвержденные поведенческие модели социального и личного взаимодействия, то современные виртуальные игры позволяют прожить множество противоречивых ценностных и поведенческих моделей, почувствовав себя в образе как положительного, так и отрицательного персонажа. Ведь виртуальная игра не порицает и не наказывает за отрицательный поступок или действие, позволяя игроку при желании выйти из игрового фрейма, сменив тактику, ход, последовательность или саму игру. Если традиционные игры позволяли попасть в вымышленный мир посредством фантазии, выдумки, замещения реальных предметов на самообозначенные фантомы, то современные технологические возможности позволяют человеческому сознанию вос-

принимать компьютерную симуляцию как реальность.

Содержательная линия компьютерных игр базируется на приключенческом начале, обыгрывании «напряженных» ситуаций (военные конфликты, экстремальный спорт, противоправные действия), эксплуатирующие тематику, порицаемую или трудно реализуемую в обыденной жизни.

Современники отдают предпочтение виртуальным развлечениям, в основе которых заложен агональный конфликт как с другими персонажами, так и с самим собой. Например, на портале Опухgame-игротоп, в игре «Spore» игроку предложено на основе сочетания симулятора жизни, стратегии и космического симулятора вырастить из простейшего организма (клетки) представителя высокоразвитой расы¹. Проходя этапы, клетка, мутируя на основе борьбы, развивается, имея шанс стать во главе целой империи. А в игре «The Sims» геймеру дается возможность управлять одним или несколькими персонажами — симами, выстраивая по своему усмотрению их взаимоотношения, личное пространство (жилой дом), особенности коммуникации, определяя карьерный рост и быт. Так постепенно из конкретной единичной игровой ситуации выстраивается целый виртуальный мир, позволяющий не только отдельному игроку участвовать, управлять жизнью в сетевом пространстве, но и видеть и воздействовать на виртуальную жизнь другого игрока, включая его в свой игровой мир, создавая единое виртуальное коммуникационное сообщество.

Большинство сегодняшних игровых пространств представляют собой мегаполисы со своими обитателями и их реальными житейскими проблемами (покупка еды, недвижимости, средств передвижения, выбор профессии, спутника жизни, воспитание детей и т. д.). В виртуальном мире уже функционируют не только виртуальные, но и реальные деньги, предметы быта, создаются рабочие места и клубы по интересам. Тут дублируется реальная возможная факторность, что привлекает и заинтересовывает современника возможность виртуально проживать иную, другую жизнь. Так осуществляется «экспансия виртуальности» [10].

Благодаря виртуальным мирам эволюционируют и распространяются инновационные виды социокультурного досуга, такие как косплей — костюмированная игра, киберспорт — состязание в виртуальном мире, фанфикшн — любительское сочинение, где

любимым героям можно предложить личные версии развития судьбы, летсплей — жанр видео, где игрок снимает себя за игровым процессом с комментариями.

Сегодня виртуальная компьютерная игра становится образцом, эталоном современного культурного текста, в котором зарождается и распространяется определенная идеология и нарративы, так как любая игра содержит не только сюжетную линию, но и характеризуется определенным построением игрового процесса (геймплей). Именно виртуальный нарратив определяет и задает последовательность действий игрока, которые поддерживают разворачивание сюжета, а следовательно, погружают современника в виртуальный мир, формируя необходимое целеполагание, выполнение задач (спасти мир, построить дом, организовать свой виртуальный бизнес, вырастить детей и т. д.). Игровая среда через виртуальный нарратив, разрешая или запрещая что-либо, формирует и возможность повторения проигрываемых действий в реальной практике. Так формируется мировоззрение современника, привыкающего все реальные практики прорабатывать в виртуальной игре, где игра становится фактором пропаганды, средством формирования его потребностей и желаний.

Все игровое пространство начинается с объяснения игроку, что он должен сделать, чтобы прийти к финалу или конечной цели задания игры. Если традиционные игровые практики и зарождающиеся в 1980-е гг. нарративные сюжетные игры имели линейный нарратив, т. е. игрок обязан был пройти определенное количество испытаний, ходов и препятствий, чтобы прийти к сюжетному финалу, то современные компьютерные игры содержат в своем арсенале нелинейный ход развития сюжета. Так, игрок своим ходом, выбранным поступком или действием меняет последующий ход событий игры, что отражается на финальной концовке. Например, производители игр «Gothic», «Heavy Rain», «Witcher», «Beyond Two Souls» и др. констатируют от 10 до 18 возможных концовок игрового фрейма².

Постепенно игровая виртуальная среда дополняется *стратегическими* играми, формирующими кругозор, мышление и умственный потенциал игрока. Предоставляя игроку ограниченный объем ресурсов, стратегические игры привлекают неограниченными возможностями для решения поставленной цели. Используя сюжеты любимых произведений художественной литературы,

¹ Опухgame-игротоп. URL (дата обращения: 21.10.2018)

² Heavy Rain. URL: http://beyondtwosouls.wikia.com/wiki/Heavy_Rain (дата обращения: 21.10.2018).

кинематографии, мультипликации и комиксов, производители создают псевдореалистичный, мифологизированный мир, в котором легко идентифицировать не только любимых персонажей, но и обрести самостоятельность и самодостаточность. Игрок, выбирая персонажей, имеет возможность идентифицировать себя в игровом поле. Он становится коммуникатором игры, человеком, влияющим на других игроков и игровой процесс, имея своей целью дойти до финиша, получить нужную реакцию или приз.

Стратегические игры: «Starcraft», «Forge of Empires», «World of Tanks», «Strong hold Kingdoms» и др. выстроены на противоборстве игровых рас, где каждая воюющая сторона различима как внешним видом, так и отличимой особенностью бытования, способом коммуникации, стратегией ведения боя, своим собственным запрограммированным превосходством (наличие конкретного оружия, владение навыком или суперспособностью)¹. Режим реального времени нахождения в игре дает эффект реальности виртуального абстрактного пространства, наполненного формальными объектами (реконструкция улицы, дома, поля битвы, замка и т. д.), создающими иллюзию реальности происходящего. Вовлекая современника в виртуальное пространство, игра становится со-бытием, фактом реального присутствия в общественной или личной жизни человека. Она вновь и вновь мотивирует его возвращаться в игровой виртуальный мир, подчас перенося из него в реальность полученный опыт, как позитивный (готовность к многозадачности, быстрому принятию решения, способности просчитать варианты последствий тех или иных своих действий, нестандартность мышления), так и негативный (жестокость и насилие как типичный способ достижения желаемого в игре, игровая зависимость).

Чтобы удержать внимание и интерес человека в виртуальном пространстве недостаточно только имитации ощущения (реконструкции игровой среды), нарратива осмысленности происходящего, нужна идея, цель, содержательная линия. И, как правило, ее роль выполняют проблемные ситуации в виде поиска логических решений (игры-головоломки), осуществления исторической или иной миссии (симуляторы), выбора правильного решения (стратегические игры), и все вместе данные задачи решаются в разыгрывании взятой на себя конкретной миссии (ролевые игры).

¹ Starcraft. URL: <https://starcraft2.com/ru-ru/media> (дата обращения: 21.10.2018).

Смысловая культурная наполняемость, перенесение из реальной жизни сюжетов, персонажей, исторических героев оживляет и делает реальным любую компьютерную игру, привнося в нее масштабность, универсализм и уникальность.

Но приобретенный позитивный опыт в виртуальных играх нередко полностью поглощает человека, замещая настоящую жизнь, растворяя его в виртуальной среде, делая его необязательным, рассеянным, безучастным к реальности. Человек стремится проводить как можно больше времени в импровизационном мире, где чувствует себя комфортно и безопасно. Ведь любое неправильное действие тут можно изменить, подкорректировать, вернуться назад, начав все сначала.

Заключение

Современные игры включают человека в виртуальное пространство, позволяя естественно вписаться в социокультурные реалии. Виртуальная культура наполняет игровые формы новым функционалом: инновационным, виртуально-обучающим, креативным, матричным, консолидирующим — и в то же время создает электронную симуляцию объектов, одномерность и клиповость мышления, нивелирующие воспитательно-креативную наполняемость культуры, подчеркивающие ее релаксационно-потребительский статус в новых коммуникативных формах.

Все больше времени проводя в виртуальном пространстве, современник закладывает иной формат коммуникации, в котором акцентируется внимание на самом себе, сознательном демонстрировании другим своего настроения, состояния, с желанием делиться сиюминутными чувствами и настроениями (статус, комментарии); постоянной потребности в расширенной безликой, малознакомой аудитории, с которой легко и просто «завязать» ничему не обязывающую беседу, хаотичную как по содержанию, структуре, так и по тематической направленности; анонимность в возможности контактной презентации дает полное ощущение свободы от контроля, нравственно-этических норм самопрезентации. Современник все чаще вступает в виртуальную коммуникацию не ради приобретения нового содержания, знания или умения, его мотивация проявляется в получении эмоций, т. е. в формате развлечения, релаксации. Этому во многом способствуют виртуальные игровые коммуникации, которые не только формируют новые технологии общения людей друг с

другом, но и становятся некой ценностной моделью предъявления себя. Это можно рассматривать как возникновение нового феномена современности — виртуализация собственной личности.

Современные игровые технологии, нацеленные на интерактивность, дистанционность, поддерживаемые также мобильными информационными устройствами, приводят к изменению взаимоотношений с реальными людьми в реальных жизненных условиях. Человек приобретает зависимость, потребность раз за разом испытывать все новые эмоции, экстремальные ощущения. Ведь присутствовать в виртуальном мире намного проще, безопаснее и приятнее. Игра для современника после инструментальных (витальных) потребностей становится первичной жизненной потребностью, социально запрограммированной информационной средой. Появляется человек нового формата, человек-геймер — Homo Mobiludens, современник, не представляющий свою жизнь без игровой среды и мобильного устройства, постепенно перемещающий объекты социокультурной деятельности в виртуальный мир. Виртуальное пространство предлагает современнику более яркое, интересное и реальное существование, так как иллюзия игры для самого играющего относительна. Тем самым формируется новая культурная среда современника, проектирующая его возрастной, гендерный, геополитический, религиозный, социальный и др. статусы.

1. Александрова Л. Д. Культура виртуальной коммуникации. Челябинск : Изд-во РБИУ, 2012. 119 с.

2. Апинян Т. А. Сущностно-универсальное определение, игры: феноменология фантома // Вопросы философии. 2008. № 2. С. 58—73.

3. Афанасьева В. В., Пилипенко Е. А. Полионтичность времени // Философская мысль. 2016. № 4. С. 1—14. URL: http://e-notabene.ru/fr/article_18376.html (дата обращения: 20.10.2018).

4. Баева Л. В. Виртуальная реальность: классификация и специфика // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2014. Т. 14, вып. 4. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_22869474_71436593.pdf (дата обращения: 20.10.2018).

5. Беляева Л. А., Новикова О. Н. «Человек играющий» в культуре постмодерна // Идеи и идеалы. 2018. № 3. Т. 2. С. 82—95.

6. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. О. А. Печенкина. Тула, 2013. 204 с.

7. Борчиков С. А. Метафизика виртуальной реальности (опыт единой теории виртуальной

реальности) // Труды лаборатории виртуалистики. 2000. № 8. 49 с.

8. Бурлаков И. В. Homo Gamer: психология компьютерных игр. М. : Класс, 2001. 144 с.

9. Ветушинский А. С. «Мы живем в компьютерной игре»: видеоигровая метафора и ее метафизический потенциал // Философская мысль. 2017. № 10. С. 164—172. URL: http://e-notabene.ru/fr/article_24327.html (дата обращения: 20.10.2018).

10. Галанина Е. В., Акчелов Е. О. A potentia ad actum: виртуальный мир видеоигры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 12 (74). Ч. 3. С. 45—51.

11. Галкин А. И. Философские проблемы виртуальной реальности // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Сер. Общественные науки. 2004. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskie-problemy-virtualnoy-realnosti> (дата обращения: 21.10.2018).

12. Гутман И. Е. Компьютерные виртуальные игры: культурно-антропологические аспекты анализа : дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2009. 193 с.

13. Гэллоуэй А. Р. Радикальная иллюзия (игра против) / пер. М. Султановой, С. Коняева // Философская антропология. 2016. Т. 2. № 2. С. 207—227.

14. Елхова О. И. Виртуальная реальность коммуникации // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2010. № 137. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnaya-realnost-kommunikatsii> (дата обращения: 20.10.2018).

15. Емелин В. А. Виртуальная реальность и симулякры. URL: <http://emeline.narod.ru/virtual.htm> (дата обращения: 21.10.2018).

16. Игнатьев М. Б. Кибернетическая картина мира // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2011. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberneticheskaya-kartina-mira> (дата обращения: 15.10.2018).

17. Кайуа Р. Игры и люди: статьи и эссе по социологии культуры / сост., пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. М. : ОГИ, 2007. С. 51—62.

18. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе : антология. М., 1999. 494 с.

19. Королева Н. Н. Экспансия виртуальности // Universum: Вестник Герценовского университета. 2011. № 9. С. 76—78.

20. Маклюэн Г. М. Понимание Медиа. Внешнее расширение человека / пер. с англ. В. Николаева. 2-е изд. М. : Гиперборей : Кучково поле, 2007. 464 с.

21. Подопригора А. В. Левиафан и сеть: философия власти в цифровом обществе // Социум и власть. 2018. № 2 (70). С. 7—17.

22. Салин А. К критике проекта геймификации // Логос. 2015. Т. 25. № 1 (103). С. 100—129.

23. Самойлова Е. О., Шаев Ю. М. Компьютерные игры как виртуальный нарратив // Манускрипт. 2016. № 2 (64). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompyuternye-igry-kak-virtualnyy-narrativ> (дата обращения: 21.10.2018).

24. Трофимова А. А. Онтологическая специфика виртуальной реальности. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ontologicheskaya-spetsifika-virtualnoy-realnosti> (дата обращения: 21.10.2018).

25. Хейзинга Й. Homo Ludens. Опыт исследования игрового элемента в культуре» / пер., сост. и вступ. ст. Д. В. Сильвестрова ; коммент. Д. Э. Харитоновича. М. : Прогресс-Традиция, 1997. 416 с.

26. Bogost I. Videogames are a Mess. New York, 2009. URL: http://bogost.com/writing/videogames_are_a_mess (дата обращения: 21.10.2018).

27. Lanier J. You Are Not Gadget: a Manifesto of Effects. New York, 2010. 209 p.

Reference

1. Aleksandrova L.D. (2012) Kul'tura virtual'noj kommunikacii. Chelyabinsk, Izdatelstvo RBU, 119 p. [in Rus].

2. Apinyan T. A. (2008) *Voprosy filosofii*, no 2, pp. 58—73 [in Rus].

3. Afanas'eva V.V., Pilipenko E.A. (2016) *Filosofskaya mysl'*, no. 4, pp. 1—14. Available at: http://e-notabene.ru/fr/article_18376.htm, accessed 20.10.2018 [in Rus].

4. Baeva L.V. (2014) *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika*, vol. 14, iss. 4. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_22869474_71436593.pdf, accessed 20.10.2018 [in Rus].

5. Belyaeva L.A., Novikova O.N. (2018) *Idei i idealy*, no. 3, vol. 2. pp. 82—95 [in Rus].

6. Bodriyar Zh. (2013) *Simulyakry i simulyaciya*. Tula, 204 p. [in Rus].

7. Borchikov S.A. (2000) *Trudy laboratorii virtualistiki*, no. 8, 49 p. [in Rus].

8. Burlakov I.V. (2001) *Homo Gamer: Psihologiya komp'yuternyh igr*. Moscow, Klass, 144 p. [in Rus].

9. Vetushinskij A.S. (2017) *Filosofskaya mysl'*, no. 10, pp.164—172. Available at: http://e-notabene.ru/fr/article_24327.html, accessed 20.10.2018 [in Rus].

10. Galanina E. V., Akchelov E. O. (2016) *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 12 (74), pt. 3, pp. 45—51 [in Rus].

11. Galkin A. I. (2004) *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskij region. Seriya Obshchestvennye nauki*, no. 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskie-problemy-virtualnoy-realnosti>, accessed 21.10.2018. [in Rus].

12. Gutman I. E. (2009). *Komp'yuternye virtual'nye igrы: kul'turno-antropologicheskie aspekty analiza*. St. Petersburg, 193 p. [in Rus].

13. Gehllouehj A.R. (2016) *Filosofskaya antropologiya*, vol. 2, no. 2. pp. 207—227 [in Rus].

14. Elhova O.I. (2010) *Izvestiya RGPU im. A.I. Gercena*, no. 137. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnaya-realnost-kommunikatsii>, accessed 20.10.2018 [in Rus].

15. Emelin V.A. (1999) *Virtual'naya real'nost' i simulyakry*. Available at: <http://emeline.narod.ru/virtual.ht>, accessed 21.10.2018 [in Rus].

16. Ignat'ev M.B. (2011) *Sovremennye informacionnye tekhnologii i IT-obrazovanie*, no. 7. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberneticheskaya-kartina-mira>, accessed 15.10.2018 [in Rus].

17. Kajua P. (2007) *Igry i lyudi; Stat'i i ehse po sociologii kul'tury*. Moscow, OGI, pp. 51—62 [in Rus].

18. Kastel's M. (1999) *Stanovlenie obshchestva setevyh struktur // Novaya postindustrial'naya volna na Zapade*. Moscow, 494 p. [in Rus].

19. Koroleva N.N. (2011) *Universum: Vestnik Gercenovskogo universiteta*, no. 9, pp. 76—78 [in Rus].

20. Maklyuehn G.M. (2007) *Ponimanie Media. Vneshnee rasshirenie cheloveka*. Moscow, Giperbo-reya, Kuchkovo pole, 464 p. [in Rus].

21. Podoprigrorova A.V. (2018) *Socium i vlast'*, no. 2 (70), pp. 7—17 [in Rus].

22. Salin A. (2015) *Logos*, vol. 25, no. 1 (103), pp. 100—129 [in Rus].

23. Samojlova Ye.O., Shaev Yu.M. (2016) *Manuskript*, no. 2 (64). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompyuternye-igrы-kak-virtualnyy-narrativ>, accessed 21.10.2018. [in Rus].

24. Trofimova A. A. (2012) *Ontologicheskaya specifika virtual'noj real'nosti*. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ontologicheskaya-spet-sifika-virtualnoy-realnosti>, accessed 21.10.2018 [in Rus].

25. Hejzinga J. (1997) *Homo Ludens; Stat'i po istorii kul'tury*. Moscow, Progress-Tradiciya, 416 p. [in Rus].

26. Bogost I. (2009) *Videogames are a Mess*. New York. Available at: http://bogost.com/writing/videogames_are_a_mess, accessed 21.10.2018 [in Eng].

27. Lanier J. (2010) *You Are Not Gadget: a Manifesto of Effects*. New York, 209 p. [in Eng].

For citing: Novikova O.N.
A man playing in the age of virtual reality //
Socium i vlast' 2018. № 6 (74). P. 16—25

UDC 130.2

A MAN PLAYING IN THE AGE OF VIRTUAL REALITY

Oksana N. Novikova,
Cand.Sc. (Education), Associate Professor,
Head of the Department Chair
of Socio-humanitarian Disciplines
of the Ural State Forest Engineering University,
Russian Federation,
620100, Yekaterinburg, Sibirsky trakt, 37.
E-mail: oksnovi@mail.ru

Abstract

The paper considers the phenomenon of play activity in the virtual reality, where a new format of a computer game with a number of peculiarities has replaced a traditional game. A computer game is a hybrid of art and technology in the frame of which not only real objects, game appliances and other means of playing activity but also the players become simulacra.

Taking into account R. Caillois's game classification based on instincts, conscious and unconscious human needs, the authors try find out how a contemporary's play behavior deviates in virtual reality of different game practices. Due to virtual communication, the agon games (competitions) are perceived not as a possibility of mere participating but as a kind of entertainment, a way to win

on sweepstakes. The alea games (gambling) attract gamers with their confidentiality, possibility to play instantly and the unique reward system, even when they lose.

Thanks to computer games, gaming practices mimicry (imitative) acquire a simulation character, where the contemporaries strategically work out various models of self-presentation through the role-playing behavior of computer characters. In a game simulation, he satisfies his vital anthropological needs, such as freedom, creativity, communication, finding meaning in his own being, the possibility of self-realization.

The games ilinx (dizziness) virtually satisfy, above all, the basic fear factor, causing exaggerated feelings of an emotional drive from the simulation of all-accessibility and permissiveness.

The anthropological significance of modern virtual games is ambiguous, and needs close scientific attention. Virtual games are massive and create habits, form the image, lifestyle and value orientations of a contemporary. In our opinion, they create a new type of modern person - Homo Mobiludens [5], which is characterized by a new type of communication and new personality traits, in the formation of which an important role belongs to computer games.

Key concepts:

Homo Mobiludens,
traditional game,
computer game,
virtual reality,
virtual communication.

Для цитирования: Токарева О. В. Влияние института государства и «партии власти» на процесс конструирования имидж российских женщин-парламентариев // Социум и власть. 2018. № 6 (74). С. 26—35.

УДК 32.019.51

ВЛИЯНИЕ ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВА И «ПАРТИИ ВЛАСТИ» НА ПРОЦЕСС КОНСТРУИРОВАНИЯ ИМИДЖА РОССИЙСКИХ ЖЕНЩИН-ПАРЛАМЕНТАРИЕВ

Токарева Ольга Владимировна,

Казанский национальный исследовательский
технологический университет
(бывший КГТУ, КХТИ),
аспирант кафедры государственного,
муниципального управления и социологии.
Российская Федерация,
420015, Республика Татарстан,
Казань, ул. Карла Маркса, д. 68.
E-mail: olgato@mail.ru

Аннотация

В статье представлены результаты исследования в области политического конструирования имиджа российских женщин-политиков. *Культурно-исторический подход и новый институционализм* как основные из трех методологических подходов исследования позволили проследить, что с основания советского государства и до настоящего времени основными политическими институтами, оказывающими влияние на содержание конструкций имиджа российских женщин-парламентариев, является само государство и «партия власти», которые определяют основное направление развития всего политического процесса в России. *Конструктивизм* как основной из трех методологических подходов дал возможность применить моделирование как метод изучения основного объекта и представить ряд моделей политического имиджа российских женщин-парламентариев.

В исследовании широко использован метод *контент-анализа* СМИ и СМК. В качестве эксперимента проведены опросы общественного мнения относительно выявления ожиданий того, какой должна быть российская женщина-парламентарий. Комплексно использованы общенаучные методы: анализ, синтез, обобщение.

Впервые было исследовано влияние государства и «партии власти» на процесс конструирования имиджа женщин-парламентариев советской и постсоветской России. В результате изучения общественного мнения, анализа ожиданий избирателей автор впервые разработал модели женского политического имиджа:

- 1) «советская — внешне-ориентированная — триумфальная»;
- 2) «позднесоветская и постсоветская — лично-ориентированная»;
- 3) «постсоветская — несимметричная»;
- 4) «постсоветская — гендерно нейтральная».

Результаты исследования позволяют расширить теоретические представления об особенностях имиджа российских женщин-парламентариев, процессах конструирования имиджа посредством использования моделирования как основания концепции имиджа, а также могут быть использованы политическими консультантами, специалистами по связям с общественностью при разработке стратегии имиджирования избирательной компании женщины — кандидата в депутаты российского парламента. Модели могут быть использованы в процессе разработки и реализации гендерных программ; создателями научно-популярных и документальных кино- и телепрограмм, посвященных гендерной проблематике, способствующих изменению стереотипов восприятия относительно привлекательности женского лидерства в политическом процессе.

Ключевые понятия:

государство,
партия,
женщины-парламентарии,
имидж,
политические коммуникации.

В условиях трансформации современного российского общества за последние два десятилетия произошли существенные изменения, которые коснулись отечественного парламентаризма. В становлении демократии в России, в развитии политических институтов: государства, парламента, партий и партийных систем — большое значение приобретает участие в законодательной власти женщин-парламентариев, что является одним из основных показателей успешности демократического развития того или иного общества. Женщины составляют более половины населения России, но в Государственной Думе Российской Федерации представлены скромно (7 % — 1993 г., 14 % — 1995 г., 7,7 % — 1999 г., 10 % — 2003 г., 14 % — 2007 г., 11,5 % — 2011 г., 16,3 % — 2016 г.). С одной стороны, правительством разработаны различные нормативные документы и программы, которые провозглашают и призывают укреплять равенство прав и возможностей женщин наравне с мужчинами во всех областях жизнедеятельности, с другой стороны, на практике наблюдается существенное несоответствие между тезисами государственных программ и реальной действительностью. В условиях, когда российская женщина как политик представляет сложное задание для имиджмейкера в деятельности, связанной с формированием политического имиджа, выявление гендерных особенностей конструирования имиджа становится весьма актуальной проблемой.

Автор статьи впервые предлагает исследовать политический имидж российских женщин-парламентариев методами *конструктивизма*, обращаясь к теориям коммуникации, сетевого взаимодействия системы формирования имиджа и системы государственных и общественных институтов.

На нашу точку зрения оказали влияние взгляды сторонников конструктивизма — таких учёных, как Г. Абель [19, с. 16—35], П. Вацлавик, Д. Бивин, Д. Джексон [2], Э. Глазерсфельд [3, с. 59—81], Н. Луманн [6], Ф. Варела и У. Матурана [7] и др. [1, с. 377—378], всякая познавательная деятельность, в том числе и в области политической науки, является конструированием, созданием определённых конструкций. Согласно взглядам конструктивистов, не существует никакой иной реальности, кроме конструктов, создаваемых человеком [5].

Формирование взаимодействия государственных институтов и гражданского общества является сутью конструктивистского подхода, который включает в себя

теорию *нового институционализма*, ориентированную на изучение институтов, с помощью которых осуществляется политическая деятельность государства, партий, других организаций и объединений, права, правительственных программ и других регуляторов политической деятельности. *Новый институционализм* [20, с. 50] и его методы исследования позволили нам сделать широкий анализ институциональной динамики изучения имиджа российских женщин-парламентариев на протяжении периодов, включая советский, поздний советский и постсоветский, включая VII созыв Государственной Думы Федерального Собрания РФ.

В начале исследования были поставлены задачи определить содержание конструкций позитивного имиджа для российских женщин-парламентариев, а также выявить влияние политических институтов на процесс его формирования. Гипотетически институтами влияния для нас были средства массовой информации (далее — СМИ) и средства массовых коммуникаций (далее — СМК). Результаты наших исследований в области конструирования имиджа российских женщин-парламентариев показали, что помимо СМИ и СМК российское государство само является основным конструктором политического имиджа российских женщин-политиков.

Любое современное государство для достижения провозглашенных целей широко использует политические и информационные технологии, возможности СМИ, телевидения, Интернета с целью влияния на массовое и индивидуальное сознание, в том числе и в процессах формирования политических имиджей. По высказыванию американского футуролога Э. Тоффлера, «государство избрало новые формы контроля над умственной деятельностью, когда индустриальная революция привела к созданию СМИ. Государство станет искать новые средства и методики, которые помогли бы ему сохранить хотя бы некоторый контроль над образами, идеями, символами и идеологиями, доходами до простых людей» [13, с. 448]. Как полагает политолог А. Цуладзе, «информационная сфера, являясь системообразующим фактором жизни общества, активно влияет на состояние политической, экономической, оборонной и других составляющих безопасности Российской Федерации» [4, с. 269]. Государству приходится заниматься «обеспечением информационной безопасности» ради сохранения самого государства.

После победы Октябрьской революции была установлена гегемония РСДРП(б).

По сути, институт одной доминирующей партии сливался с институтом государства, где их влиятельная роль проявилась во всех процессах, происходящих в обществе, в том числе и в процессах политических коммуникаций. В советский период под руководством КПСС правительство осуществляло культурную политику, направленную на вовлечение женщины в общественно-политическую жизнь советской России, используя все возможные СМИ и СМК. В результате советской культурной политики была сконструирована модель имиджа советской женщины-парламентария, которую мы условно назвали «советской — внешне ориентированной — триумфальной»: сочетание земной тяжеловесности с мажорным энтузиазмом, надличностная триумфальность, одета в деловой костюм, лицо открытое, крупные и правильные черты, светлые или темные волосы средней длины, стереотипная пафосная риторика, экспрессивно-сдержанная кинетика.

По определению В. А. Штоффа, «под моделью понимается такая мысленно представляемая или материально реализованная система, которая, отображая и воспроизводя объект, способна замещать его так, что её изучение даёт нам новую информацию об этом объекте» [18, с. 304]. Довольно часто в процессе моделирования имиджа политика используют метод тестирования, когда объектом исследования являются политические персоналии. По ответам на специально разработанные вопросы исследователь составляет психологический портрет политика для сопоставления его с ожиданиями избирателей. Подобное тестирование было проведено автором среди студентов и работников сферы социальных услуг в городах России (Елабуга, Азнакаево, Казань, Москва) с 2007 по 2017 г. Респондентам был задан ряд вопросов по параметрам внешнего облика женщины-парламентария. В целом на вопрос, как, по их представлениям, должна выглядеть женщина-политик, избранница народа, 90 % опрошенных респондентов представили российскую женщину-парламентария в параметрах габитарного имиджа, замеченного нами на плакатах агитпропа, посвящённых деятельности женщины-парламентария советского периода. Образы женщины, избранной народом в советские законодательные органы, ярко и просто представлены в плакатах, призывающих делегатку быть впереди. Плакат Н. С. Пинуса и М. И. Волкова (1938 г.) прославляет советскую женщину: «Да здравствует равноправная женщина СССР! Активная

участница управления государством, хозяйственными и культурными делами страны». «Таких женщин не бывало и не могло быть в старое время!» — говорит товарищ Сталин с плаката М. М. Соловьева (1950 г.); на плакате Л. Ф. Голованова (1947 г.) «Депутат — слуга народа!». На наш взгляд, такая форма социальной рекламы, как плакат, в процессе политической коммуникации используется и в условиях современной России. Во многом она адаптирована к современным формам политической рекламы, однако её эффективность зависит, пожалуй, от учёта новых реалий изменённого, ставшего клиповым сознания различных аудиторий электоральных групп.

Наш эксперимент позволил сделать вывод, что в сознании бывших советских граждан закрепился определённый стереотип восприятия, когда образец имиджа женщины-парламентария сложился ещё в советское время посредством государственной коммуникативной политики советской эпохи. Модель закрепилась на уровне стереотипов восприятия российского общества и во многом повлияла на успешный тип имиджа женщин-парламентариев в коридорах законодательной власти постсоветского периода.

Реформы в поздний советский период, которые были инициированы М. Горбачевым, спровоцировали всплеск гражданской активности. Сформировалась новая имиджевая модель российской женщины-парламентария «позднесоветская и постсоветская — лично-ориентированная». Её характеристики: стиль, интеллект, компетенция, независимость, смелость — были определены лозунгами перестройки: «демократизация» и «гласность». Модель была структурирована автором на основе мониторинга СМИ по высказываниям о политике И. Хакамады, а также на основе опроса общественного мнения, проведённого автором среди студентов и работников сферы социальных услуг в городах России (Елабуга, Азнакаево) в 2007 г. Респонденты отвечали на вопросы, связанные с основными характеристиками личности И. Хакамады, которые составили структуру этой модели.

Исследовательница З. П. Пухова полагает, что женское движение как общественное явление в условиях перестройки нельзя рассматривать вне связи с процессом демократизации всего общества [12, с. 68—63]. Если считать, как пишет А. Мельвиль, что «демократия — это процесс развития, расширения и обновления идей и принципов, институтов и процедур» [8, с. 17], то неизбежен процесс

развития и обновления процессов, взаимосвязанных с формированием общественного мнения, в том числе и политических имиджей. Однако влияние государства и правящей партии в конструировании имиджевой модели женщины-парламентария позднесоветского периода состоит в том, что установка на демократизацию советского общества была задана сверху со стороны лидера КПСС и руководителя государства М. Горбачева. Модель последовательно продвигалась в публичном пространстве и воздействовала на общественное мнение, в силу чего представления менялись. В конце XX в., когда в российской политической системе произошли кардинальные перемены, возродившие изначальную многопартийность, имиджевые модели женщин-парламентариев «советская — внешне ориентированная — триумфальная» и «позднесоветская и постсоветская — лично-ориентированная» уже сформированы, и обе присутствуют в политическом процессе раннего периода постсоветской России. Они закрепились на уровне представлений различных аудиторий избирателей, какой должна быть, по их мнению, женщина-политик, законодатель.

Опираясь на доминирующую политическую культуру, которая по утверждению политолога М. Х. Фарукшина, является в России «по преимуществу авторитарно-патриархальной», российское государство в процессе реформ на протяжении исторического развития придерживается «реформирования сверху» [14, с. 58]. Так было в советский период, то же самое мы наблюдаем в постсоветской России. Социальные ожидания, основанные на архетипических представлениях о роли женщин в социуме, имеют прямую зависимость от системы социально-нормативной культуры общества. М. Мид полагает, что поло-ролевые различия отличаются в разных культурных системах [9, с. 241]. Процессы реформирования российского общества сверху коснулись в том числе СМИ и СМК, которые являются институтами, которые формируют установки, мнения, представления избирателей, и, как следствие, это отражается на конструировании политических имиджей, в том числе и имиджей российских женщин-политиков.

В постсоветской России в закон «О политических партиях» не была включена поправка о гендерной квоте, партии составляют списки по своему усмотрению. Как пишет З. С. Шангараева, по этой причине «женщины не имеют влияния и тем более не имеют возможности контролировать подготовку и реализацию управленческих

решений на государственном уровне» [16, с. 196]. По мнению О. А. Хасбулатовой, политика «государственного протекционизма» [15, с. 186], которая присутствовала в советском государстве, «постепенно сменяется эгалитарной политикой, основной целью которой является создание равных условий для самореализации личности во всех социальных сферах, независимо от пола» [17, с. 201]. Однако на практике в политической сфере, по выражению автора, «складывается гендерная асимметрия» [17, с. 201].

Возникла ситуация, при которой партийные системы складываются как системы предпочтения продвижения кандидатов-мужчин. К женщине-политику предъявляются более жёсткие требования, в отличие от политика-мужчины. Тем не менее, в законодательную власть попадают немногие типы женщин-политиков, которые на протяжении многих лет являются успешными в коридорах законодательной власти, такие как, например тип имиджа «деятель советского образца», который описан О. В. Поповой [11, с. 249]. Парламентариями становятся женщины-политики, которые имеют высокий профессиональный статус. Результаты социологических опросов, проведённых отечественными специалистами и автором, показывают, что избиратели современной России хотят видеть в женщине, вступающей на путь политической деятельности, определенные индивидуальные специфические черты личности с учётом профессиональных качеств. Исследователь О. Ф. Потемкина¹ выделяет набор личностных качеств, которые мы преобразовали в основу для другой конструкции, имиджевой модели «постсоветская — гендерно нейтральная»: *самодостаточность, профессионализм, коммуникативные способности, терпимость, доброта, гибкость, искренность, надёжность, чувство юмора, оптимизм, желание самосовершенствоваться, умение слушать.*

Более всего в Государственной Думе Федерального Собрания РФ представлены среди женщин профессионалы своего дела. Преобладают профессиональные экономисты, финансисты, юристы, работники социальной сферы, преподаватели, представители СМИ и СМК, профессиональные спортсменки. Менее всего представлены женщины — профессиональные политики, чиновницы и бизнес-леди. Среди медийных персон известные женщины-парламентарии

¹ Потемкина О. Ф. Имидж политического лидера // Институт дополнительного профессионального образования. URL: <http://www.idpo.ru>.

профессиональные спортсменки С. С. Журова, И. К. Роднина (ЕР); актриса Е. Г. Драпеко (СР); летчик-космонавт герой Советского Союза С. Е. Савицкая (КПРФ); юристы Е. Б. Мизулина, И. А. Яровая, Н. В. Поклонская (ЕР).

Модель «*постсоветская — гендерно нейтральная*» имела предпосылки к формированию с тех пор, когда в советский период идеология КПСС и коммуникационная политика государства способствовали процессу социализации женщин, получению всеобщего образования, в том числе и профессионального. Женщины впервые во всем мире получили право быть профессионалами своего дела и реализовали его во многих профессиях. По мнению О. В. Здравомысловой, советская женщина не только могла, но также «обязана была вступить в “договор” непосредственно с государством и работать на него. Обязав женщину быть не только матерью и женой, но еще и работницей, советская власть решила большое количество экономических проблем. Женщины работали не покладая рук и наравне с мужчинами поднимали страну во время индустриализации, войны, в послевоенное время. Без них страна не выжила бы»¹. Высокий профессионализм и достижения в профессии дали возможность современным российским женщинам, достигая определенных высот в профессии, обращать на себя внимание партий, которые заинтересованы в кадрах с высокой квалификацией.

Инструментом продвижения женщин в законодательную власть является политика «квотирования», или гендерное нормирование. В России с отказом от единой коммунистической идеологии отказались и от политики квотирования. Тем не менее, до сих пор значительное количество имён женщин встречается в списках прокоммунистических левых партий. Это связано с тем, что «сами женщины больше отдают предпочтения левым партиям, которые связывают идеалы справедливого общественного устройства с принципами социальной защиты» [17, с. 205]. Однако на последних выборах в Госдуму РФ большинство женщин, избранных в парламент, были выдвинуты от партии «Единая Россия». Левые партии, которые обещали много женщин, получили меньшее количество мандатов.

Другим способом увеличения числа женщин в парламенте является система «поддерживающих действий» со стороны партии. Это партийная политика, выражаемая и подтверждаемая практикой, реализуемая

через партийную поддержку инициатив женщин по выдвижению на руководящие посты, через организацию финансовой помощи женщинам-кандидатам, посредством проведения специальных курсов, семинаров, конференций для женщин, желающих наряду с мужчинами разделить функции власти. В этом случае речь идёт о закономерности присоединения имиджа женщины к имиджу партии, от которой она идёт на выборы. Основу такого имиджа составляют идеологические ценности, которые транслируются через вербальный канал политика.

В России партийная практика «поддерживающих действий» по отношению к женщине-кандидату в депутаты используется, но имеет особый характер. Поскольку процесс развития демократических институтов, в том числе развития гражданского общества, существует в процессе противостояния двух противоположных тенденций — демократии и авторитаризма, в российской политической системе уживаются как демократические, так и авторитарные методы осуществления власти. Это оказывает влияние в том числе и на избирательный процесс и, как следствие, на процесс формирования конструкций имиджа. Корнями постсоветского политического режима является патернализм как особенность российской политической культуры, когда поддерживаются на выборах те женщины-политики, которые в первую очередь работают на интересы укрепления власти доминирующей партии.

Примером партийного патернализма по отношению к женщинам как особенности российской партийной системы можно наблюдать в процессе стремительного вхождения в законодательную власть России Н. Поклонской. Ее кандидатура была поддержана и продвинута в Государственную Думу Федерального Собрания РФ от партии «Единая Россия» в 7-й созыв. Ставшая широко известна в 2014 г., прокурор Крыма Н. Поклонская в 2016 г. становится депутатом.

По мнению автора статьи, конструкция имиджа Н. Поклонской это модель «*постсоветская — несимметричная*»: *внешние данные, артистизм, развитая интуиция, высокая способность к сотрудничеству, высокие нравственные качества, целеустремленность, трудолюбие, сила личности, исторические аналогии, свидетельская реклама при участии VIP-мужчин*. Наряду с привлекательными внешними характеристиками преобладают личностно-ориентированные, в данном случае нравственные качества. Парламентарий своим поведением демонстрирует

¹ Цит. по: Forbes-woman. 2017. 24 марта.

рует сильный и непреклонный характер, уверенность в своей правоте. Имиджевые характеристики сочетают в себе внешнюю женственность и внутренние качества, присутствующие, как правило, мужчинам: сила личности, сила воли. Крымские события весны 2014 г. показали ее умение рисковать, а также стрессоустойчивость в экстремальной ситуации. Как и многие другие российские женщины-парламентарии, она профессионал своего дела. Обладает ораторскими способностями. В общении с коллегами по Законодательному собранию проявляет дух соперничества, вступает в полемику с противниками ее позиции.

Очевидным становится влияние видных государственных деятелей партии «Единая Россия» в процессе продвижения депутата Н. В. Поклонской как «*православного патриота*» в отношении ее борьбы с фильмом «Матильда» режиссера А. Учителя. Со стороны партии «Единая Россия» в лице спикера Государственной Думы Федерального Собрания РФ В. В. Володина в отношении депутата Н. В. Поклонской публично озвучена государственная поддержка. Почти слово в слово спикер повторил оценку президента. «Она тоже имеет право на свою точку зрения, — сказал В. В. Путин о «крестовом походе» Н. В. Поклонской против «Матильды» в ходе прямой линии 2017 г. — У нее есть позиция, она пытается эту позицию защитить»¹.

Государственная поддержка женщины-парламентария, «*православного патриота*» подкреплена ожиданиями широких слоев российского общества именно к образу, который последовательно формирует Н. В. Поклонская, став депутатом. По данным опросов ВЦИОМ от 13 августа 2015 г. о том, что важнее — забота о чувствах верующих или право на свободу слова и творческого самовыражения, «большинство респондентов (68 %) убеждены — всем гражданам необходимо руководствоваться в первую очередь принципами политкорректности и вежливости, а не правом на свободу слова»². Более того «две трети россиян (67 %) также полагают, что создатели художественных произведений (книг, картин, кинолент) не должны своими творениями как-либо задевать чувства верующих»³. Согласно этим данным, деятельность Н. Поклонской как депутата Государственной Думы Федерального Собрания РФ отвечает ожиданиям этих слоев общества. Более того, парламентарий

обращает внимание на культурные контуры системы. Заработок на самом процессе кинопроизводства, а не на прибыли от проката кинокартин является сложившейся традицией постсоветского кинобизнеса и экономической проблемой государства. Инициатива Н. Поклонской заостряет внимание общественности на этой проблеме. Тема целевого использования средств не может не беспокоить государство и общество в целом, обнажает запрос на ряд проблем идеологического, этического, а также экономического характера. Привлекает внимание к проблеме формирования новой культурной политики России, которая бы отвечала общественному запросу и формировала бы позитивный имидж российского государства во всем его историческом развитии, прежде всего внутри страны, с целью самоидентификации. Речь идет об «имидже на самоощущение» огромного слоя современного российского общества (68 %), ориентированного на христианские ценности православия, у которого нарастает понимание в реабилитации традиционных религиозно-этических доктрин. Опросы общественного мнения от 06.07.2018 г. показывают рост интереса к Православной церкви среди молодежи⁴. Нужны новые женские лица в современной российской политике, которые отвечали бы ожиданиям этих электоральных групп. Неожиданно став прокурором Крыма, Н. В. Поклонская молниеносно становится медийным лицом, приобретает популярность среди широких масс, в том числе и среди молодежной аудитории, став героиней многочисленных сначала телерепортажей, затем компьютерных игр, комиксов, мультфильмов в стиле аниме, документальных и художественных фильмов. Нельзя не оценить использование медийного ресурса такого уровня как фундамента для дальнейшего построения, развития и продвижения имиджа начинающего, но перспективного политика.

Другая начинающая российская женщина-политик К. А. Собчак, которая говорит о том, что вне религии, придерживается либеральных взглядов, смело называет себя феминисткой, зная, что в России «называть себя феминисткой вредно»⁵. Будучи телеведущей, медийным лицом с политическим антирейтингом К. А. Собчак всегда вызывала много противоречий. Неожиданностью выборной президентской кампании 2018 г.

¹ Цит. по: Московский комсомолец. 2017. 21 сент.

² <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=102>.

³ Там же.

⁴ <http://astrsobor.ru/menyaetsya-li-otnoshenie-molodezhi-k-cerkvi>.

⁵ <https://www.wonderzine.com/wonderzine/life/life-interview/235999-sobchak>.

стало ее решение баллотироваться кандидатом в президенты России. В результате выборного марафона став четвертой, К. А. Собчак заявила о том, что «в политике всерьез и надолго» и пообещала принять участие в следующих парламентских выборах. Во время ее неожиданного выдвижения в качестве кандидата на пост президента РФ многие обозреватели писали о том, что выдвижение Собчак выгодно Кремлю. Например, эксперт А. Хоц поделился своим мнением о ситуации с выдвижением Собчак на президентских выборах 2018 г. «По задумке Кремля, Ксения Анатольевна должна «завербовать» весь несистемный электорат, принадлежащий к числу недовольного поколения, что поможет решить сразу 2 важные задачи: свести к минимуму неизбежные уличные протесты, а также значительно повысить явку на выборах, а именно легитимность заранее известного победителя в «честных выборах»¹. В. Э. Портников напомнил, что «Собчак является дочерью человека, который был одним из архитекторов современной России. Если посмотреть на фамилии людей стоящих у власти, то за последние десятилетия они и не изменились (дети сменяют на постах родителей), и Ксения Анатольевна одна из них, только моложе, циничнее, и умнее»².

По нашему мнению, глава государства В. В. Путин прямым образом участвует в создании политического имиджа К. А. Собчак, когда дает согласие на интервью «в форме допроса с пристраиванием» для документального фильма режиссера Веры Кричевской «Дело Собчака» посвященного памяти отца Ксении, известного политика и мэра Санкт-Петербурга 90-х гг. XX в., с которым президент работал в качестве его заместителя.

На наш взгляд, две молодые российские женщины противоположных убеждений, — действующий законодатель Н. В. Поклонская и потенциальный парламентарий К. А. Собчак, которым оказывает непосредственное внимание глава российского государства В. В. Путин, политически перспективны. Поддержка и продвижение со стороны государства женщин противоположных убеждений декларативно соответствует принципам провозглашенной демократии. Внимание президента прямым образом оказывает влияние на политический имидж начинающих, но уже широко известных, ме-

¹ <https://rusmonitor.com/kseniya-sobchak-vazhnyj-instrument-kremlya-na-predstoyashhikh-vyborakh-prezidenta-rf.html>.

² <https://rusmonitor.com/kseniya-sobchak-vazhnyj-instrument-kremlya-na-predstoyashhikh-vyborakh-prezidenta-rf.html>.

дийных политических акторов, укрепляет позиции их публичного имиджа

Заинтересованность государства в том, чтобы среди российских политиков было больше женщин, вполне очевидна. Обширные исследования ВЦИОМ, посвящённые изучению общественного мнения россиян о роли женщин в политике, проведённые с января 2006 по февраль 2018 г., показывают, что население современной России одобряет женщин, принимающих участие в политике, и хотят, чтобы женщины занимали высшие государственные посты наравне с мужчинами³. Государство заинтересовано, чтобы в российской политике появились новые женские лица. Пока опросы «ВЦИОМ-Спутник» от 2—3 марта 2017 г. говорят, что россияне называют одной из самых умных женщин России В. И. Матвиенко⁴. Она человек власти, в которой сочетаются яркая внешность, ум, дальновидность, организаторские способности, направленные на развитие и укрепление государственных институтов. Имидж этой женщины-парламентария в большей степени относится к предложенному нами типу «государственник». Председатель Совета Федерального Собрания Российской Федерации В. И. Матвиенко в политике постсоветской России наиболее успешна, во власти находится продолжительное время, как в исполнительной, так и в законодательной. Она «строгий чиновник и четкий функционер, умеющий играть по заданным правилам», однако внешний облик политика со специфическим «державным шиком» предполагает разнообразные костюмы ярких цветов, шелковые платки с русским узором, богатые шубы. В Санкт-Петербурге, где политик работала губернатором, граждане ее называют «женщиной-праздником». На государственном уровне она последовательно продвигает «систему поддерживающих действий» со стороны государства, направленную на поддержку прав российских женщин во многих сферах общественно-политической жизни России.

По инициативе В. И. Матвиенко в начале марта 2017 г. исполнительной властью в лице премьер-министра Российской Федерации Д. А. Медведева был подписан документ «Национальная стратегия действий в интересах женщин». Стратегия рассчитана на период с 2017—2022 гг., основана на Конвенции Генассамблеи ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении

³ См.: Левада-центр. URL: <http://www.levada.ru/06-03-2013/rossiyane-o-rol-i-zhenshchin-v-politike>.
⁴ См.: Всероссийский опрос «ВЦИОМ-Спутник» от 2—3 марта 2017 г. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116100>.

нии женщин. Документ декларирует, что итогом реализации стратегии должна стать сформированная к 2022 г. система мер, направленная на обеспечение равных прав и равных возможностей женщин во всех сферах жизни, повышение их экономической независимости, политической активности и самореализации личности¹. Реализация стратегии нацелена в том числе на увеличение доли женщин в законодательной власти России до 30 %².

В то же время в 2016—2018 гг. в российских СМИ и СМК развернулась дискуссия по поводу принятия и продвижения в реальную жизнь стратегии в интересах женщин. Дискуссии отражают неоднородность общественного мнения по этой теме. Мониторинг общественного мнения показывает, что отношение различных слоев российской общественности неоднозначное, мнения порой радикально противоположные.

Член СПЧ и профессор политологии по гендерной проблематике С. Айвазова непосредственно занимается данной темой. Политолог убеждена что «такого рода документы имеют в первую очередь символическое значение. И поскольку в данной стратегии речь идет о достижении гендерного равенства, то, как бы документ ни был несовершенен, в обстановке нарастающего обскурантизма я его поддерживаю двумя руками. Государство, пусть даже декларативно, говорит о равноправии женщин и мужчин»³.

Глава СПЧ при Президенте РФ М. Федотов заявил РИА-Новости: «К сожалению, у нас есть немало замечательных концепций и стратегий, которые на практике не выполняются»⁴.

Адвокат М. Давтян полагает, что «новая программа проигрывает концепции в интересах женщин 1996 г.»⁵.

Еще до подписания стратегии 8 марта 2017 г. Правительством РФ одна из правозащитных общественных организаций назвала программу «Стратегия вымирания» России на 2017—2022 гг. Автор сайта пишет статью «Минтруд готовит стратегию продвижения феминизма в России», в которой критикует действия государст-

ва: «Под красивым названием скрывается настоящее феминистское мракобесие, приправленное неолиберализмом и европейскими "ценностями"»⁶.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Российское государство как основной институт политической системы, выполняя функции нормативно-регулятивного управления обществом, целенаправленно оказывает влияние на процессы создания конструкций имиджа российских женщин-парламентариев. Это влияние прослеживается с начала основания Советской России и легитимации женщин в политике после Октябрьской революции 1917 г. на протяжении 100 лет. В настоящий момент все еще остается ситуация при которой общество в целом неоднозначно и противоречиво настроено по отношению к вопросу равноправия женщин. Проблема участия женщин в политическом процессе современной России тесно связана с состоянием общественного мнения относительно названного явления.

Описанные автором статьи разработки по конструированию имиджа российских женщин-парламентариев возможно использовать в рамках государственных стратегий в интересах женщин в процессах создания и реализации информационно-просветительских программ через каналы СМИ и СМК.

1. Антоновский А. Ю. Конструктивизм // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М. : Канон+ : Реабилитация, 2009. С. 377—378.

2. Вацлавик П., Бивин Д., Джексон Д. Прагматика человеческих коммуникаций. М. : Эксмо-Пресс, Апрель-Пресс, 2000. 300 с.

3. Глазерсфельд Э. фон. Введение в радикальный конструктивизм. // Вестник Московского университета. Сер. Философия. 2001. № 4. С. 59—81.

4. Дроздов Ю., Фартышев В. Юрий Андропов и Владимир Путин. На пути к возрождению. М. : ОЛМА-Пресс, 2001. 269 с.

5. Лебедев С. А. Философия науки : слов. основных терминов. М. : Академический Проект, 2004. 320 с.

6. Луман Н. Реальность массмедиа / пер. с нем. А. Антоновского. М. : Праксис, 2005. 256 с.

7. Матурана У., Варела Ф. Дерево познания. М. : Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.

8. Мельвиль А. Ю. Демократические транзиты (теоретико-методологические и прикладные аспекты). М., 1999. 286 с.

9. Мид М. Культура и мир детства. М. : Наука, 1988. 429 с.

10. Перельгина Е. Б. Психология имиджа. М. : Аспект Пресс, 2002. 223 с.

⁶ <http://orthomed.ru/node/1078>.

¹ См.: Проект Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017—2022 гг. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_213740.

² Там же.

³ <http://mamanarabote.ru/2018/03/25/план-по-реализации-1-го-этапа-националь/>

⁴ См.: Проект Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017—2022 гг.

⁵ <http://mamanarabote.ru/2018/03/25/план-по-реализации-1-го-этапа-националь/>

11. Политическая имиджология : кол. моногр. / под общ. науч. ред. Л. Г. Лаптева и Е. А. Петровой. М. : РИЦ АИМ, 2006. 276 с.
12. Пухова З. П. Женское движение и перестройка в СССР // Женщины в современном мире. М. : Наука, 1989. С. 58—63.
13. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М., 2003. С. 448.
14. Фарукшин М. Х. Современный федерализм: российский и зарубежный опыт. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1998. 335 с.
15. Хасбулатова О. А. Российская государственная политика в отношении женщин (1900—2000) // Теория и методология гендерных исследований. М. : МЦГИ — МВШСЭН — МФФ, 2001. С. 186.
16. Шангараяева З. С., Акмалова Л. Ш., Максимова О. А. Современные проблемы участия женщин в политической жизни общества // Политический процесс в условиях подготовки к избирательным кампаниям 2007—2008 гг. в Российской Федерации. Казань : Слово, 2007. С. 196.
17. Шафигулина Л. Р. Гендерный анализ избирательного законодательства Российской Федерации и Республики Татарстан. // Политический процесс в условиях подготовки к избирательным кампаниям 2007—2008 гг. в Российской Федерации. Казань : Слово, 2007. С. 205.
18. Штофф В. А. Моделирование и философия. М. : Наука, 1966. 304 с.
19. Abel G. Was ist Interpretationsphilosophie? // Simon. (Hg.) Zeichen und Interpretation. Frankfurt ; M., 1994. P. 16—35.
20. Rhoder R.A.W. Institutional Approach // Theory and Methods in Political Science. New York : Sl. Marlin's Press, 1995. P. 50.

References

1. Antonovskiy A.Yu. (2009) Konstruktivizm // Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki. Moscow, Kanon+, Reabilitatsiya, pp. 377—378 [in Rus].
2. Vatslavik P., Bivin D. i Dzhekson D. (2000) Pragmatika chelovecheskikh kommunikatsiy. Moscow, Eksmo-Press, Aprel-Press, 300 p. [in Rus].
3. Glazersfeld E. fon. (2001) *Vestnik Moskovskogo un-ta. Seriya: Filosofiya*, no 4. pp. 59—81 [in Rus].
4. Drozdov Yu., Fartyshhev V. (2001) YUrij Andropov i Vladimir Putin. Na puti k vozrozhdeniyu. Moscow, OLMA-Press, 269 p. [in Rus].

5. Lebedev S.A. (2004) *Filosofiya nauki: Slovar osnovnykh terminov*. Moscow, Akademicheskii Proyeckt, 320 p. [in Rus].
6. Luman N. (2005) *Realnost massmedia*. Moscow, Praksis, 256 p. [in Rus].
7. Maturana U., Varela F. (2001) *Drevo poznaniya*. Moscow, Progress-Traditsiya, 224 p. [in Rus].
8. Melvil A.Yu. (1999) *Demokraticheskiye tranzity (teoretiko-metodologicheskiye i prikladnyye aspekty)*. Moscow, 286 p. [in Rus].
9. Mid M. (1988) *Kultura i mir detstva*. Moscow, Nauka, 429 p. [in Rus].
10. Perelygina E.B. (2002) *Psikhologiya imidzha*. Moscow, Aspekt Press, 223 p. [in Rus].
11. Petrovoy E.A. i Lapteva L.G. (2006) *Politicheskaya imidzhologiya*. Moscow, RITs AIM, 276p. [in Rus].
12. Pukhova Z.P. (1989) *Zhenskoye dvizheniye i perestroyka v SSSR // Zhenshchiny v sovremennom mire*. Moscow, Nauka, pp. 58—63 [in Rus].
13. Toffler E. (2003) *Metamorfozy vlasti*. Moscow, p. 448. [in Rus].
14. Farukshin M.Kh. (1998) *Sovremennyy federalizm: rossiyskiy i zarubezhnyy opyt*. Kazan, Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 335 p. [in Rus].
15. Hasbulatova O.A. (2001) *Rossiyskaya gosudarstvennaya politika v otnoshenii zhenshchin (1900—2000). Teoriya i metodologiya gendernykh issledovaniy*. Moscow, MTsGI—MVShSEN—MFF, p. 186 [in Rus].
16. Shangarayeva Z.S., Akmalova L.Sh., Maksimova O.A. (2007) *Sovremennyye problemy uchastiya zhenshchin v politicheskoy zhizni obshchestva // Politicheskyy protsess v usloviyakh podgotovki k izbiratelnykh kampaniyam (2007—2008) gg. v Rossiyskoy Federatsii*. Kazan', Slovo, p. 196 [in Rus].
17. Shafigulina L.R. (2007) *Gendernyy analiz izbiratel'nogo zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii i Respubliki Tatarstan // Politicheskyy protsess v usloviyakh podgotovki k izbiratelnykh kampaniyam 2007—2008 gg. v Rossiyskoy Federatsii*. Kazan', Slovo, p. 205 [in Rus].
18. Shtoff V.A. (1966) *Modelirovaniye i filosofiya*. Moscow, Nauka, 304 p. [in Rus].
19. Abel G. (1994) *Was ist Interpretationsphilosophie? // Simon. (Hg.) Zeichen und Interpretation*. Frankfurt, Moscow, p. 16—35 [in Eng].
20. Rhoder R.A.W. (1995) *Institutional Approach // Theory and Methods in Political Science*. New York, Sl. Marlin's Press, p. 50 [in Eng].

For citing: Tokareva O.V.
The effect of the state institution
and the «party of power» on constructing
the image of Russian women-parliamentarians //
Socium i vlast' 2018. № 6 (74). P. 26—35.

UDC 32.019.51

THE EFFECT OF THE STATE INSTITUTION AND THE «PARTY OF POWER» ON CONSTRUCTING THE IMAGE OF RUSSIAN WOMEN-PARLIAMENTARIANS

Olga V. Tokareva,

Kazan National Research Technological University,
Post-graduate student of the Department Chair of
State, Municipal Management and Sociology.
Russian Federation, 420015, Republic of Tatarstan,
Kazan, ulitsa Karla Marksa, 68.
E-mail: olgato@mail.ru

Abstract

The paper presents the results of the research in
the area of political construction of the image of
Russian women politicians.

The cultural-historical approach and the new
institutionalism, as the main of the three methodo-
logical approaches of the study, made it possible to
trace that from the foundation of the Soviet state
to the present times, the main political institutions
that influence the content of the image structures
of Russian women parliamentarians are the state
itself and the “party in power” which determine the
main direction of developing the entire political
process in Russia.

Constructivism as the main of the three methodo-
logical approaches made it possible to apply mod-
eling as a method of studying the main object and
present a number of models of the political image
of Russian women parliamentarians.

The study widely used the method of content analy-
sis of the media and mass communication tools. As
an experiment, public opinion polls were conducted
to identify expectations of what a Russian woman
parliamentarian should be. Complex scientific
methods, such as analysis, synthesis, and generali-
zation are used.

For the first time, the effect of the state and the
“party of power” on constructing the image of
women parliamentarians of Soviet and post-Soviet
Russia was investigated. As a result of studying the
public opinion, analyzing the voters’ expectations,
the author for the first time develops a model of
a woman’s political image: 1) “Soviet — externally
oriented — triumphant”; 2) «the late Soviet and
post-Soviet - person-oriented»; 3) «post-Soviet -
asymmetrical»; 4) «post-Soviet - gender-neutral.»
The results of the study allow to understand the
features of the image of Russian women parliamen-
tarians, the image design processes through the
use of modeling as a basis for the image concept,
as well as they can be used by political consultants,
public relations specialists when developing an im-
age campaign of an electoral company deputies of
the Russian parliament. The models can be used in
designing and implementing gender programs; can
be used by creators of popular science and docu-
mentary films and television programs on gender
issues that contribute to changing the stereotypes
regarding the attractiveness of women’s leadership
in political processes.

Key concepts:

state,
party,
women-parliamentarians,
image,
political communications.

Для цитирования: Желнин А. И., Барг О. А.
К критике биополитической экономики:
перспективы управления человека
своей биологией в контексте
современного перехода от биовласти
к биополитике и кризиса медицины //
Социум и власть. 2018. № 6 (74). С. 36—45.

УДК 304.9

К КРИТИКЕ БИОПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА СВОЕЙ БИОЛОГИЕЙ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ПЕРЕХОДА ОТ БИОВЛАСТИ К БИОПОЛИТИКЕ И КРИЗИСА МЕДИЦИНЫ

Желнин Антон Игоревич,

Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
доцент кафедры философии,
кандидат философских наук.
Российская Федерация,
614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.
E-mail: zhelnin90@yandex.ru

Барг Олег Александрович,

Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
профессор кафедры философии,
доктор философских наук, доцент.
Российская Федерация,
614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.
E-mail: olbarg@gmail.com

Аннотация

Статья имеет двойную цель: 1) вскрыть сущность кризиса современной формы биовласти и особенно медицины как одного из ее главных проводников, показать его детерминированность широкими перестроечными процессами в рамках современной социально-экономической системы глобального капитализма; 2) очертить перспективы тенденции к более субъектному взаимодействию человека со своей биологией, сознательному управлению ею в рамках перехода к биополитике. Кризис медицины детерминирован кризисными процессами социально-экономической системы капитализма как целого, постепенному движению к доминированию «горизонтальных» отношений, лишенных жесткой иерархичности и предполагающих преобладание интерактивно-сетевых структур. Кризис соседствует с внутренним прогрессом медицины, выражающемся в освоении новых методов терапии и переходе к превентивным и персонализированным формам работы. Несмотря на богатое поле возможностей, данный потенциал не может быть полностью реализован в наличных рыночных условиях. Трансформация биовласти в биополитику является сложным долгосрочным процессом, и пока фиксируются только «ростки» данного тренда. Однако даже сейчас заметен позитивный рост сознательности людей в биологических аспектах своей жизни, ориентированность медицины не только на лечение болезней, но и на поддержание здоровья, регулирование его различных параметров.

Ключевые понятия:

биовласть,
биополитика,
медицинализация,
кризис,
управление.

Введение

В 1859 г. печатается написанная К. Марксом работа «К критике политической экономии», которая послужила предварительным вариантом текста «Капитала». В ней Маркс выдвигает знаменитое положение: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще» [4, с. 6—7]. Другими словами, архитектоника сфер общественной жизни и образ жизни людей детерминируются способом производства. Производство, понимаемое Марксом широко, по большей части, однако, рассматривалось им сквозь призму экономики. Стоит признать, что производство является не просто «вещным» экономическим процессом, но прежде всего производством человеком самого себя, то есть его фундаментальным способом существования [15]. Так как человек является принципиально целостным существом, то его производство и воспроизводство включает в себя помимо социальных и биологические элементы. Признание того, что у человека помимо «неорганического тела», внешней природы как универсального объекта трудовой деятельности есть и «органическое тело», являющееся одновременно субстратом труда и возможным объектом активной преобразующей деятельности, заставляет некоторых современных интерпретаторов марксизма добавлять к нему приставку «био» [10]. С другой стороны, необходимость воспроизводства биологии человека диктуется не столько его уникальной сущностью, сколько фундаментальной направленностью всего живого на самосохранение. Активный характер последнего позволил таким ученым, как У. Матурана и Ф. Варела, ввести понятие «аутопоэзис», что буквально значит «самотворение»: живое не просто пассивно подстраивается под внешние условия, но и строит себя, как бы «вытаскивая сама себя за волосы и становясь отличной от окружающей среды посредством собственной динамики» [6, с. 41]. Таким образом, несмотря на то что социальный и биологический способы существования являются противоположными (первый — преобразовательный, второй — приспособи-

тельный), их роднит между собой тенденция к самосохранению, наличие производящего элемента (очевидно, что в случае деятельности человека он несравнимо больше).

Основная часть

Концепт биополитики на сегодняшний день является чрезвычайно популярным и активно разрабатываемым. Несмотря на различие в его интерпретациях [11], теоретики так или иначе отмечают, что данный феномен связан с распространением, экспансией властных механизмов на витальные стороны жизнедеятельности людей. Различие скорее сосредоточено в понимании сущности феномена власти как такового. В этом плане к Марксу ближе всего концепция М. Хардта и А. Негри, которые связывают феномен биополитической власти с системой производства как базисом общества: «Последовательно сводя воедино различные определяющие характеристики биополитического контекста и возвращая их к онтологии производства, мы можем определить новый образ коллективного биополитического тела... это тело оказывается и производством, и воспроизводством, и базисом, и надстройкой, потому что оно есть и жизнь и политика в самом исчерпывающем и буквальном смысле» [14, с. 42]. М.Н. Nadesan отмечает, что биовласть является предпочтительной для современной неолиберальной системы, так как, создавая иллюзию максимальной эффективности и «всеобщего процветания» при сохранении свободы субъектов через принцип *laissez-faire*, распространенный на все сферы жизни (в том числе витальные), она де-факто «может также служить интересам накопления капитала и рыночных сил путем выявления и оптимизации жизненных сил населения, максимизируя их потенциал как людских ресурсов и их полезность для рыночной капитализации. Таким образом, биовласть может дополнять и расширить силу капитала для экспроприации ценности из производственных отношений» [39, р. 3]. В этом контексте по-новому оказывается справедливым старая максима «политика — концентрированное выражение экономики». *Биология человека легко попадает в поле данной политики не только ввиду описанной экспансии последней, но и ввиду того, что она сама нуждается в своего рода управлении, предполагающем различное сочетание режимов расходования и экономии. Будучи главной производительной силой, человеческой труд во многом расходуется со стороны именно своих биологических компонентов («мозга, мышц, нервов», по словам Маркса), что ввиду циклического характера функционирования биологических систем предполагает*

периодическое его восстановление, восполнение сил и энергии. Эту цикличность можно обнаружить и в других аспектах существования человека: демографическая смена поколений с сопутствующими ей разными конфигурациями рождаемости и смертности, циркадные ритмы сна и бодрствования, сильно детерминирующие человеческий образ жизни как таковой, наконец, круг «заболевание — выздоровление», ставший центральным для фокуса медицины.

Существует распространенная точка зрения, что идея управления человека своими биологическими сторонами являются достоянием исключительно современной эпохи, считающейся «концом истории». Так, например, Дж. Агамбен пишет: «Традиционные исторические силы... с некоторого времени превратились в культурные зрелища и в опыт частной жизни, утратив всякую историческую действенность. В связи с этим затмением единственной сколько-нибудь серьезной задачей остается забота о биологической жизни и "интегральное" управление ею... человечество вроде бы "берет на себя" собственную физиологию как последний и неполитический мандат на конец истории» [1, с. 93]. Подобной точки зрения придерживается и Ф. Фукуяма, относя современный биотехнологический «взрыв» к новому витку истории, чреватому вторжением в человеческую природу: «Наиболее серьезная угроза, создаваемая современной биотехнологией, — это возможность изменения природы человека и в силу того — перехода к "постчеловеческой" фазе истории» [13, с. 18]. С нашей точки зрения, их позиция нерелевантна действительности: *если придерживаться производственной парадигмы, то оказывается, что человек всегда так или иначе воздействовал на процессы своего организма, преимущественно с указанной целью поддержания и воспроизводства. Другое дело, что режим этих вмешательств не был четко институционализирован, часто отправлялся стихийно и поэтому оставался «в тени» собственно системы производства.*

Характер данного режима носит конкретно-исторический характер и зависит от способа производства. Авторы сборника с говорящим названием «Построение нового биокультурального синтеза: политэкономические перспективы человеческой биологии», фиксируя разрыв в антропологическом анализе социо-экономического и биологического положения человека в истории, полагают, что одним из перспективных фундаментов для объединения может стать концепт «адаптация» [29]. Адаптация является инвариантным способом существования биологических объектов, и биология человека не исключение. Более того, она находится под своего рода

двойным прессом, будучи вынужденной приспосабливаться как к природным, так и к чисто социальным факторам. Поэтому в антагонистических обществах речь идет скорее о дезадаптации, чем об успешной адаптации: «Адаптационная перспектива оценивает, как люди отвечают на неблагоприятные условия, так же как и их потенциал для восстановления, когда их принципиальные ответы были подорваны. Люди, пойманные в системы эксплуатации, пытаются приспособиться внутри ограничений, наложенных на них» [29, р. 66—67]. Закономерным итогом подорванной адаптации является то или иное заболевание. Многие авторы склонны помещать болезнь в общественно-экономический контекст. Так, вводит термин «синдемия», обозначающий «набор взаимосвязанных и взаимоусиливаемых эпидемий, включающий в себя интеракцию между болезнями на биологическом уровне, которые развиваются и поддерживаются в сообществе/популяции из-за вредных социальных условий и губительных социальных связей» [45]. Ввиду сказанного ранее вполне справедливо, что основное внимание при этом уделяется системе производства и существующим экономическим отношениям как главным дестабилизаторам. Показано, что неравенство доходов в обществе является мощным драйвером стресса, объективирующегося в частности в распространении ряда «болезней цивилизации» [41]. B.S. McEwen полагает, что, так как ключевым органом стрессовой реакции выступает мозг, отчасти именно поэтому социоэкономические условия являются лидирующими: они оказывают отрицательное влияние на соматические системы организма (общий феномен «аллостаза») опосредованно, через психоэмоциональные нагрузки и сопутствующие им патологические изменения в функционировании мозгового субстрата [36].

Данная «политэкономия болезни», вскрывающая социальную детерминированность дезадаптивных процессов биологии человека, является теоретически справедливой. Однако она является неполной антропологически, так как рассматривает человека только как пассивный объект, «жертву» господствующей системы. Биополитика как политика *sui generis* по определению предполагает наличие субъектности, то есть активной позиции в реализации соответствующей деятельности. Именно это, по нашему мнению, отличает биополитику от биовласти, построенной (как и любая власть) на иерархии и отношении доминирования-подчинения. А. В. Олескин полагает, что в современной биополитике начинают постепенно выделяться «горизонтальные (сетевые) структуры, оличающиеся отсутствием единого водителя ритма.

Здесь сосуществуют, конкурируют, сложным образом взаимодействуют множество центров активности — «частичных лидеров» [9, с. 1084—1085]. Это является специфическим отголоском более общей тенденции к децентрализации современной жизни. М. Кастельс, провозгласивший грядущее сетевое общество, в другой своей книге «Коммуникативная власть» отмечает, что «вертикальная форма коммуникации оказывается сломана в мире, характеризуемом превалярованием горизонтальных сетей мультимодальной коммуникации» и что «диффузия горизонтальных коммуникационных сетей глубоко модифицируют практику власти в ряде социальных и институциональных измерений [22, р. XXII, XXIV]. Данная глобальная тенденция с далекой идущими последствиями в контексте нашей темы может сигнализировать о возможности смены формата «общения» человека со своей биологией.

Основным фактом, свидетельствующим об этом, является бурный прогресс современной биомедицины. Последняя является примером глубокого единства теории и практики с акцентом на последнюю. Б. Г. Юдин и П. Д. Тищенко показывают, что биомедицина является ярчайшим представителем так называемой «технонауки», в которой преодолен разрыв между фундаментальными и прикладными исследованиями, а глубокие открытия максимально быстро находят свое воплощение в соответствующих технологиях [12]. Причем этом плане наблюдается явная синергия наук: используются результаты не только самой биологии, но и химии, физики и дисциплин на их стыке [21]. Речь идет не только о синтезе новых препаратов и совершенствовании диагностических и терапевтических методов, но и прослеживания фундаментальных механизмов болезни вплоть до молекулярного и генетического уровней с последующим пониманием способов компенсации той или иной «поломки». В итоге все большее количество заболеваний оказываются принципиально излечиваемыми или по крайней мере симптоматически сдерживаемыми, что несомненно является объективным критерием медицинского прогресса.

Вместе с тем ряд факторов как внутри самой медицины, так и вне ее препятствует переходу человека к более субъектному отношению к своей биологической основе. Чисто интерналистская причина — это наличные лимиты возможностей медицины, которые связаны в первую очередь со сложной комплексной природой противостоящих ему заболеваний: так, глобальная эпидемия неинфекционных заболеваний признается существенным барьером, тормозящим общественное развитие и порождающим кризис

внутри нового мирового порядка [35]. Однако общественно-производственная парадигма предполагает, что ведущие причины имеют внешнюю природу. *Медицина является социальным институтом и как таковая связана с другими институциями и детерминируется базовыми общественными силами. Другими словами, специфика современной медицины в большой степени обусловлена наличной системой капитализма, и через бурные процессы своей коммерциализации и консьюмеризации заточена на извлечение прибыли.* Это позволяет говорить о сфере биоэкономики, характеризующейся «широкомасштабной капитализацией бионауки и мобилизации ее элементов внутри новых отношений обмена» [42, р. 203]. Так как она финансируется процессом потребления с целью качественного воспроизводства биологии человека, то для эффективного капиталистического накопления в данной сфере необходимо поддержание среди населения соответствующих потребностей и спроса на их удовлетворение. Еще Г. Маркузе отметил, что развитый капитализм существует путем навязывания человеку внешних («репрессивных») потребностей: «Свободный выбор среди широкого разнообразия товаров и услуг не означает свободы, если они поддерживают формы социального контроля, — то есть, если они поддерживают отчуждение. Также спонтанное воспроизводство индивидом навязываемых ему потребностей не ведет к установлению автономии, но лишь свидетельствует о действительности форм контроля» [5, с. 271]. В этом плане интересно смещение объяснительной модели болезни как таковой. *Если раньше беспрекословно господствовала эссенциалистская парадигма, воспринимающая болезнь как всецело объективный феномен, то на современном этапе более весомыми оказываются культурцентрические и конструктивистские подходы:* «Фундаментальным заявлением от смыслоцентрической традиции является то, что болезнь — это не сущность, а объяснительная модель. И культура не только средство репрезентации болезни, но необходима для самой ее конституции как человеческой реальности. Болезнь тем самым имеет свой онтологический базис в порядке значения и человеческого понимания» [28, р. 53]. *Тем самым идея болезни может создаваться, транслироваться, делаться массовой (вплоть до крайнего алармизма) с целью активизировать у потребителей соответствующую потребность и нужду в ее удовлетворении.* Данную парадигму можно обнаружить как в отношении инфекционных заболеваний, так и ряда «болезней цивилизации» (атеросклероз, диабет, дегенеративные заболевания и т. д.), а также ряда психологических и поведенческих состояний (аддикции, ожирение).

С другой стороны, симптоматичным является тот факт, что в все большую популярность приобретает точка зрения, что физиологическое старение тоже является своего рода заболеванием, требующим лечения, что между ним и болезнью не пролегает «дихотомия», а напротив имеется «континуум» [20].

Экстерналистская зависимость медицины от капиталистической экономики оборачивается тем, что ее сугубо внутренние кризисные феномены являются «отражением кризисом легитимации и аккумуляции капитала» в современной формационной модели, а на передний план в ней выдвигаются проблемы издержек и прибыли [40]. Своеобразная «фетишизация» медицины, ее превращение в «огромное скопление товаров и услуг» создает условия для многостороннего отчуждения человека в аспекте его собственного здоровья. Так, например, организации пациентов с редкими заболеваниями (как и сама их «биосоциальная» идентичность) формируются во многом под влиянием того факта, что они оказываются маргинализованы, исключены медицинским «мейнстримом» из-за невозможности извлечь из лечения их болезни достаточно средств [46]. Но даже более или менее здоровые «не-пациенты» оказываются под более косвенным влиянием, например, посредством представлений о здоровом образе жизни и многообразным мерам по его поддержанию. Другими словами, имеет место широкая и многосторонняя медиализация повседневности: еще М. Фуко отмечал, что «дьявольское в настоящей ситуации то, что каждый раз, когда мы хотим обратиться к области вне медицины, мы обнаруживаем, что она уже медиализирована» [27, р. 14]. Отмечается, что медиализацию не стоит понимать как просто линейную тенденцию экстенсивного расширения поля влияния медицины: процесс является «двунаправленным», когда имеют место и медкализация, и медиализация. Вместе с тем ведущим все-таки оказывается тренд к «экспансии медицинской юрисдикции» [25, р. 7]. Последнее обеспечивается либо тем, что некоторое состояние начинает рассматриваться в медицинском ключе и характеризоваться обычно при активном использовании понятий «болезнь», «расстройство», «синдром», либо тем, что медицина пытается проникнуть в «нормальную» жизнь под предлогом не лечения болезни, а предупреждения ее появления посредством системы диагностических и профилактических мероприятий. В ее стремлении позитивно корректировать само здоровье и его параметры многие видят нарушение различия между терапией и улучшением и размывания самого понятия «норма» как такового [26]. Однако такая экспансия медицины

понятна в социально-экономическом ключе и объясняется отнюдь не желанием сотворить мистического «постчеловека», а максимально расширить число возможных путей для прямого или опосредованного извлечения прибыли. Та же эксплуатация идеи преодоления старения фундируется не желанием достичь бессмертия, а наличным противоречием между возросшей продолжительностью жизни и оставляющим желать лучшего ее биологического качества, что опять же создает у людей нужду в преодолении этого разрыва. Таким образом, медицина не только навязывает человеку искусственные потребности, но и отталкивается от его собственных потребностей, учитывает реальный «спрос», но делает это не из этических, а корыстных коммерческих целей. *Все это позволяет согласиться с тем, что современная медицина испытывает антропологический кризис и даже находится в состоянии деантропологизации* [2], а широкая медиализация приведет к появлению отнюдь не совершенного «постчеловека», а тотально зависимого и нуждающегося в многочисленных фармакологических «подпорках» homo medicus [7].

Вместе с тем любой кризис является переходным состоянием и часто может сам выступать стимулом прогресса. Кризис современной медицины не исключение: он протекает на фоне описанных выше широких процессов децентрализации, где «вертикальные» связи начинают постепенно уступать «горизонтальным». Последние позволяют сохранить субъектность различных взаимодействующих акторов. В контексте медицины речь в первую очередь идет о модели взаимоотношения «врач-пациент»: общепризнанно, что старый патернализм ушел в прошлое и современные модели предполагают коммуникативность и диалогичность. Постепенное разрушение асимметрии между ними, по мнению многих, детерминировано прежде всего возросшим уровнем защиты пациентами своих прав и увеличение возможностей для этого на юридическом уровне [8]. Феномен консолидации пациентов, их самоорганизации в группы с целью отстаивания своих интересов или даже давления на медицинские организации был охарактеризован как «пациентский активизм» [42, р. 215]. *В современных условиях все большее значение приобретает рост компетентности пациента в вопросах состояния своего здоровья: справедливо не только то, что врач может в любой момент сам стать пациентом, но и то, что пациент все больше становится в определенной степени врачом.* В «обществе знания» именно достаточный уровень информированности вкупе со способностью критического анализа, рефлексии информации является залогом принятия

взвешенных решений. Биомедикизация уже строго не привязана к диаде врач — пациент, а «вовлекает каждого из нас и все население через конструирование факторов риска, тщательно разработанные повседневные жизненные практики самонаблюдения, а также управление сложными схемами риска и хронических состояний» [24, р. 171]. *Пациент уже в качестве «потенциального» больного приобретает всю большую автономность в аспекте мониторинга своего состояния, самодиагностики, а также оценки степени угрозы своему здоровью или предрасположенности к определенному заболеванию. Однако эта тенденция хорошо иллюстрирует определение свободы как «осознанной необходимости»: пациент приобретает последнюю, чтобы в конечном итоге усилить самоконтроль и надзор за своим здоровьем, самому нести за него ответственность.*

Медицина сама способствует автономизации пациента и переносу центра тяжести с лечения болезни на предупреждение или раннее обнаружение. Известна модель 4P-медицины, построенная на идеях «предиктивности», «превентивности», «партисипаторности» и, самое главное, «персонализации» [30]. Переход к последней немислим без глубокого системного подхода к работе организма и ее патологическим нарушениям. Он обеспечивается активным развитием таких комплексных дисциплин как геномика, транскриптомика, протеомика, метаболика, позволяющих установить индивидуальные особенности организма на разных его уровнях вплоть до отдельных клеток и их компонентов. Данные показывают, что на профиль здоровья конкретного человека может влиять не только индивидуальный набор его генов и белков, но даже, например, особенности бактериального состава его кишечной микрофлоры (микробиом) [34]. Совокупный учет этих данных будет являться залогом успешности терапии. С другой стороны, знание об индивидуальных предрасположенностях способствует и более активному внедрению превентивной защиты от болезни посредством целой системы профилактических мер. Одним из перспективных направлений здесь является обнаружение «ранних» биомаркеров того или иного заболевания. Причем к последним относят не только наличие и концентрацию определенных веществ, но и в широком смысле социальный статус человека: уровень дохода, этническая и профессиональную принадлежность, семейное положение, уровень образования [32]. Широкий интерес к превентивной медицине имеет место еще и потому, что современные методы лечения наиболее распространенных хронических заболеваний являются недостаточно

эффективными, что связано с мультифакторной природой последних, сопутствующими процессами дегенерации и по-видимому тесной ассоциацией со старением. Например, несколько ослаб ажиотаж вокруг стволовых клеток ввиду их ограниченного регенеративного эффекта и его зависимости от типа возмещаемой ткани: отмечается, что представление о них как о панацее, излечивающей от всех болезней всех органов, напоминает скорее воскрешение идей алхимии [19]. Вместе с тем терапия стволовыми клетками является частью более общей тенденции дрейфа от избирательных химико-фармакологических к более специфичным биотропным методам терапии, нацеленным на задействование потенциальных резервов организма. В качестве примера можно привести идею индукции аутофагии (переваривания клеткой своих поврежденных частей) [33] в ряде дегенеративных заболеваний, модуляции иммунного ответа при аутоиммунных и онкологических заболеваниях [37] или лечение и даже замедление старения через направленное использование эффекта гормезиса (благоприятного адаптивного ответа на низкие дозы токсинов) [43]. Вместе с тем понимание персонализации медицины как подхода к каждому пациенту как уникальному было бы утопичным. Скорее имеется сложное диалектическое переплетение тенденций персонализации и стандартизации, но уже в рамках конкретных групп, страт и ниш: «Тем самым персонализированная медицина, обещая реальную персонализацию медицинских вмешательств в будущем и используя индивидуализацию диагностики и лечения уже сейчас, предстает как альтернатива стандартизирующей “популяционной” медицине. При этом она использует практически все факторы, усиливающие позицию популяционной медицины: рандомизированные исследования, статистические доказательства, стандартизацию протоколов лечения... Индивидуализирующая стандартизация, стандартизация в рамках ниш задает новое поле медицинских практик» [17, с. 125].

С другой стороны, показано, что наиболее массовые заболевания современности сильно детерминированы образом жизни и его особенностями. Так, даже рак статистически обуславливается всего в 5—10 % случаев генетическими дефектами, а в 90—95 % — средовыми факторами и образом жизни [18]. Соответственно профилактика посредством коррекции последних является более оптимальной, чем затратная и подчас неуспешная «апостериорная» терапия. Как сама болезнь, так и ее трудное лечение (вдвойне это касается современных хронических дегенеративных заболеваний) является «антропологическим кризисом» в личной жизни пациента,

который он должен преодолеть [38]. Эту экзистенциальную суть болезни отмечал еще С. Кьеркегор: «С физическим здоровьем всегда остаешься в границах непосредственного, диалектика же открывается только с болезнью, и тогда только можно говорить о кризисе» [3, с. 303]. Несмотря на возможные позитивные оценки данной «пограничной ситуации», она сопряжена с явными негативными феноменами (боль, стресс, недееспособность), и это еще один довод в пользу дрейфа к превентивной медицине. Только он способна максимально полно реализовать «позитивную» свободу человека в аспекте своего здоровья, минимизируя соответствующие издержки и риски.

Заключение

Подводя итог, можно указать на то, что медиализация современной жизни и кризис медицины проявляют различные ипостаси и имеет далеко идущие последствия. Во-первых, они являются закономерным выражением экспансии капитализма в витальные аспекты жизни людей, что в частности представлено активными процессами коммерциализации и консьюмеризации в современной медицине. N. Rose полагает, что размах данной экспансии таков, что уместно говорить не только о биополитике, но и о биоэкономике и даже «молекулярной онтологии жизни» в целом [44]. С другой стороны, активное внедрение новейших фундаментальных открытий в медицинские практики, их массовизация и повышение доступности дают человеку больший выбор относительно своего здоровья, в том числе через профилактические и превентивные меры, коррекцию образа жизни и установление предрасположенностей через персонализированную диагностику. *Все это происходит на фоне более глобальной тенденции перехода к преимущественно горизонтальным «сетевым» способам взаимодействия в социуме, имеющим коммуникативную и интерактивную природу и позволяющим сохранить субъектность различных участников.* В этом плане обычный человек все больше автономизируется в реализации своей жизненной стратегии, в том числе и в отношении своей собственной биологии. *Данный тренд позволяет говорить о постепенной трансформации биовласти, построенной на вертикальном субъект-объектном отношении и преимущественно директивной по характеру, в биополитику.* В этом аспекте интересно, что биовласть становится все более имплицитной и диффузно рассеянной, что делает ее разновидностью «мягкой власти» [23]. Биополитика же может быть понята не как простое осуществление биовласти на практике, а как ее более «мягкая» разновидность,

тяготеющая по сути к более или менее разумному автономному управлению человека своей биологией. В. Ф. Чешко и В. И. Глазко считают, что биовласть, возникая в ответ на «расхождение векторов», «дихотомию» социокультурной и биологической эволюции человека, сама является важнейшей социокультурной адаптацией, способной стать одним из остовов будущей управляемой эволюции человека [16]. *Последнее возможно только при условии повышения сознательности человека по отношению к своей органической составляющей, расширение способов прогнозирования и планирования оптимальных условий для наиболее полной реализации своей биологии.* Приходится констатировать, что логика капитализма, несмотря на описанное относительное ослабление, все еще сильно препятствует последнему. *Медицина, призванная сыграть ведущую роль в переходе к рациональному биополитическому менеджменту, до сих пор во многом остается «агентом» капитала и поэтому не способна применить весь спектр уже накопленных возможностей на благо общества.* Необходим «новый социальный контракт» между системой здравоохранения и обществом, чтобы новая 4P-медицина и доступ к ней не стали очередным фактором неравенства [31]. Тем не менее описанные тенденции роста информированности рядовых пациентов и их самоорганизации с целью защиты своих прав и более полного доступа к новейшим методам лечения, перевода последних в разряд рутинных также свидетельствуют о ростках активной субъектности в данной сфере, противостоящих механизму биовласти.

1. Агамбен Дж. Открытое. Человек и животное. М. : РГГУ, 2012. 112 с.

2. Камалиева И. Р. Антропологический кризис в современной медицине // Философия и культура. 2018. № 5 (125). С. 65—70.

3. Кьеркегор С. Страх и трепет. М. : Культурная революция, 2010. 488 с.

4. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 13. М. : Политиздат, 1959.

5. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек. М. : АСТ, 2003. 528 с.

6. Матурана У., Варела Ф. Дерево жизни. Биологические корни человеческого понимания. М. : Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.

7. Медведева Л. М. Ното medicus как возможный результата медиализации // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 1. С. 210—214.

8. Назарова И. Б. Взаимоотношения «врач-пациент»: правовые и социальные аспекты // Социологические исследования. 2004. № 7. С. 142—147.

9. Олескин А. В. Сетевые структуры как биополитический проект // Вестник Российской академии наук. 2007. Т. 77. № 12. С. 1084—1088.

10. Рыбин В. А. Биомарксизм: опыт новейшей реконструкции учения Маркса // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. С. 179—190.
11. Самовольнова О. В. Социально-философский анализ основных концепций биополитики: М. Фуко, Дж. Агамбен, А. Негри // Вестник РГГУ. Сер. Философия. Социология. Искусствоведение. 2017. № 4-2 (10). С. 261—271.
12. Тищенко П. Д., Юдин Б. Г. Социогуманитарное сопровождение инновационных проектов в биомедицине // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 2. С. 73—86.
13. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции. М. : АСТ, 2004. 349 с.
14. Хардт М, Негри А. Империя. М. : Праксис, 2004. 440 с.
15. Худякова Н. Л., Смирнов Д. М. Производство человека // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 5 (387). С. 33—37.
16. Чешко В. Ф., Глазко В. И. High Hume (био-власть и биополитика в обществе риска). М. : РГАУ — МСХА им. К. А. Тимирязева, 2009.
17. Шевченко С. Ю. Стандартизация и феномен персонализированной медицины // Человек. 2015. № 6. С. 118—128.
18. Cancer is a preventable disease that requires major lifestyle changes / P. Anand et al. // Pharmaceutical research. 2008. Vol. 25. № 9. P. 2097—2116.
19. The meaning, the sense and the significance: translating the science of mesenchymal stem cells into medicine / P. Bianco et al. // Nature medicine. 2013. Vol. 19. № 1. P. 35—42.
20. Blumenthal H.T. The aging — disease dichotomy: True or false? // The Journals of Gerontology Series A: Biological Sciences and Medical Sciences. 2003. Vol. 58. № 2. P. M138—M145.
21. Brahmashari S. The role of science in the recent progress of medicine // Everyman's Science. Vol. XLI. № 1. P. 5—36.
22. Castels M. Communication power. Oxford : Oxford University Press, 2013. 574 p.
23. Cheney-Lippold J. A new algorithmic identity: Soft biopolitics and the modulation of control // Theory, Culture & Society. 2011. Vol. 28. № 6. P. 164—181.
24. Biomedicalization: Technoscientific transformations of health, illness, and US biomedicine / A.E. Clarke et al. // American sociological review. 2003. Vol. 68. № 2. P. 161—194.
25. Conrad P. The medicalization of society: On the transformation of human conditions into treatable disorders. New York : JHU Press, 2007. 224 p.
26. Daniels N. Normal functioning and the treatment-enhancement distinction // Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics. 2000. Vol. 9. № 3. P. 309—322.
27. Foucault M. The crisis of medicine or the crisis of antimedicine? // Foucault Studies. 2004. № 1. P. 5—19.
28. Good B.J. Medicine, rationality and experience: an anthropological perspective. Cambridge : Cambridge University Press, 1993. 242 p.
29. Building a new biocultural synthesis: Political-economic perspectives on human biology / ed. A.H. Goodman, T.L. Leatherman. Michigan : University of Michigan Press, 2010. 512 p.
30. Systems biology and new technologies enable predictive and preventative medicine / L. Hood et al. // Science. 2004. Vol. 306. № 5696. P. 640—643.
31. A new social contract for medical innovation / R. Horne et al. // The Lancet. 2015. Vol. 385. № 9974. P. 1153—1154.
32. Juster R.P., McEwen B.S., Lupien S.J. Allostatic load biomarkers of chronic stress and impact on health and cognition // Neuroscience & Biobehavioral Reviews. 2010. Vol. 35. № 1. P. 2—16.
33. Levine B, Kroemer G. Autophagy in aging, disease and death: the true identity of a cell death impostor // Cell Death Differ. 2009. Vol. 16. № 1. P. 1—2.
34. Lynch S.V., Pedersen O. The human intestinal microbiome in health and disease // New England Journal of Medicine. 2016. Vol. 375. № 24. P. 2369—2379.
35. Marrero S. L., Bloom D. E., Adashi E.Y. Non-communicable diseases: a global health crisis in a new world order // Jama. 2012. Vol. 307. № 19. P. 2037—2038.
36. McEwen B.S., Gianaros P.J. Central role of the brain in stress and adaptation: links to socioeconomic status, health, and disease // Annals of the New York Academy of Sciences. 2010. Vol. 1186. № 1. P. 190—222.
37. Mellman I., Coukos G., Dranoff G. Cancer immunotherapy comes of age // Nature. 2011. Vol. 480. № 7378. P. 480—489.
38. Coping with physical illness / ed. R. Moos. New York : Springer Science & Business Media, 2012. 440 p.
39. Nadesan M.H. Governmentality, biopower, and everyday life. London : Routledge, 2008.
40. Navarro V. The crisis of the western system of medicine in contemporary capitalism // International Journal of Health Services. 1978. Vol. 8. № 2. P. 179—211.
41. Pickett K.E., Wilkinson R.G. Income inequality and health: a causal review // Social science & medicine. 2015. Vol. 128. P. 316—326.
42. Rabinow P. Biopower today // BioSocieties. 2006. Vol. 1. № 2. P. 195—217.
43. Rattan S.I.S. The future of aging interventions: aging intervention, prevention, and therapy through hormesis // The Journals of Gerontology Series A: Biological Sciences and Medical Sciences. 2004. Vol. 59. № 7. P. B705—B709.
44. Rose N. Molecular biopolitics, somatic ethics and the spirit of biocapital // Social Theory & Health. 2007. Vol. 5. № 1. P. 3—29.
45. Singer M., Clair S. Syndemics and public health: Reconceptualizing disease in biosocial context // Medical anthropology quarterly. 2003. Vol. 17. № 4. P. 423—441.
46. Wehling P. The “technoscientization” of medicine and its limits: technoscientific identities, biosocialities, and rare disease patient organizations // Poiesis & Praxis. 2011. Vol. 8. № 2—3. P. 67—82.

References

1. Agamben Dzh. (2012) Otkrytoye. Chelovek i zhivotnoye. Moscow, RGGU, 112 p. [in Rus].
2. Kamaliyeva I.R. (2018) *Filosofiya i kultura*, no. 5 (125), pp. 65—70. [in Rus].
3. Kyerkegor S. (2010) Strakh i trepet. Moscow, Kulturnaya revolyutsiya, 488 p. [in Rus].

4. Marks K. (1959) K kritike politicheskoy ekonomii // Marks K., Engels F. Sochineniya, vol. 13. Moscow, Politizdat [in Rus].
5. Markuze G. (2003) Eros i tsivilizatsiya. Odnomernyy chelovek. Moscow, ACT, 528 p. [in Rus].
6. Maturana U., Varela F. (2001) Drevo zhizni. Biologicheskiye korni chelovecheskogo ponimaniya. Moscow, Progress-Traditsiya, 224 p. [in Rus].
7. Medvedeva L.M. (2012) *Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatel'naya mysl*, no. 1, pp. 210—214. [in Rus].
8. Nazarova I.B. (2004) *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no. 7, pp. 142—147.
9. Oleskin A.V. (2007) *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*, vol. 77, no. 12, pp. 1084—1088. [in Rus].
10. Rybin V.A. (2018) *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*, no. 2, pp. 179—190. [in Rus].
11. Samovolnova O.V. (2017) *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedeniye*, no. 4-2 (10), pp. 261—271. [in Rus].
12. Tishchenko P.D., Yudin B.G. (2016) *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye*, no. 2, pp. 73—86. [in Rus].
13. Fukuyama F. (2004) Nashe postchelovecheskoye budushcheye. Posledstviya biotekhnologicheskoy revolyutsii. Moscow, AST, 349 p. [in Rus].
14. Khardt M, Negri A. (2004) *Imperiya*. Moscow, Praksis, 440 p. [in Rus].
15. Khudyakova N.L., Smirnov D.M. (2016) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 5 (387), pp. 33—37. [in Rus].
16. Cheshko V.F., Glazko V.I. (2009) High Hume (biovlast i biopolitika v obshchestve riska). Moscow, RGAU-MSKhA im. K.A. Timiryazeva, 320 p [in Rus].
17. Shevchenko S.Yu. (2015) *Chelovek*, no. 6, pp. 118—128. [in Rus].
18. Anand P. et al. (2008) *Pharmaceutical research*, vol. 25, no. 9, pp. 2097—2116 [in Eng].
19. Bianco P. et al. (2013) *Nature medicine*, vol. 19, no. 1, pp. 35—42 [in Eng].
20. Blumenthal H.T. (2003) *The Journals of Gerontology Series A: Biological Sciences and Medical Sciences*, vol. 58, no. 2, pp. M138—M145 [in Eng].
21. Brahmashari S. (2001) *Everyman's Science*, vol. XLI, no. 1, pp. 5—36 [in Eng].
22. Castels M. (2013) *Communication power*. Oxford, Oxford University Press, 574 p. [in Eng].
23. Cheney-Lippold J. (2011) *Theory, Culture & Society*, vol. 28, no. 6, pp. 164—181 [in Eng].
24. Clarke A.E. et al. (2003) *American sociological review*, vol. 68, no. 2, pp. 161—194 [in Eng].
25. Conrad P. (2007) The medicalization of society: On the transformation of human conditions into treatable disorders. New York, JHU Press, 224 p. [in Eng].
26. Daniels N. (2000) *Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics*, vol. 9, no. 3, pp. 309—322 [in Eng].
27. Foucault M. (2004) *Foucault Studies*, no. 1, pp. 5—19 [in Eng].
28. Good B.J. (1993) *Medicine, rationality and experience: an anthropological perspective*. Cambridge, Cambridge University Press, 242 p. [in Eng].
29. Goodman A.H., Leatherman T.L. (ed.). (2010) *Building a new biocultural synthesis: Political-economic perspectives on human biology*. Michigan, University of Michigan Press, 512 p. [in Eng].
30. Hood L. et al. (2004) *Science*, vol. 306, no. 5696, pp. 640—643 [in Eng].
31. Horne R. et al. (2015) *The Lancet*, vol. 385, no. 9974, pp. 1153—1154 [in Eng].
32. Juster R.P., McEwen B.S., Lupien S.J. (2010) *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, vol. 35, no. 1, pp. 2—16 [in Eng].
33. Levine B., Kroemer G. (2009) *Cell Death Differ*, vol. 16, no. 1, pp. 1—2 [in Eng].
34. Lynch S.V., Pedersen O. (2016) *New England Journal of Medicine*, vol. 375, no. 24, pp. 2369—2379 [in Eng].
35. Marrero S. L., Bloom D. E., Adashi E.Y. (2012) *Jama*, vol. 307, no. 19, pp. 2037—2038 [in Eng].
36. McEwen B.S., Gianaros P.J. (2010) *Annals of the New York Academy of Sciences*, vol. 1186, no. 1, pp. 190—222 [in Eng].
37. Mellman I., Coukos G., Dranoff G. (2011) *Nature*, vol. 480, no. 7378, pp. 480—489 [in Eng].
38. Moos R. (ed.). (2012) *Coping with physical illness*. New York, Springer Science & Business Media, 440 p. [in Eng].
39. Nadesan M.H. (2008) *Governmentality, biopower, and everyday life*. London, Routledge, 248 p. [in Eng].
40. Navarro V. (1978) *International Journal of Health Services*, vol. 8, no. 2, pp. 179—211 [in Eng].
41. Pickett K.E., Wilkinson R.G. (2015) *Social science & medicine*, vol. 128, pp. 316—326 [in Eng].
42. Rabinow P. (2006) *BioSocieties*, vol. 1, no. 2, pp. 195—217 [in Eng].
43. Rattan S.I.S (2004) *The Journals of Gerontology Series A: Biological Sciences and Medical Sciences*, vol. 59, no. 7, pp. B705—B709 [in Eng].
44. Rose N. (2007) *Social Theory & Health*, vol. 5, no. 1, pp. 3—29 [in Eng].
45. Singer M., Clair S. (2003) *Medical anthropology quarterly*, vol. 17, no. 4, pp. 423—441 [in Eng].
46. Wehling P. (2011) *Poiesis & Praxis*, vol. 8, no. 2—3, pp. 67—82 [in Eng].

For citing: Zhelnin A.I., Barg O.A.
On the criticism of biopolitical economy:
perspectives of managing a man's biology
in the context of modern transition
from biological power to biopolitics
and the crisis of medicine //
Socium i vlast' 2018. № 6 (74). P. 36—45.

UDC 304.9

**ON THE CRITICISM
OF BIOPOLITICAL ECONOMY:
PERSPECTIVES
OF MANAGING
A MAN'S BIOLOGY
IN THE CONTEXT
OF MODERN TRANSITION
FROM BIOLOGICAL POWER
TO BIOPOLITICS
AND THE CRISIS OF MEDICINE**

Anton I. Zhelnin,

Perm State National Research University,
Associate Professor of the Department Chair
of Philosophy, Cand. Sc. (Philosophy).
Russian Federation,
614990, Perm, ulitsa Bukireva, 15.
E-mail: zhelnin90@yandex.ru

Oleg A. Barg,

Perm State National Research University,
Professor of the Department Chair of Philosophy
Doctor of Philosophy, Associate Professor.
Russian Federation,
614990, Perm, ulitsa Bukireva, 15.
E-mail: olbarg@gmail.com

Abstract

The article has a dual goal, firstly, to reveal the essence of the crisis of modern biopower form and especially medicine as one of its main conductors, to show its determinacy by wide restructuring processes within the modern socio-economic system of global capitalism; secondly, to outline the prospects of the tendency towards more subjective interaction of a human with his biology, conscious management of it within transition to biopolitics. The crisis of medicine is determined by the crisis processes of the capitalism socio-economic system as a whole, a gradual movement towards dominance of "horizontal" relations, devoid of rigid hierarchies and implying the prevalence of interactive network structures. The crisis is closely connected with the inner progress of medicine expressed in the development of new therapies and the transition to preventive and personalized forms of work. Despite various opportunities, this potential cannot be fully realized in the current market conditions. The transformation of biopower into biopolitics is a complex long-term process, and so far only the «germs» of this trend are seen. However, even now there is a noticeable positive growth in people's consciousness in the biological aspects of their life, the focus of medicine not only on the treatment of diseases but also on maintaining health, regulating its various parameters.

Key concepts:

biopower,
biopolitics;
medicalization,
crisis,
governance.

Для цитирования: Лаврентьева И. В.,
Абрамкина С. Р., Белкин В. Н.
Проблематика сбалансированности процессов
воспроизводства рабочей силы в контексте
реаллокации рабочих мест (на примере УрФО) //
Социум и власть. 2018. № 6 (74). С. 46—54.

УДК 335.13

**ПРОБЛЕМАТИКА
СБАЛАНСИРОВАННОСТИ
ПРОЦЕССОВ
ВОСПРОИЗВОДСТВА
РАБОЧЕЙ СИЛЫ
В КОНТЕКСТЕ
РЕАЛЛОКАЦИИ
РАБОЧИХ МЕСТ
(НА ПРИМЕРЕ УрФО)**

Лаврентьева Ирина Викторовна,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
профессор кафедры экономики и менеджмента,
доктор экономических наук, доцент.
Российская Федерация,
454071, г. Челябинск, ул. Комарова, д. 26.
E-mail: astralavr@mail.ru

Абрамкина Светлана Рафаиловна,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
заведующая кафедрой экономики
и менеджмента
кандидат экономических наук, доцент.
Российская Федерация,
454071, г. Челябинск, ул. Комарова, д. 26.
E-mail: abramkina@chel.ranepa.ru

Белкин Владимир Никифорович,
Институт экономики УрО РАН,
Челябинский филиал, директор,
доктор экономических наук, профессор.
Российская Федерация,
454111, г. Челябинск, ул. Доватора, д. 10.
E-mail: akademiya28@bk.ru

Аннотация

В статье рассматривается динамика воспроизводства двух процессов, являющихся основой функционирования экономики. Рассматривается динамика движения рабочих мест через изменения ряда коэффициентов: создания, ликвидации, реаллокации, сальдо движения и пр. за период 2009—2017 гг. Выявляется неравномерность процессов создания и ликвидации рабочих мест в УрФО, прослеживается зависимость между ликвидацией рабочих мест в регионе и производительностью труда; между динамикой ликвидацией рабочих мест и смертностью мужчин в трудоспособном возрасте.

Ключевые понятия:

рабочая сила,
рабочее место,
воспроизводство,
динамика и статика движения рабочей силы,
расбалансировка процесса воспроизводства,
реаллокация рабочих мест.

Введение

Гарантом развития и успешного функционирования экономической системы является реализация эффективного процесса воспроизводства рабочей силы и воспроизводство валового продукта, для чего необходимо наличие средств труда, и удовлетворительных условий воспроизводства самого человека — реализатора живого труда и носителя способностей к труду.

Декларируемый Правительством РФ курс на модернизацию экономики¹ предполагает формирование новых рабочих мест, гарантирующих занятость населения в трудовом процессе, что позволяет удовлетворить демографически обусловленные потребности населения в воспроизводстве жизни.

Большое внимание следует уделить проблеме сбалансированности двух процессов: формирования рабочего места на рынке труда и процесса воспроизводства рабочей силы, что выступает в качестве специальной модели взаимосвязи потребностей работника и работодателя, предъявляющего спрос на способности работника к труду.

Динамика формирования, развития, перераспределения (реаллокации) рабочих мест связана с объективными явлениями развития региона — социально-экономической ситуацией региональной стратегией развития, тенденциями в структуре занятости и т. д. В научной литературе представлены различные трактовки рабочего места: это первичное звено и зона трудовых действий работника и неделимое в организационном отношении звено производственного процесса [7] с «находящимися на нем средствами производства [1], предусматривающее совокупность условий воздействия рабочей силы и капитала [5], наделение определенными функциональными обязанностями, которые выполняются одним лицом в интересах одной экономической единицы [8], где происходит приложение «труда работника» на основе технических и эргономических нормативов [3] — в любом случае в стандартных определениях прослеживается признак определения рабочего места как о локализованном закреплении работника в момент выполнения его трудовых обязанностей [2].

¹ Послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 ноября 2009. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/5979> (дата обращения: 16.04.2016 г.); О долгосрочной государственной экономической политике: Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 596 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 19. 07 мая. Ст. 2333.

Комплексное выявление и диагностика особенностей взаимовлияния процесса воспроизводства рабочей силы и рабочих мест позволяет отрегулировать факторы, влияющие на уровень расбалансированности вышеуказанных процессов. К ним можно отнести:

- наличие (отсутствие) эффективного механизма, обеспечивающего воспроизводство рабочей силы, обуславливающего специфику формирования экономически активного населения региона;
- функциональное и ресурсное обеспечения (кадровое, демографическое, нормативно-документальное, законодательно-правовое);
- структурная перестройка региона;
- состояние регионального рынка труда;
- социальная инфраструктура региона;
- картография региона (территориальной удаленностью мест приложения труда)
- инвестиционная и финансовая политика региона;
- стоимость формирования рабочих мест.

Динамика формирования, развития и движения рабочих мест по УрФО

Анализ состояния и движения рабочих мест по Уральскому федеральному округу за период 2009—2017 гг. целесообразно проводить, с использованием коэффициентов, характеризующих процесс создания рабочих мест, их ликвидацию, реаллокацию (перераспределение) рабочих мест, а также сальдо движения рабочих мест. Методика расчета движения и перераспределения (реаллокации) рабочих мест, использованная в данной работе не раз апробирована отечественными и зарубежными авторами [2; 4; 6; 9].

Для анализа движения рабочих мест были использованы данные Федеральной службы государственной статистики, предоставленные по запросу², с использованием показателей «число созданных рабочих мест по действующим организациям», «число ликвидированных рабочих мест по действующим организациям» и «среднегодовая занятость во всей экономике» на территории всего Уральского Федерального округа — Челябинской, Курганской, Тюменской, Свердловской областей, Ханты-Мансийского

² Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 29. 09. 2018).

и Ямало-Ненецкого автономных округов за период с 2009 по 2017 г. (табл. 1).

При незначительном росте абсолютного показателя среднегодовой занятости по всей экономике региона за период с 2009 по 2017 г. показатели создания и ликвидации рабочих мест имеет одинаковую тенденцию к понижению — кроме 2017 г. Потери в рабочих местах в посткризисные годы составляют 289 тыс. рабочих мест. Можно говорить о слабо выраженной позитивной тенденции за четыре года (2009—2012 гг.) и резкое увеличение этого показателя — 68 тыс. рабочих мест в 2017 г.

В результате анализа выявлена неравномерность и несбалансированность процессов создания и ликвидации рабочих мест по УрФО. Для сравнения — количество ликвидированных в 2009 г. рабочих мест в 2,3 раза превышает количество вновь созданных. Начиная с 2010 по 2012 г. наблюдается тенденция к сбалансированности в динамике движения рабочих мест — процесс ликвидации компенсируется процессом воспроизводства. К сожалению, начиная с 2013 г. наблюдается сдвиг в сторону доминирования процесса ликвидации рабочих мест на процессом вновь создаваемых — это превышение начинается с 2012 г. — в 1,1 раза, 2014 г. — в 1,35 раза, в 2017 г. — в 1,43 раза.

До 2015 г. интенсивность создания и ликвидации рабочих мест уменьшилась, в 2017 г. наблюдается резкое увеличение saldo движения рабочих мест по региону — рабочих мест ликвидируется больше, чем создается. Если проанализировать темпы роста в процессе «расчистки» рабочих мест с 2011 по 2015 г., можно констатировать близкие к одинаковым значения. Если в 2015 г. разница составляла 1,29 %, то к 2017 г. — 1,44 %. Показатель избыточного перераспределения рабочих мест в 2011 г. имел макси-

мальное значение (6,5), а в 2017 г. показано его наименьшее значение — 4,9, что свидетельствует о том факте, что компенсация потерь рабочих мест в стагнирующих секторах экономики регионов затруднена и вызывает сложности в изменении структуры занятости экономически активного населения.

Интегральный процесс реаллокации рабочих мест и приложение труда работника, характеризуется интенсивностью структурного обновления занятости, как правило, находится под влиянием экономических потрясений и преобразований, — одни из которых способствуют созданию рабочих мест (следовательно, повышают занятость), а другие носят деструктивный характер. Максимально «позитивный» показатель для УрФО в 9 % в 2009 г. по созданию рабочих мест — так и не был достигнут в последующие года — с 2010 по 2017 г. среднее валовое перераспределение составило 6,56 %, с самым низким показателем в 2016 г.

Лидеры и аутсайдеры процесса реаллокации рабочих мест в УрФО

Обобщенные оценки движения рабочих мест по УрФО позволяют выстроить рейтинги областей по созданию и ликвидации рабочих мест. Самый высокий показатель по коэффициенту создания рабочих мест принадлежит Ямало-Ненецкому автономному округу — среднее значение за 9 лет — 6,65; второе место — Тюменская область — 5,0, третье — ХМАО — 3,95. В тройку аутсайдеров входит Свердловская область, Курганская область и Челябинская область — соответственно 2,43; 2,4; 1,88.

Дифференциация областей на «пассивные» и «активные» позволяют выстроить

Динамика движения рабочих мест в УрФО за период с 2009 по 2017 гг. (в абсолютных показателях, чел.) Таблица 1

Годы	Показатели		
	Среднегодовая занятость	Созданные рабочие места	Ликвидированные рабочие места
2009	5 988 120	159 054	372 504
2010	6 005 070	177 091	253 521
2011	6 102 260	197 512	208 711
2012	6 158 750	191 756	198 344
2013	6 171 600	172 815	192 258
2014	6 132 900	170 347	230 346
2015	6 103 000	159 217	204 296
2016	6 347 098	166 261	190 628
2017	6 366 741	156 251	224 649

рейтинги, идентифицирующие аутсайдеров и лидеров процессов воспроизводства рабочей силы в контексте реаллокации рабочих мест (рис. 1, 2).

Тюмень, ХМАО, Ямало-Ненецкий АО ожидаемо вошли в группу лидеров по формированию рабочих мест, что в целом характеризует эти области как придерживающиеся «активной» политики в отношении занятости, в противоположность другой группе областей УрФО — Челябинской, Курганской и Свердловской, демонстрирующих пассивную политику.

Отрицательная динамика по Челябинской области, позволяющая отнести ее к пассивным создателям, свидетельствует о негативной политике в части создания рабочих мест, прогнозирующих сокращение занятости, закрытие предприятий и организаций, что является тревожным симптомом для области. Распределение мест в рейтинге по показателю коэффициента ликвидации рабочих мест имеет следующий вид: Ямало-Ненецкий АО — 7,94; Тюменская область — 6,2; ХМАО — 5,0; Свердловская область — 3,42; Курганская область — 3,2; Челябинская область — 3,1. Общая для всех тенденция — ликвидация рабочих мест имеет более интенсивную направленность, чем создание рабочих мест по всем областям.

Если в Ямало-Ненецком АО, Тюменской области, ХМАО рассматриваемые показатели имеют значения близкие к сбалансированному — процесс ликвидации рабочих мест гармонизирован процессом создания новых, то в Свердловской, Курганской и Челябинской областях движение рабочих мест носит дисгармоничный характер — в среднем в 1,5 раза больше ликвидируется рабочих мест, чем создается.

Важно отметить, что Тюменская область и входящая в нее ХМАО и Ямало-Ненецкий округ проводят более сбалансированную политику по процессу реаллокации рабочих мест за анализируемый период — среднее соотношение динамики движения — 1,1.

В пассивные создатели входит и Челябинская область, которая в 2016—2017 гг. показывает самые низкие показатели по созданию рабочих мест в УрФО и становится лидером среди группы «аутсайдеров».

На рис. 2 представлен сравнительный анализ коэффициента ликвидации рабочих мест в областях и округах УрФО. В данном случае наблюдается обратная ситуация. Лидеры по созданию рабочих мест, в тоже время являются и аутсайдерами по ликвидации. Из вышесказанного можно сделать вывод, что на данных территориях обновление рабочих мест происходит значительно

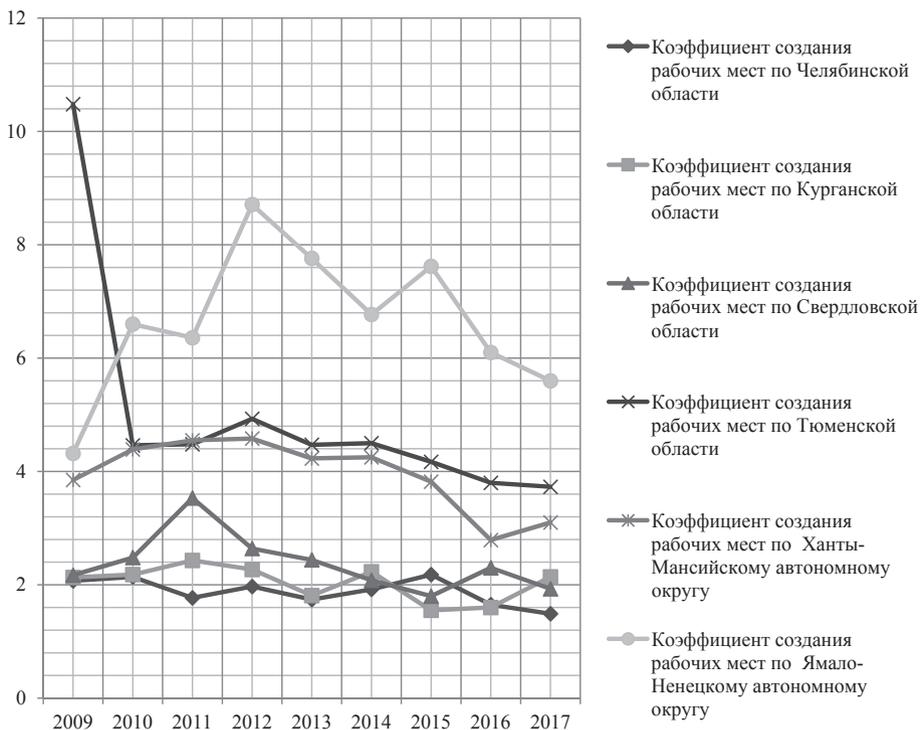

Рис. 1. Группировка областей УрФО по динамике создания рабочих мест

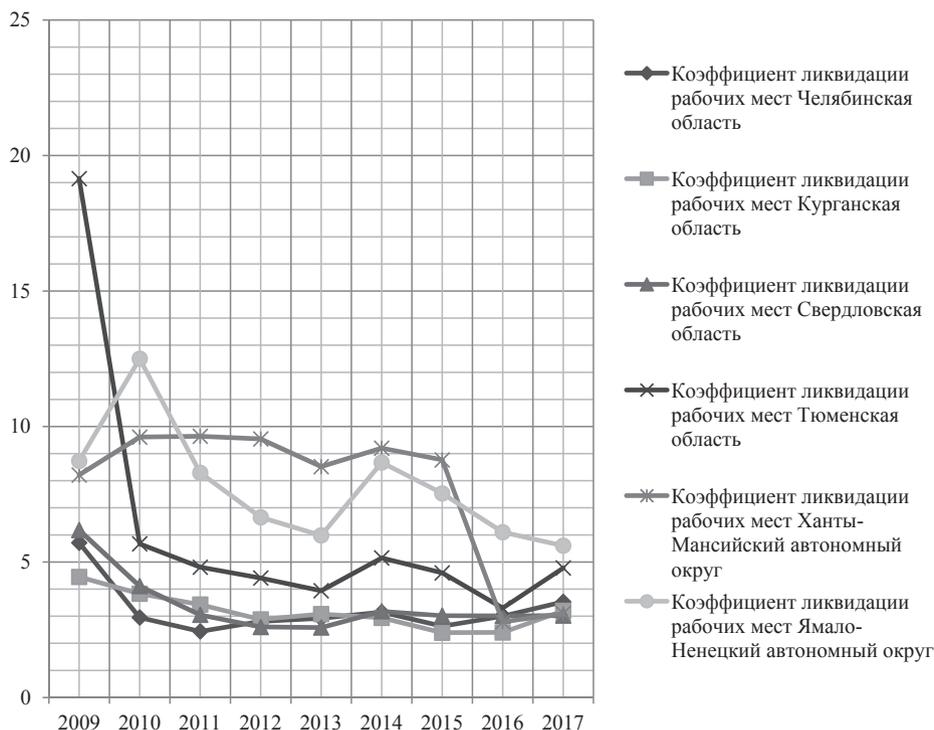

Рис. 2. Распределение областей в УрФО по показателю ликвидации рабочих мест

быстрее, чем в другой части УрФО, но, несмотря на это, дисбаланс между созданием и ликвидацией имеет место быть.

Вторая группа областей, так же как и в ситуации с созданием, показывает минимальные значения. Так, в Челябинской области в 2011—2012 гг. было ликвидировано около 3 % рабочих мест, а в этот же период создано около 1,5 %, особенно сложным для Челябинской области оказались 2017 г. Сложившееся ситуация говорит об обратном происходящей ситуации с лидерами — наблюдается низкая скорость обновления рабочих мест на территориях Челябинской, Курганской, Свердловской областях.

О взаимосвязи производительности труда, смертности мужчин в трудоспособном возрасте и коэффициента ликвидации рабочих мест

Каково влияние исследуемых коэффициентов создания и ликвидации рабочих мест на производительность труда? Для этого на примере Челябинской области проведен расчет корреляции производительности

труда с коэффициентами создания и ликвидации (табл. 2—3).

Таким образом, коэффициент корреляции равен $-0,956$, данное значение коэффициента близко к -1 . Из этого следует, что зависимость между данными показателями есть, и это зависимость обратного характера, т. е. при уменьшении ликвидации производительность труда растет (рис. 3).

Коэффициент корреляции производительности труда и создания рабочих мест равен $-0,301$, что говорит об отсутствии зависимости у заданных параметров, т. е. при создании рабочих мест нет гарантии, что производительность будет расти. Это может быть обусловлено многими факторами: простаивание рабочих мест, отсутствие заинтересованности рабочих в своем труде, несоответствующей квалификацией, низким навыком умений и т. д. (рис. 4, табл. 4).

Коэффициент корреляции ликвидации рабочих мест и смертности мужчин на территории Челябинской области равен $0,448$ (рис. 5).

Коэффициент корреляции ликвидации рабочих мест и смертности мужчин в трудоспособном возрасте на территории Челябинской области равен $0,560$. Коэффициент

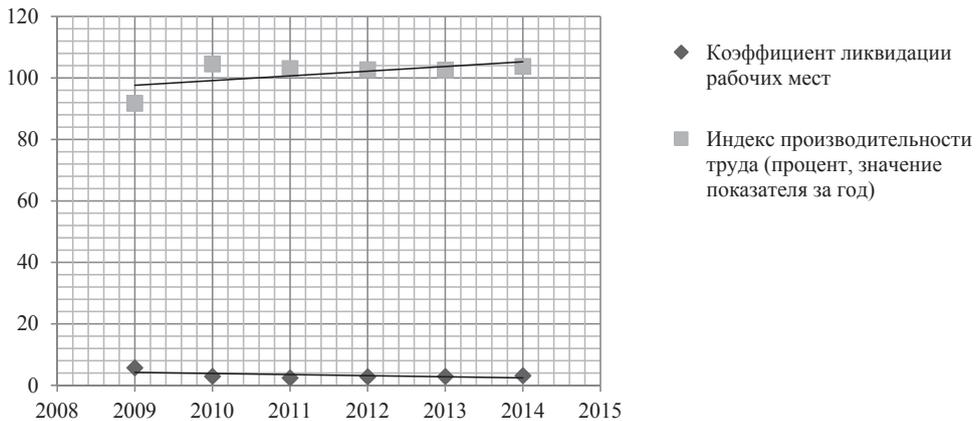

Рис. 3. Корреляция коэффициента ликвидации рабочих мест с индексом производительности труда на территории Челябинской области, 2009—2015 гг.

Таблица 2

Расчет корреляции коэффициента ликвидации рабочих мест с производительностью труда в 2009—2015 гг.

Производительность труда x	Коэффициент ликвидации y	Оценка xy	x^2	y^2
91,8	5,71	524,178	8427,24	32,6041
104,6	2,95	308,57	10941,16	8,7025
103,1	2,44	251,564	10629,61	5,9536
102,7	2,81	288,587	10547,29	7,8961
102,6	2,92	299,592	10526,76	8,5264
103,8	3,15	326,97	10774,44	9,9225
$\Sigma x = 21$	$\Sigma y = 516$	$\Sigma xy = 1835$	$\Sigma x^2 = 79$	$\Sigma y^2 = 44\ 582$

Таблица 3

Корреляция коэффициента создания рабочих мест с производительностью труда в 2009—2016 гг.

Производительность труда x	Коэффициент создания y	Оценка xy	x^2	y^2
91,8	2,07	190,026	8427,24	4,2849
104,6	2,14	223,844	10 941,16	4,5796
103,1	1,77	182,487	10 629,61	3,1329
102,7	1,97	202,319	10 547,29	3,8809
102,6	1,74	178,524	10 526,76	3,0276
103,8	1,92	199,296	10 774,44	3,6864
$\Sigma x = 21$	$\Sigma y = 516$	$\Sigma xy = 1835$	$\Sigma x^2 = 79$	$\Sigma y^2 = 44\ 582$

корреляции указывает на то, что смертность мужчин в трудоспособном возрасте является побочным фактором общего состояния движения рабочих мест.

Заключение

Согласно произведенному анализу состояния и движения рабочих мест в УРФО и его регионах, можно сказать, что проблема занятости населения, а также создания ра-

бочих мест остро сказывается на состоянии экономики всего Уральского федерального округа, и в качестве резюме можно сделать ряд выводов:

- темпы создания и ликвидации рабочих мест на рынке труда УрФО неравномерны — выявлены активные и пассивные создатели рабочих мест в региональном разрезе;
- неравномерность процессов создания и ликвидации рабочих мест

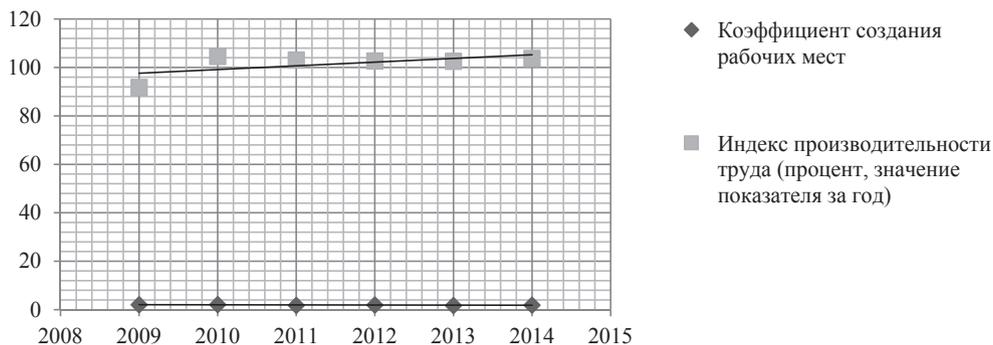

Рис. 4. Корреляция коэффициента создания рабочих мест с индексом производительности труда на территории Челябинской области, 2009—2015 гг.

Таблица 4

Корреляция коэффициента ликвидации рабочих мест с коэффициентом смертности в 2009—2014 гг.

Коэффициент смертности x	Коэффициент ликвидации y	Оценка xy	x^2	y^2
14,35	5,71	81,9385	205,9225	32,6041
14,38	2,95	42,421	206,7844	8,7025
14,24	2,44	34,7456	202,7776	5,9536
14,24	2,81	40,0144	202,7776	7,8961
13,88	2,92	40,5296	192,6544	8,5264
13,78	3,15	43,407	189,8884	9,9225
$\Sigma x = 21$	$\Sigma y = 516$	$\Sigma xy = 1835$	$\Sigma x^2 = 79$	$\Sigma y^2 = 44\ 582$

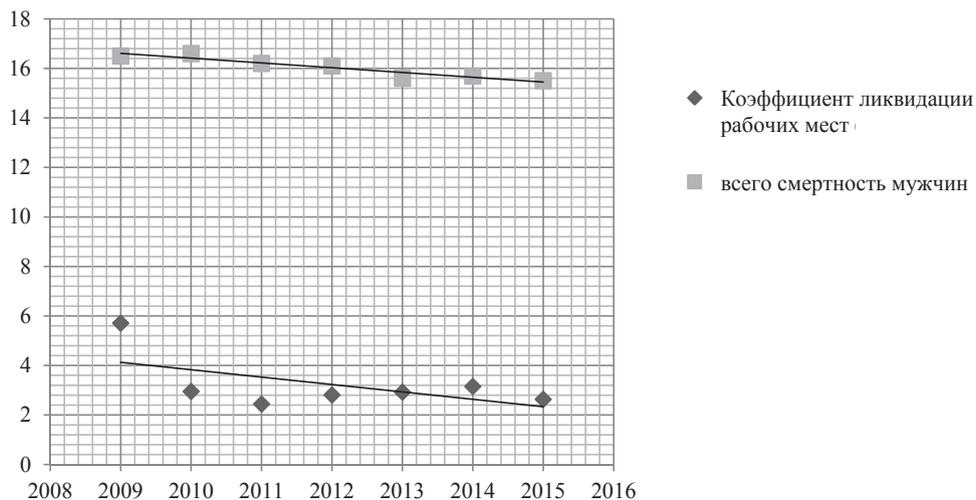

Рис. 5. Корреляция коэффициента ликвидации рабочих мест со смертностью мужчин на территории Челябинской области, 2009—2016 гг.

по территориям позволила идентифицировать группу лидеров по движению рабочих мест, где процесс создания и ликвидации рабочих мест носит относительно сбалансированный характер — Ямало-Ненецкий АО, Тюмен-

ская область, Ханты-Мансийский АО. К группе аутсайдеров относится Челябинская, Курганская, Свердловская области, где характер воспроизводства рабочих мест и рабочей силы носит дисгармоничный характер;

- сохраняется тенденция превышения показателей выбытия работников над показателями принятия;
- увеличение оборота рабочих мест снижает существующие диспропорции на рынке труда с активной тактикой и стратегией в регионах УрФО;
- прослеживается зависимость между ликвидацией рабочих мест в регионе и производительностью труда;
- выявлена зависимость между смертностью мужчин в трудоспособном возрасте и ликвидацией рабочих мест на примере Челябинской области.

Резюмируя все вышесказанное, следует отметить, что по-прежнему актуальной и долгосрочной задачей региональной социально-экономической политики является поиск стратегий сбалансированности процессов воспроизводства рабочей силы и рабочих мест, предусматривающих комплекс краткосрочных и долгосрочных мероприятий по решению данной задачи. Условием сдвига деструктивных тенденций является решение задачи стратегического планирования, исключая влияние на эти процессы «невидимой руки рынка», что потребует от государственных институтов принятия роли главного регулятора и распорядителя экономических и социальных процессов.

1. Винокуров М. А., Горелова М. А. Экономика труда : учебник. СПб. : Питер, 2004. 412 с.
2. Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И., Рыжикова З. Движение рабочих мест в российской экономике: в поисках «созидательного разрушения» // Экономическая политика. 2012. № 3. С. 99—114.
3. Горшенин В. Ф. Трансформация понятия рабочего места в современных системах управления трудовыми процессами // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 3 (257). Управление. Вып. 7. С. 55—59.
4. Иброхимов И. Р. Формирование новых рабочих мест и повышение уровня занятости населения // Известия Тульского государственного

университета. Экономические и юридические науки. 2010. № 1-1. С. 54—62.

5. Кузнецов С. Г., Коровкин А. Г. Высокопроизводительные рабочие места: определение, учет, анализ и прогнозирование // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2015. № 13. С. 115—137.

6. Лаврентьева И. В., Патракова Д. А. Динамика и статика создания рабочих мест (на примере УрФО и Челябинской области) // Социум и власть. 2017. № 4 (66). С. 79—85.

7. Подымалов Н. Проблемы повышения качества производства // Плановое хозяйство: издание Госплана СССР. 1991. № 1. С. 123.

8. Резолюция о статистике трудовой деятельности, занятости и недоиспользования рабочей силы : решение 19-й Междунар. конф. статистиков труда. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---stat/documents/normativeinstrument/wcms_235603.pdf (дата обращения: 07.05.2016).

9. Davis S.J., Haltiwanger J. Gross Job Creation, Gross Job Destruction and Employment Reallocation // NBER Working Paper. 1991. № w3728. June. URL: <http://www.nber.org/papers/w3728.pdf> (дата обращения: 20.06.2017).

References

1. Vinokurov M., Gorelova M. A. (2004) *Ekonomika of work*. St. Petersburg, 412 p. [in Rus].
2. Gimpelson V. Kapelyushnikov R. I., Ryzhikova Z. (2012) *Economic policy*, no. 3, pp. 99—114 [in Rus].
3. Gorshenin V. (2012) *Bulletin of Chelyabinsk state university*, no. 3 (257), Management, iss. 7, pp. 55—59 [in Rus].
4. Ibrokhimov I. (2010) *News of the Tula state university. Economic and jurisprudence*, no. 1-1, pp. 54—62 [in Rus].
5. Kuznetsov S., Korovkin A. (2015) *Scientific works: Institute of economic forecasting of the Russian Academy of Sciences*, no. 13, p. 115—137 [in Rus].
6. Lavrentyeva I., Patrakova D. (2017) *Socium i vlast'*, no. 4 (66), pp. 79—85 [in Rus].
7. Podymalov N. (1991) *State Planning Committee of the USSR*, no. 1, p. 123 [in Rus].
8. The resolution on statistics of work, employment and underexploitation of labor. Available at: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---stat/documents/normativeinstrument/wcms_235603.pdf, accessed 07.05.2016 [in Rus].
9. Davis S., Haltiwanger J. (1991) *GNBER Working Paper*, no. w3728, June. Available at: <http://www.nber.org/papers/w3728.pdf>, accessed 20.06.2017 [in Eng].

For citing: Lavrentyeva I.V.,
Abramkina S.R., Belkin V.N.
Problematics of balancing the processes
of labor-power reproduction in the context
of jobs reallocation (as exemplified
by the Ural Federal District) //
Socium i vlast' 2018. № 6 (74). P. 46—54.

UDC 335.13

**PROBLEMATICS
OF BALANCING
THE PROCESSES
OF LABOR-POWER
REPRODUCTION
IN THE CONTEXT
OF JOBS REALLOCATION
(AS EXEMPLIFIED
BY THE URAL
FEDERAL DISTRICT)**

Irina V. Lavrentyeva,

the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration,
Chelyabinsk branch,
Professor of the Department Chair of Economics
and Management,
Doctor of Economics, Associate Professor
Russian Federation, 454071, Chelyabinsk,
ulitsa Komarova, 26.
E-mail: astralavr@mail.ru

Svetlana R. Abramkina,

the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration,
Chelyabinsk branch,
Head of the Department Chair of Economics and
Management,
Cand.Sc.(Economics), Associate Professor
Russian Federation, 454071, Chelyabinsk,
ulitsa Komarova, 26.
E-mail: abramkina@chel.ranepa.ru

Vladimir N. Belkin,

Institute of economics, the Ural branch of Russian
Academy of Sciences,
Chelyabinsk branch,
Doctor of Economics, Professor,
Russian Federation, 454111, Chelyabinsk,
ulitsa Dovatora, 10.
E-mail: akademiya28@bk.ru

Abstract

The paper considers the dynamics of reproducing two processes that are the basis of the economy functioning. The authors analyze the dynamics of jobs shifting through changes in a number of coefficients: creation, liquidation, reallocation, movement balance, etc. for the period of 2009-2017. The unevenness of jobs creating and liquidating in the Ural Federal District is revealed, the relationship between jobs elimination in the region and labor productivity; between the dynamics of jobs elimination and mortality among men of working age is traced.

Key concepts:

labor force,
job,
reproduction,
dynamics and statics of labor movement,
imbalance of the reproduction process,
reallocation of jobs.

Для цитирования: Кохан У. О. Пауло Фрейре и «Философия для детей»: критический диалог // Социум и власть. 2018. № 6 (74). С. 55—67.

УДК 101.9

ПАУЛО ФРЕЙРЕ И «ФИЛОСОФИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ»: КРИТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ¹

Кохан Уолтер Омар (Kohan Walter Omar),
доктор философии, профессор,
Государственный университет Рио-де-Жанейро
(Рио-де-Жанейро, Бразилия),
Университет Британской Колумбии
(Ванкувер, Канада).
786 King Edward Ave. E, Vancouver,
BC V5V E2E, Canada.
E-mail: wokohan@gmail.com

Аннотация

Данная статья представляет собой попытку связать хорошо известную в Бразилии концепцию образовательного мышления Пауло Фрейре с концепцией «Философия для детей» (P4C) Мэтью Липмана. Обосновывается взаимосвязь этих концепций посредством анализа различных взаимовлияний. В статье показано, что данные взаимовлияния не столь очевидны, как заявляют многие сторонники P4C, особенно в Латинской Америке. Изложение статьи разворачивается в контексте образовательной политики современности; обосновывается, почему в отношении политики образования невозможно быть и сторонником взглядов Фрейре, и одновременно занимать нейтральную или одобрительную позицию по отношению к фактическому положению дел в образовательной сфере. Наконец, на основе понимания Липманом взаимосвязи между философией, образованием и демократией в условиях капитализма в статье предлагаются способы осуществления политического дискурса философствования с детьми, инспирированные концепцией образовательного мышления Пауло Фрейре. В результате речь идет политико-ориентированном пути философствования с детьми.

Ключевые понятия:
философия для детей,
Пауло Фрейре,
Мэтью Липман,
образование,
образовательная политика,
критическое мышление.

¹ Перевод выполнен С. В. Борисовым по изданию: Kohan W.O. Paulo Freire and Philosophy for Children: a Critical Dialogue // Studies in Philosophy and Education. 2018. № 37 (6). P. 615—629.

Перевод подготовлен в рамках задания № 35.5758.2017/БЧ «Философская практика как новая парадигма современных социогуманитарных исследований» Министерства образования и науки Российской Федерации на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности и проекта РФФИ № 17-33-00021 «Теория и практика философского консультирования: компаративистский подход».

Когда мы убиваем в себе ребенка, то и нас больше нет.

П. Фрейре [25, р. 64]

Введение

Я использую вопросы чаще, чем что-либо другое.

М. Хортон [25, р. 146]

«Философия для детей» (P4C) — это международное движение, инициированное Мэтью Липманом и Энн Маргарет Шарп в конце 1960-х гг., чтобы привнести философское исследование в практики образования детей. Основываясь на прагматизме Дьюи, Липман и Шарп предложили свою «реконструкцию истории философии» в виде целой программы, состоящей из философских новелл для детей и методических руководств для учителей, чтобы преподаватели, начиная от дошкольной ступени и до старшей школы, имели инструмент для создания «сообществ философского исследования» (СФИ), то есть безопасных образовательных пространств, где получают возможность обмениваться идеями по таким философским вопросам, как истина, дружба, справедливость. СФИ — это демократические пространства, благодаря которым навыки творческого, критического и заинтересованного мышления вырабатываются у детей, чтобы они впоследствии стали демократически настроенными гражданами, в которых так нуждается наше общество [33]. Концепция P4C была создана в Институте по продвижению философии для детей (IAPC) в Монклерском государственном университете (MSU) и постепенно распространилась в более чем 40 странах, в которых теперь применяются разные виды философских практик с детьми, более или менее соответствующие модели Липмана и Шарп [33; 34]. В странах с богатой образовательной и философской традицией, таких как Франция и Италия, появились многочисленные дифференциации этой модели, в настоящее время существует множество методик философии для детей.

Вопрос о политическом влиянии, которое оказала P4C на образование, является весьма дискуссионным. Несмотря на то что Липман и Шарп всегда подчеркивали демократичный характер P4C, предлагаемая образовательный путь для развития и укрепления демократического общества, «демократия» — это спорное понятие и оценка вариантов демократической практики в различных уголках мира требует тщательного учета этой специфики. Это особенно справедливо для таких регионов, как

Латинская Америка, где призыв к неотложным социальным преобразованиям посредством образования раздается более пятидесяти лет, что создало прочный фундамент для реализации всеми поддерживаемой Р4С. Это выдвигает на первый план следующий, возможно, самый насущный вопрос: можем ли мы ожидать, что Р4С станет тем образовательным инструментом, с помощью которого несправедливые, авторитарные и недемократические общества превратятся в истинно демократические?

Целью этой статьи является анализ этого вопроса. Стратегическая линия изложения заключается в акцентировании внимания на политических подтекстах Р4С в связи с концепцией Пауло Фрейре [30]. Придерживаясь этой линии, первое, что мы проанализируем, это соотношение концепций Мэтью Липмана и Пауло Фрейре, которые, смею предположить, не столь близки, как думают многие сторонники Р4С, особенно в Латинской Америке. Также будут рассмотрены разнообразны попытки, предпринятые многими авторами, установить сходства и различия между этими образовательными концепциями. В следующем разделе статьи будут рассмотрены взгляды Фрейре и Липмана на образование с позиции современного социально-экономического контекста. В заключительном разделе будут рассмотрены истоки политического дискурса философствования с детьми, который инспирирован образовательным мышлением Пауло Фрейре, для того чтобы пролить некоторый свет на политический потенциал Р4С, не только в таких регионах, как Латинская Америка, но и там, куда проникли неолиберальные образовательные дискурсы. Конечная идея заключается в предположении, что как философы-практики Р4С, заинтересованные в демократии, так и те, кто занимается вопросами социальной справедливости, только выиграют от глубокого понимания идей Пауло Фрейре относительно политической роли педагога.

Соотношение концепций Пауло Фрейре и Мэтью Липмана

Невозможно научить критическому мышлению, просто рассуждая о критическом мышлении.

П. Фрейре [25, р. 173]

Пытаясь создать что-то внутри истории, мы должны начать с мечты.

П. Фрейре [25, р. 64]

Было предпринято несколько попыток, главным образом латиноамериканскими

учеными, чтобы показать параллели между Мэтью Липманом и Пауло Фрейре [24; 27; 28]. Среди наиболее восторженных сторонников этих идей — Маркос Лорири (Marcos Lorieri), бывший директор Бразильского центра философии для детей (CBFC) и профессор Католического университета Сан-Паулу (PUC-SP), где преподавал Пауло Фрейре¹. Лорири видит методологическую и теоретическую близость в общей идее диалога и акценте на социальном конструировании знания². Член Секретариата образования штата Мату-Гросу в Куябе Мейбл Веймер (Mabel Weimer) разработала программу обучения учителей, которая построена на соотношении концепций Липмана и Фрейре [49]. Вонсович (Wonsowicz) [50] и Джекомази (Giacomassi) [23] выделяют диалогическое обучение как ключевой момент связи между этими концепциями.

В других странах Латинской Америки данные параллели были обнаружены Аккоринти (Accorinti) [1], который видит общее в этих концепциях в основном в идеях автономии, свободы и многомерного мышления. Исходя из той же аргументации, Парра Контрерас (Parra Contreras) и Медина Фуэнмайор (Medina Fuenmayor) [43] видят связь концепций в стремлении к формированию «гражданских ценностей» в соотношении «сообщества исследователей» (Липман) и «активной тишины» и «педагогика вопроса» (Фрейре). В Испании под редакцией Барриентоса (Barrientos) вышла книга под заголовком «Философия для детей и фрейрерианский демократический тренинг» [4]; этот сборник статей хотя и предполагает, но не раскрывает в полной мере сходство между обеими парадигмами.

В англосаксонском мире два известных специалиста в области философии для детей, Костелло (Costello) и Морхауз (Morehouse) [13] увидели «близкое сходст-

¹ CBFC был создан в 1985 г. в Сан-Паулу Кэтрин Янг Силва (Catherine Young Silva). Спустя более чем двадцать лет, он был закрыт, и теперь Институт философии и образования для развития мышления продолжает свою работу в Куритибе под руководством Дарсисию Мураро (Darcisio Muraro) (<http://www.philosletera.org.br>). Другие разнообразные философские программы с детьми реализуются в государственных и частных университетах и школах по всей Бразилии.

² В частной переписке Лорири утверждал, что телевидение Католического университета Сан-Паулу было намерено записать еще один разговор между Липманом и Фрейре, который должен был состояться в Соединенных Штатах в августе 1997 г. К сожалению, Пауло Фрейре умер за несколько месяцев до этого, 2 мая 1997 г.

во» между «образованием через постановку проблем» Фрейре с одной стороны, и «сообществом исследователей» и «развитием философского мышления в школах» Липмана — с другой. Костелло и Морхауз ратуют за распространение в школах «освободительной педагогики», инспирированной философским мышлением [13, р. 7].

Несмотря на все эти попытки, я полагаю, что связи между концепциями Липмана и Фрейре не настолько близки и глубоки, как хотелось бы ожидать многим участникам движения «Философия для детей», особенно латиноамериканцам (включая меня самого). Я имею в виду не только личные взаимоотношения этих мыслителей, но и связи между их пониманием теории и практики образования. Давайте посмотрим, почему это так.

Самые убедительные и в некотором роде уникальные доказательства, подтверждающие связь между взглядами этих мыслителей, можно установить из утверждений самого Липмана в следующих строках его автобиографии:

«Я бы не стал рассматривать философию для детей в столь широком контексте, если бы не принял к сведению взгляды бразильского педагога Пауло Фрейре, который получил общественное признание в результате того, что применил свою философскую пронципальность к образованию детей. В частности, он стремился использовать философствование для улучшения, казалось бы, самых скромных, но в то же время самых существенных навыков детей: чтения и письма. Латиноамериканским педагогам, которые быстро заметили сходства между образовательным подходом Фрейре и философией IAPC, следует выяснить, кто на кого оказал большее влияние».

В 1988 г. бразильский разработчик учебных программ Кэтрин Янг Силва организовала мою встречу с Фрейре в его доме в Сан-Паулу. Это был дружеский визит, во время которого в основном говорил Фрейре, делаясь своими наблюдениями о влиянии истории философии на его образовательное мышление, тем самым признавая и мой вклад в это дело и то, что наши достижения во многом совпадают.

Это был вдумчивый, проникновенный разговор, и я думаю, что у нас не было точек кардинального расхождения. Из окна Фрейре открывался великолепный вид уходящего далеко за горизонт Сан-Паулу, но наше воображение открывало нам более далекие перспективы. Последнее заявление Фрейре было относительно того, что даже будучи министром образования Бразилии, даже

на этом высоком посту, он признавал, что бразильскую систему образования вряд ли можно будет легко переориентировать. Тем не менее, благодаря Кэтрин Янг Силва и ее семье, тысячи философов Бразилии и сотни тысяч бразильских детей познакомились с философией» [36, р. 148].

Несмотря на попытку Липмана оправдать наши ожидания, цитата говорит сама за себя: Липман допускает неточности относительно Фрейре, который не был министром образования Бразилии, а возглавлял Секретариат образования города Сан-Паулу, но более существенная неточность заключается в том, что хотя, конечно, образовательные идеи Фрейре можно использовать для детей, однако, по сути, его усилия в основном были направлены на образование взрослых [25, р. 47]. Если говорить конкретно, направлены на то, чтобы с минимальными затратами развить способности чтения. Для Фрейре чтение было главным образом не когнитивной способностью, а экзистенциальной формой бытия. Его основной целью было просвещать неграмотных и «угнетенных» не посредством чтения слов, а посредством «чтения мира» (*the reading of the world*). Только такое чтение способно «просветить сознание» (*conscientização*, по-португальски) [25, р. 31].

Липман утверждает, что в их разговоре не было «точек кардинального расхождения», однако из приведенной выше цитаты единственное очевидное совпадение видится в достижениях, основанных главным образом на влиянии истории философии на их образовательное мышление. Хотя эстетическая и поэтическая ссылка на горизонт Сан-Паулу может дать нам повод усмотреть объединяющие этих мыслителей образовательные цели, цитата не позволяет нам сколь-нибудь продвинуться в этом направлении по существу дела.

У Липмана есть еще одна ссылка на тот же разговор с Фрейре в интервью, которое он дает в 1994 г. «Бразильской газете» [11]. Журналист просит Липмана высказать свое мнение о методе Пауло Фрейре, на что Липман отвечает следующим образом: «Мы встретились, когда я был в Бразилии несколько лет назад. Он рассказал мне о том похожем, что мы делали. Его интерес к организации сообществ, стремящихся к грамотности, очень близок к нашей заинтересованности в формировании сообществ исследователей, чтобы подготовить детей к достижению социальной солидарности, которая могла бы улучшить их образование».

Ссылка на тот разговор здесь немного отличается. Липман находит сходство между своим концептом «сообщество исследователей» и «кругом чтения» Фрейре. Но опять-таки, это дополнение не помогает нам узнать что-то конкретное о взаимовлиянии их идей. Цитата даже содержит довольно редко используемый в работах Липмана концепт «социальная солидарность», что пробуждает желание понять нечто больше, чем то, что отражено в этой цитате.

Кроме данной приятной беседы, между этими мыслителями не было реального научного контакта. Фактически Фрейре не делает ни одной конкретной ссылки на работы Липмана или на практики Р4С, а в основных произведениях Липмана есть только ссылка на «Педагогика угнетенных», и больше работы Фрейре не упоминаются даже в библиографии. Итак, несмотря на наше желание, становится очевидным, что идеи Липмана не оказали явного влияния на идеи Фрейре и наоборот. Мы можем только указать, что у них было схожее прочтение (например, Дьюи, Бубера или Мерло-Понти), что может объяснить некоторые сходства, которые многие исследователи находят в их концепциях.

Кроме того, уже раздавались голоса, требующие более внимательного отношения к этому взаимовлиянию. Уже в 1999 г. Гадотти (Gadotti), самый выдающийся ученик Фрейре и директор Института Фрейре в Сан-Паулу, участвовал в дебатах (с Шарп, Кеннеди и Лорири) о воспитательных предпосылках философии для детей на IX Международной конференции Р4С, которая была организована Университетом города Бразилиа. Хотя Гадотти видел много общего между Фрейре и Липманом, он также обратил внимание на следующие отличия: а) Фрейре гораздо больше, чем Липман, заострен на идеологической проблематике, даже когда он ссылается на этику; б) Фрейре в отличие от Липмана не уделяет большого значения методу; в) как представляется, рациональности больше внимания уделяется в программах Р4С; г) Фрейре не согласился бы с разделением учителей на учителей-тренеров и учителей-специалистов (поскольку это придавало бы обучению только в функциональное значение) [21]. Я тоже обращал внимание на аналогичные различия [27]. Кроме того, Софист (Sofiste) отмечает, что, несмотря на то, что имеется большое сходство между идеями «сообщества исследователей» (Липман) и диалога (Фрейре), существуют два основных отличия: (а) хотя оба мыслителя главную цель образования видят в формировании демократического общества, пони-

мание демократии у них сильно отличается; (б) «критическое самосознание» по Фрейре предполагает как научную, так и политическую строгость, но только первое понимание «критического самосознания» присутствует в образовательной модели Липмана [47]. Магаленс (Magalhães) также обращает внимание на некоторые различия между этими концепциями и, вдохновленный каждой из них, развивает свой философский опыт через общедоступное образование для беспризорных детей в бразильском штате Алагоас [38, р. 104].

Однако самый критичный подход к соотношению концепций Липмана и Фрейре предлагается Сильвейрой (Silveira) в контексте его критики самой программы Липмана. Основываясь на том, что в Бразилии именуется «исторической и критической педагогикой» (А. Грамши), Сильвейра называет педагогические подходы Липмана и Фрейре «противоположными педагогиками» [46, р. 377] с точки зрения их критики традиционного образования, их концепций диалога, учебной программы, их понимания мышления, здравого смысла, политической функции, культурных ценностей, роли учителя и педагогических сценариев [46, р. 377—400]. По всем этим вопросам Сильвейра отмечает противоположные взгляды. Рассмотрим только один пример. Для тех, кто следует программе Липмана, ясно, что учитель не участвует в разработке самой программы, которая уже дана вместе с основными текстами, идеями, планами и упражнениями для обсуждения. Это было бы неприемлемо для педагогики Фрейре, который считал, что учитель должен проявлять активное участие во всех областях своей преподавательской деятельности. Липман сводит задачу учителя только к практическим функциям, тогда как, согласно представлению о *практике* Фрейре, теорию и практику невозможно рассматривать отдельно. Разделение труда между философом, который создает программу и учителем, который ее применяет, является симптомом «концепции угнетения». Такую же позицию занимает Оливейра (Oliveira), называя роль учителя ахиллесовой пятой программы Липмана, в силу репродуктивного и отчужденного характера его деятельности [42, р. 168].

Недавняя работа Фанстона (Funston) использует другой подход, представленный в качестве попытки интегрировать Р4С и критическую педагогику. Он рассматривает «сообщества исследователей», способные работать с вопросами сотрудничества и свободы, как необходимое условие для критической

педагогике, что согласуется с образовательной практикой Пауло Фрейре. Фанстон воспринимает общую критику традиционного или «банковского образования» как некое принципиальное сходство между концепциями Р4С и Фрейре, хотя также признает различие между «сообществом исследователей» и «культурным кругом» в отношении критического мышления. Фанстон полагает, что учитель в «сообществе исследователей» имеет более высокий авторитет, как носитель знания, чем координатор «культурного круга». В то время как Р4С рассматривает критическое мышление как набор навыков рассуждения, критическая педагогика расширяет рамки этого концепта, до утверждения, что критическое мышление также ставит под сомнение справедливость существующего положения дел в обществе, т.е. критическое мышление означает здесь также политическое мышление [20, р. 10—11]. В результате Фанстон предлагает модель синтеза, называя концепцию Пауло Фрейре «критической Р4С», то есть политически ориентированной версией Р4С.

Фрейре и Липман в современном политическом контексте образования

Фрейре, преподавание, обучение и политика во времена learnification («образованщины»¹)

Я ничего не имею против преподавания, но у меня есть много чего против преподавания авторитарным способом.

П. Фрейре [25, р. 193]

Преподаватель никогда не должен быть узким специалистом.

М. Хортон [25, р. 128]

Мы живем в условиях сложной и запутанной образовательной системы. На XVIII конференции ICPIС² в Мадриде 30 июня 2017 г. Биеста (Biesta) описал процесс образования с позиции инструментализма и критериев оценок [5, р. 415], исходя из тенденции, которую он назвал *learnification* («образо-

¹ Для перевода слова *learnification* используется известный термин А. И. Солженицына «образованщина», означающий образованность, сводящуюся к получению государственного свидетельства о пребывании в тех или иных образовательных учреждениях при отсутствии глубоких знаний, эрудиции, практических навыков и осознания связи образования с жизнью (прим. переводчика).

² Международная конференция философских исследований с детьми (прим. переводчика).

ванщиной»). Биеста специализируется на критике неолиберального образования [7—10], ставя под сомнение сам процесс, с помощью которого образование редуцируется и концентрируется на обучаемом, а образовательный язык сводится только к языку обучения (*the language of education has been replaced by the language of learning*) [10, р. 13]. Он указывает, что школа превратилась в учебную среду, где ничему не учат, а только упрощают сам процесс обучения, в силу политики, поддерживаемой национальными и международными документами, в которых основное внимание уделяется регламентации процесса обучения; это относится также и к образованию взрослых, которое сейчас называется «Обучение на протяжении всей жизни». По словам Биесты, безусловно, есть положительные моменты этих реформ, но только в области авторитарных и односторонних методов образования, которые рассматривают преподавание только как акт контроля [5, р. 422]. Но есть и менее позитивные аспекты, обусловленные главным образом тем фактом, что сам язык обучения предполагает описание образовательного процесса в терминологии экономической сделки, где обучающийся является потребителем, а учитель — провайдером [10, р. 14]. С этой точки зрения отдельный ученик рассматривается в качестве заказчика и такие характеристики, как конкуренция, заслуга и талант, оцениваются высоко, в то время как сотрудничество, равенство и солидарность, исчезают из поля зрения. В силу этой «образованщины» из образовательного дискурса исчезают дискуссии о содержании, целях и взаимоотношениях в ходе образовательного процесса. По словам Биесты, «язык обучения отвлекает внимание от самых важных образовательных интересов» [5, р. 422]. Как эти интересы связаны с концепцией Фрейре?

На первый взгляд, эта критика системы характерна для всех, кто защищает педагогику, ориентированную на обучающегося. Однако необходимо более тщательно рассмотреть этот вопрос. Для Пауло Фрейре преподавание и обучение являются политическими актами и их невозможно понять только с помощью технологических или педагогических дефиниций. Образование не может быть аполитичным, политически нейтральным, стерильным в этом отношении. В этом плане он согласен с другим великим педагогом XX в. Майлсом Хортоном (Myles Horton), с которым он создал замечательную книгу изречений [25]. Хортон излагает следующие мысли, по которым он солидарен с Фрейре: «Нейтралитет означает

следование за толпой. Нейтральность — это то, что система требует от нас. Другими словами, нейтральность — это аморальный поступок» [25, р. 102]. Даже не видя этого политического измерения образования, мы все равно занимаем политическую позицию, а именно признаем фактическое положение дел как норму. Подобную точку зрения можно отнести как к «раннему Фрейре» в его «Педагогике угнетенных», так и к «позднему Фрейре» в его «Педагогике надежды» и «Педагогике свободы».

Философские и теологические источники концепции Фрейре хорошо изучены [15; 26]. Как указывает сам Фрейре, на «Педагогике угнетенных» его вдохновили марксизм и христианство [17]. По сути, эта книга является социальной и политической критикой бразильской геополитики, а также роли интеллектуалов в освобождении людей от эксплуатации. Образовательные термины, такие как школа, обучающиеся, учебная программа, встречаются в ней сравнительно редко. Образование здесь понимается скорее как социальная освободительная сила, чем конкретное учреждение или система. В этом отношении выделяются две формы образования: «банковская» (образование как банковский вклад) и «проблемная» (образование как постановка, анализ и решение проблем) [16]. Первая форма представляет собой модель передачи знания и учитель просто «делает вклад» в сознание невежественного ученика [16, р. 53]; эта форма служит для закрепления угнетения. Вторая форма представляет собой диалогическую модель и включает всех, кто учит, и учится друг у друга самой жизни; эта модель дает угнетенным (и, в конечном итоге, угнетателям) не только осознание их состояния, но и желание его трансформировать.¹ «Банковская модель» — это то, что характерно для всех ныне существующих образовательных систем, данная модель может присутствовать даже в самых революционных программах и маскироваться под самые благородные идеалы.

Важно отметить, что принципы, средства и результаты «образования по Фрейре» являются политическими: а) результат — общество, свободное от угнетения; б) средство — революционный учитель в условиях «проблемного образования» и равноправ-

ного диалога как «радикальная необходимость каждой подлинной революции» [16, р. 149]; и принцип (который явно не упоминается, но проходит красной нитью через всю «Педагогике угнетенных») — «любой человек может научиться читать (не слова, а мир), если ему предоставлены для этого соответствующие условия».

Как образование может работать в качестве силы на пути освобождения? В чем секрет проблемного образования? «Никто никого не обучает; никто не обучает самого себя; люди сами обучаются друг у друга посредством включенности в отношения с миром» [16, р. 39]. Эта знаменитая фраза из «Педагогике угнетенных» необычайно сложна. Здесь отрицается, что образование исходит от кого-то извне (учителя) или от самого себя (ученика). Тогда откуда оно исходит? Из диалогических отношений, установленных между учителями и обучающимися, основанных на общем «чтении мира», который предполагает этот диалог и открывает возможности для демократических и неиерархических отношений.

И это вовсе не исключает преподавание. Наоборот, в этом контексте роль преподавания и учителя является фундаментальной, несмотря на то, что она не фиксируется на определенном учебном предмете или позиции в образовательных отношениях. Тот, кто учит, не «дает» знания, которых не хватает ученику. Образовательное напряжение между учителем и учеником регулируется таким образом, что и учитель, и ученик в равной мере осведомлены и невежественны и в равной мере учат и учатся. Учитель, который знает как вести диалог, может занять место ученика, создавая тем самым условия, чтобы ученик сам достиг *conscientização* (просветления сознания), не являясь для него просто поставщиком такого знания. В «проблемном образовании» знание, которое имеет ценность, не является знанием учителя или ученика; оно является тем, что возникает между ними путем их диалектического «чтения мира».

Такое противопоставление, по Фрейре, предполагает, что одна образовательная позиция может быть описана с помощью таких понятий, как угнетение, дегуманизация, позитивизм, авторитаризм, а другая — с помощью понятий освобождение, гуманизация, диалог, проблемное образование. Педагогический и политический путь от первой позиции ко второй имеет два направления. Во-первых, угнетенные раскрывают свое состояние и осознают это через открытие «неопробованной ранее возможности» (*untested*

¹ Круз (Cruz) показывает сложность концепции *conscientização* (просветления сознания) и выделяет несколько уровней этого процесса; согласно Фрейре — это (магический) полутранзитивный; наивно-транзитивный и критико-транзитивный [14, р. 173].

feasibility), которую они раньше даже не могли себе представить. И второй момент — поиск способа воплотить эту возможность в жизнь [16, р. 110]¹. Когда реальность трансформируется, противоречие между учителем и учеником снимается посредством диалога, а педагогика «угнетенных» становится освободительной педагогикой для каждого человека, как угнетенного, так и угнетателя [16, р. 44].

Однако самый деликатный момент состоит в том, как указывает Биеста, каким способом мы можем активизировать педагогический и политический переход от угнетения к освобождению? [6]. Это в некотором смысле антиномия эмансипации: она не может быть дана (учителем), потому что в этом случае она практикует свое собственное отрицание; однако как без этой внешней «помощи» кто-то может освободиться, избегая обычного и, в определенном смысле, комфортного угнетения?

На самом деле, эти идеи, высказанные в «Педагогике угнетенных», постоянно давали повод для раздумий самому Фрейре во время его странствия по различным образовательным учреждениям в течение его шестнадцатилетней ссылки (с 1964 по 1980 г.) [22], и затем после возвращения в Бразилию, когда он, помимо прочего, более двух лет возглавлял Секретариат образования города Сан-Паулу и имел конкретную возможность широкомасштабно реализовать свои идеи [48]. В результате этого процесса самоанализа Фрейре пересмотрел главные идеи «Педагогике угнетенных» в своей книге «Педагогика надежды», изданной с подзаголовком «Переосмысление “Педагогикой угнетенных”» [18], и в 1996 г. — в «Педагогике свободы» [19] — последней книге, опубликованной до его смерти в 1997 г.²

В этих последних книгах Фрейре, хотя и высказывает более умеренные взгляды, но все с тем же политическим подтекстом. Изменяются лишь средства: революция уступает место менее радикальной, но все еще безусловной приверженности трансформации фактического положения дел посредством образовательной практики: «изменить

что-либо сложно, но возможно» [19, р. 30]. Фрейре свою точку зрения позиционирует не как революционную, а как «прогрессивный постмодернизм» [18, р. 77]. Тем не менее, принципы и цели не меняются, и образование рассматривается как политическое преобразование, что подтверждается тем, что преподавание не есть передача знания ученику, а «создание возможности для его добывания или преобразования» [19, р. 24]. И снова повторяется фраза: «Одни учат учиться, когда преподают, а другие учатся учиться, когда обучаются» [19, р. 25].

В этих более поздних работах сама передача знаний уже не считается чем-то предсудительным, а играет даже некоторую положительную роль: учителям следует знать, чему они учат [25, р. 108], но передавать эти знания нужно так, чтобы они служили целям обучения: обучая других, я обучаюсь сам. Учитель уже не рассматривается как тот, кто учится, потому что не знает, но как тот, кто посредством преподавания, раскрывает обучающимся возможности и необходимость обучения. По словам Фрейре, обучение предшествует преподаванию не только исторически, потому что то, что было изучено, дает возможность преподавать; обучение придает легитимность и значение самому преподаванию, как с педагогической, так и с политической точки зрения, если это обучение позволяет обучающимся реализовывать в жизни все то, чему их научили [18, р. 26]. Как и в «Педагогике угнетенных», роль учителя не исчезает, а переосмысливается, находит свою политическую легитимность в диалогической форме практики.

Другими словами, то, что придает обучению смысл, познавательный и политический, — это способ, которым поддерживается познавательный интерес обучающегося, способность к критическому мышлению, творческая сила, вкус к преобразованию и познавательная склонность «быть больше, чем ты есть» [18, р. 28]. Обучение, которое не пробуждает силы к творчеству и преобразованию, а способствует конформизму и подчинению, является с политической точки зрения нежелательным и сомнительным.

Таким образом, хотя у Пауло Фрейре обучение преобладает и в преподавании, это совсем не способствует «образованщине». Его концепция обучения показывает, что критика Биесты может быть в некотором смысле неточной: речь идет не столько о том, чему больше уделять внимания (преподаванию или обучению), сколько о том, как понимать оба этих термина. Реконверсия преподавания может также служить

¹ Пока еще эта работа Фрейре не опубликована на английском языке, поэтому я использую его оригинальные работы, изданные на португальском языке в своем переводе на английский. В 2017 г. данная книга была опубликована на английском языке в издательстве Penguin Books: Freire P. *Pedagogy of Oppressed* / trans. by M. Bergman Ramos. London : Penguin Books, 2017 (прим. переводчика).

² Если переводить буквально — «Педагогика автономии» (*Pedagogia da autonomia*).

неолиберальной политике, и, как мы видим в случае с Пауло Фрейре, приоритет обучения может иметь решающее значение для критики неолиберализма. Привожу цитату из «Педагогика надежды», где Пауло Фрейре выступает против «образованщины» в словах весьма близких аргументации Биесты: «Обучение, даже с прогрессивной постмодернистской точки зрения, о которой я говорю здесь, нельзя свести к простому набору операций, в котором объектом знания является акт обучения. “Учить учиться”, имеет силу только тогда, когда процесс постоянно воспроизводит, когда *учитель* сам учится *raison d'être* своего предмета или содержания» [18, p. 77].

Обучение не может быть сведено к технической или инструментальной деятельности, например, обучению навыкам мышления или использованию когнитивных инструментов. Обучение означает понимание смысла того, что изучается, т. е. социальной и политической функции этого, этических и эстетических идеалов, которым это служит в реальном социальном мире. Таким образом, образование является политическим в соответствии со способом, который используют учителя для того, чтобы чему-либо научить.

В этом смысле необходимо переосмыслить различие содержания и формы образования: несмотря на то что содержание того, чему учат, очень важно (было бы наивно это недооценивать), то, *как* учат, важно не меньше, а может, даже и в большей степени. Так как тот, кто передает знания, тот, кто выступает в роли уникального дарителя (*all-important giver*), является не только передатчиком знаний для обучающихся, но он также передает в качестве невидимого содержания способ презентации себя, например, как дарителя милости, исходящей от вышестоящих инстанций. Эта «благотворительность» может быть как традиционным знанием, так и навыками мышления. Этот способ невольно навязывает парадигму о том, как люди должны воспринимать друг друга, т. е. есть те, кто знает, и те, кто нуждается в них для того, чтобы получить возможность знать. Обучающегося не только учат знаниям (или навыкам мышления), но и учат отношению к познанию (или мышлению) и к себе самому, как к субъекту, которому всегда нужен кто-то другой (знающий, эксперт), чтобы он «подарил» ему возможность знать (или думать).

Пауло Фрейре осуждает этот способ как угнетающий и призывает учителей осознавать, что то, как они взаимодействуют

со своими учениками, гораздо важнее, чем содержание предмета. Диалогическое обучение может стать альтернативой отчуждающему способу. Когда обучающиеся учатся через диалогический процесс, учитель также учится у них, а они в свою очередь также учат учителя. Они учатся относиться к себе, своему учителю и своим товарищам как к равным, они осознают важность обучения с равными, в отличие от модели, когда низшие в иерархии обучаются у вышестоящих. Они начинают воспринимать образование как эгалитарную, кооперативную и демократическую форму общественной жизни. К сожалению, этот способ не так распространен, как доминирующие реальные формы / системы образования в наше время. В терминах Пауло Фрейре необходимо организовывать образовательную практику, которая укрепляет через диалогический процесс познавательное стремление каждого человека «быть больше, чем он есть».

В заключение этой части следует сказать, что для Фрейре образование всегда несет в себе политическую силу; ту, которая может либо давать права, либо делать бесправным. Поэтому важным в образовании является не передача знаний или отсутствие этой передачи, а средства коммуникации. В конечном счете, действительно важно, какое взаимодействие происходит между учителем и учеником, а также между самими учениками: связаны ли эти отношения с иерархией (угнетением) или равенством (освобождением)? Учителя и ученики учатся через диалогические и равноправные отношения или в силу тягостного принуждения? Эти вопросы заостряют внимание на том, что неолиберализм может быть несовместим с равенством и равноправным диалогом, т. е. неолиберализм несовместим с концепцией Пауло Фрейре.

Липман: философия и политическое влияние

Не имеет значения, где работают такие педагоги, но для них (большая трудность или великое приключение!) — как сделать образование тем, что, будучи серьезным, строгим, методичным и поэтапным делом, оно приносило бы счастье и радость.

П. Фрейре [25, p. 170]

Рассмотрим теперь политические условия P4C. Во время работы над моей докторской диссертацией под руководством

М. Липмана я написал воображаемый диалог с Дж. Дьюи о взаимосвязи образования, философии и демократии. Я взял цитаты из разных текстов Дьюи и связал их с помощью нескольких вопросов. Я показал этот диалог Липману, и его реакция была и восторженной, и удивленной одновременно (он не узнал некоторые цитаты Дьюи). Я спросил Липмана, можем ли мы поговорить с ним по темам диалога¹. В силу релевантности его ответов теме данной статьи, я представляю отрывок этой беседы и затем прокомментирую его:

Кохан: Как, по-вашему, взаимосвязаны у Дьюи философия, образование и демократия?

Липман: В качестве общего элемента для философии, образования и демократии я рассматриваю исследование (*inquiry*). Я утверждаю, что образование — это исследование, потому что обучающиеся должны вопрошать, должны иметь дело с тем, что проблематично в мире, пытаться воспроизводить те или иные проблемные ситуации, чтобы знать, как иметь с ними дело. Философия помогает выявлять проблемы. Демократия должна использовать исследование для того, чтобы действовать беспристрастно. Если бы она использовала только политические методы, например, голосование, то это, вероятно, не касалось бы вопросов, которые могли бы быть предметом исследования. Я не считаю демократию просто политическим понятием.

К.: Можете ли вы объяснить, каким образом демократия является формой исследования?

Л.: Когда я говорю о демократии как об исследовании, я имею в виду идеал демократии. Реально мы имеем весьма пеструю картину. Например, юриспруденция и право внедряют рациональность в социальный процесс. Я не говорю, что это внедряется рациональными институтами, потому что сам метод убеждения основан на конфронтации и компромиссе. Тем не менее, необходимы усилия для достижения рациональности.

К.: Насколько реальные демократии соответствуют идеалу демократии как исследованию?

Л.: Для ответа на этот вопрос нам самим необходимо провести небольшое исследование. Однако это совсем не то, что делается в этой стране. Мы не собираемся

¹ Обе беседы на английском языке были приложением к моей диссертации (*Pensando la filosofía en la educación de los niños*, Iberoamericana University, 1996) и опубликованы на португальском [31] и испанском [32] языках, но еще не опубликованы на английском.

раскрывать злоупотребления нашей демократией. Наоборот, мы стараемся это скрывать (смеется).

К.: Это почему же?

Л.: Потому что в этой стране это ставит нас в весьма щекотливую позицию. Мы уважаем само понятие и идеал демократии, но мы боимся видеть в этом его конфронтацию с капитализмом. На это мы просто пожимаем плечами и закрываем глаза, мы не хотим говорить о том, что демократия и капитализм могут быть несовместимыми. Это потому, что мы не знаем, какой другой вид экономики нам следует иметь, у нас есть только крупные корпорации. У нас огромная концентрация военной и экономической власти...

К.: Вы считаете демократию и капитализм несовместимыми?

Л.: Я бы сказал, что они теоретически несовместимы. Капитализм разрушает окружающую среду и делает существование людей необязательным. Капитализм в его слепом и мощном виде просто приходит и разрушает, и у него есть очень пугающие аспекты, но, возможно, из него можно извлечь и хорошие вещи. Аналогичным образом и с демократией, которая, возможно, тоже сопряжена с некоторыми плохими вещами. Демократия может быть хорошей в одних отношениях, но нехорошей в других. Капитализм временами тоже может быть оправдан.

К.: Каким образом?

Л.: Опыт дает нам факты, которые невозможно отрицать. Например, тот факт, что философия для детей жива и люди узнают об этом. Когда я представил Р4С в Американской философской ассоциации в 1973 г., то меня спросили: «Как вы думаете, что из этого выйдет?» На встрече было около философов, и я сказал им: «Наверно, нас уничтожат». Но этого не произошло, потому что сегодня демократия не является монолитной каменной башней. В ней есть все виды трещин, пещер и расселин, где люди могут иметь определенную свободу и защиту. Конечно, несправедливо, что некоторые люди имеют больше, чем другие, а некоторые очень уязвимы, подвержены жестокости системы, а некоторых, таких как я, эта система защищает. Есть много хороших вещей, которые нужно определять, осмысливать и выстраивать, чтобы мы не выплеснули с грязной водой младенца. У меня пока на это нет окончательного ответа.

К.: Позвольте мне задать вам последний вопрос: какова роль образования в демократии, понимаемой как исследование?

Л.: Образование — это социальный институт, который делает нас жизнеспособными,

чтобы мы не просто могли выживать или жить сносно, но жить счастливо, что означает слово эвдемония (*eudaimonia*). Без образования мы не сможем жить счастливо. Таким образом, это очень важный институт, и именно поэтому вокруг него так много битв, каждый хочет его контролировать. В идеальном обществе это было бы очень мощное учреждение, гораздо более мощное, чем экономические институты.

В первой части беседы Липман определяет демократию, образование и философию как формы исследования. Философия исследует в своем образовательном измерении проблемное поле опыта. Демократия использует исследование, чтобы действовать «беспристрастно». Однако когда я попросил Липмана развить свою концепцию демократии как исследования, он стал говорить о юриспруденции и праве как гарантиях внятия рациональности в социальный процесс. Хотя и не явно, но здесь прослеживается мысль о том, что юриспруденция или право делает или скорее должна делать — это практиковать то, что в других своих работах Липман называет разумностью, т. е. разумом, подкрепленным суждением. Какая концепция разума лежит в основе взглядов Липмана? Липман различает рациональность и разумность [35]. Рациональность — это критическое мышление, формальная и неформальная логика, где исследуется формирование концепта, навыки говорения и рассуждения. Разумность — это мышление более высокого порядка: критическое, но вместе с тем творческое и заинтересованное.

Липман дает понять, что он не имеет в виду фактические практики, а рассматривает все в идеальном плане. Согласно Липману, в идеальной образовательной среде дети должны обучаться демократическим (беспристрастным) и философским (проблематизирующим) способом. Когда его спрашивают о реальной демократии, он полагает, что в США («в этой стране») злоупотребления демократической системой не выпячиваются, а скрываются. Он допускает теоретическую несовместимость между демократией и капитализмом и демонстрирует четкое видение разрушительных сил капитализма, его несправедливости и жестокости. Тем не менее, он не считает его иррациональным: несовместимость между демократией и капитализмом представляется этической (и политической), но не логической проблемой. Капитализм рационален, логически последователен. Он просто этически (и политически) неприемлем. Но как раз это вне компетенции разума. Капитализм в

его нынешней корпоративной форме поддерживает жизнь, полагает Липман, потому что мы не представляем, какие могут быть другие экономические альтернативы.

Поэтому главным вопросом для Липмана является вопрос о том, как мы можем перейти от реальных демократий к демократиям идеальным? Как мы можем превратить наши «запутанные» и «страшные» формы жизни в те, которые основаны на беспристрастном исследовании? Эту задачу Липман, похоже, возлагает на образование: «именно благодаря реформе наших образовательных систем формируются реальные демократически настроенные граждане». «Философия для детей» играет особую роль в образовательной реформе [33], помогая нашим детям быть более разумными гражданами демократии будущего.

Вопрос в том, может ли (или должна) «Философия для детей» на самом деле принимать сторону демократии против капитализма? Может ли P4C позволить детям осознать разрушительные силы капитализма? Если признать это, то P4C терпит неудачу в этом отношении. Действительно, видится мало возможностей, которые могли бы породить вопрошание, связанное с осмыслением проблем капитализма или потенциального столкновения между капитализмом и демократией. Исключением, пожалуй, является новелла «Марк» из программы старшей школы. Учитывая это, можно утверждать, что существует потенциальная опасность того, что преподаватели P4C могут работать «во славу Капитализма» (*the glories of Capitalism*), все еще полагая, что они развивают навыки критического, творческого и заинтересованного мышления, предписываемые программой.

Таким образом, хотя Липман и Фрейре могут иметь похожие взгляды относительно разрушительных сил капитализма, их образовательные идеи в этом вопросе сильно отличаются. Хотя Липман придерживается таких терминов, как «нейтральный», «беспристрастный» или «незаметный» (*self-effaced*), чтобы описать позицию учителя, которого он называет «посредником» (*facilitator*), Фрейре решительно бросает вызов нейтралитету и утверждает, что учитель должен быть на стороне угнетенных.

Кончается старое, начинается новое

Я всегда в начале пути, как и вы.
П. Фрейре [25, р. 56]

Мы не будем «вместе с грязной водой выплескивать младенца», как опасается

Липман. Опять-таки, если мы действительно верим, что образовательная философия может способствовать счастливой жизни, то она не может быть беспристрастной или нечувствительной к разрушительным силам капитализма. Как утверждают наши философские практики, нам нужно видеть, что образование является политическим и включает в себя различные виды рациональности, а также приверженность равенству и непохожести, справедливости и свободе. Нам также нужно переосмыслить политический дискурс в образовании (и в философии). Какой подход выбираем мы? Есть несколько направлений, которые следует учесть. Как полагает Фанстон [20] на этот выбор нас может вдохновить Фрейре. Однако есть и другие пути, инспирированные Фрейре, помимо критической педагогики.

Один из них заключается в том, чтобы следовать деколониальному повороту, открывая, например, особую «рациональность метисов» [2], исходящую из особой телесности, «полной чувств, эмоций, вкусов» [25, р. 23]. В таком случае особая рациональность должна быть присуща разным форм «угнетенных» (используя термин Фрейре), куда войдут квир (*LGBT*), индусская, афроамериканская, а также женская и детская формы рациональности, характеризующиеся особой чувствительностью, противоречивостью и неоднозначностью. В мире Р4С этот путь был предложен Четти [12], который поставил под сомнение представление Липмана об общих критериях разумности в ситуациях, связанных со структурным неравенством, где расовые меньшинства могут чувствовать себя угнетенными в отношении того, что он называет (заимствуя у Барбюльса (*Burbules*)) «гегемонистской разумностью». Другая возможность включает в себя уничтожение идентичности: колебание в многочисленных дуализмах, таких как преподавание/обучение, ребенок/взрослый, ум/тело, которые могут вдохновить феминистских пост-гуманистов. Это путь, уже реализованный Маррис (*Murris*), которая представляет ребенка как субстанцию с особой сущностью [40] и разграничивает взаимодействие в педагогической практике на человеческое/нечеловеческое вне доминирующих когнитивных течений капитализма, особенно в случае языка, в контексте которого мы ссылаемся на эту практику [41].

Еще один вариант — остановить капиталистические течения, которые наводняют образовательную систему, и провозгласить другой тип школы, вдохновленный грече-

ским понятием *schole* [39] или латиноамериканской традицией «общедоступного образования» [29; 44]. Другой альтернативой было бы озаботиться проблемным, туманным и жестко хронометрированным опытом восприятия исторического времени, культивируемым обучением в наших школах, и действовать условиям для создания «новой хронологии» [3], что будет способствовать деколонизации детства [45]. Другими словами, прервать хронологическое время колонизации и капитализма, которое захватило наш опыт обучения и детства, и создать условия для переживания «другого времени», что заложило бы условия для других форм общественной жизни.

Конечно, все эти пути не являются ни исчерпывающими, ни единственно возможными. Пути и формы передвижения по ним всегда открыты, потому что мы сами прокладываем их [25]. Философия и политика — это возможность идти по пути образования, как это делали Пауло Фрейре и Мэтью Липман. В деполитизированное настоящее время эта статья может пролить свет на политический потенциал Р4С. Я попытался показать, с помощью взглядов Пауло Фрейре на политическую роль педагога, что политический потенциал Р4С не актуализируется в ее программе. Другими словами, если практикующие Р4С педагоги заинтересованы в демократии и социальной справедливости, одной программы недостаточно. Что же нужно для реализации такой возможности? Я предложил несколько вариантов. Но поскольку мы можем учиться у Пауло Фрейре, нам следует знать, что каждый педагог выстраивает свой собственный путь. На это всегда есть время (конечно, не в хронологическом смысле), чтобы начать шагать иначе.

Благодарности. Автор благодарит Сюзан Гарднер (*Susan Gardner*) и Джейсона Возняка (*Jason Wozniak*) за их советы. Я действительно ценю огромную помощь Сьюзен в том, чтобы сделать этот документ доступным для чтения на английском языке. Я также благодарю рецензентов за их конструктивные комментарии к предыдущей версии этой статьи.

Финансирование. Это исследование было профинансировано Национальным советом исследований Бразилии (CNPq, грант № 202447 / 2017-0) и Фондом Карлоса Чагаса Фильо (*Carlos Chagas Filho*) исследовательского центра штата Рио-де-Жанейро (FAPERJ, грант № E26 / 203042/2015).

1. Accorinti S. Matthew Lipman y Paulo Freire: Conceptos para la libertad // *Utopía y Praxis Latinoamericana*, Maracaibo. 2002. № 7(18). P. 35—56.

2. Anzaldúa G. *Borderlines. La frontera*. San Francisco : Aunt Lute Books, 1999.

3. Barad K. Troubling time/s and ecologies of nothingness: on the im/possibilities of living and dying in the void // *Eco-deconstruction. Derrida and environmental philosophy* / ed. M. Fritsch, P. Lynes, D. Woo. New York: Fordham U Press, 2018. P. 160—186.

4. Barrientos J. *Filosofía para Niños y Capacitación Democrática Freireana*. Madrid : Liber Factory, 2013.

5. Biesta G. Touching the soul? Exploring an alternative outlook for philosophical work with children and young people // *Childhood & Philosophy*. 2017. № 13 (28). P. 415 — 452.

6. Biesta G., Stengel B. Thinking philosophically about teaching // *Handbook of research on teaching* / ed. D.H. Gittomer, C.A. Bell. 5th ed. Washington : DC: AERA, 2016. P. 7—68.

7. Biesta G. Freeing teaching from learning: Opening up existential possibilities in educational relationships // *Studies in Philosophy and Education*. 2015. № 34 (3). P. 229—243.

8. Biesta G. *The beautiful risk of education*. Colorado : Paradigm Publishers, 2014.

9. Biesta G. Receiving the gift of teaching: From 'learning from' to 'being taught by' // *Studies in Philosophy and Education*. 2013. № 32 (5). P. 449—461.

10. Biesta G. *Beyond learning. Democratic education for a human future*. Boulder : Paradigm Publishers, 2006.

11. Carvalho B. Jogos cotidianos e lições metafísicas. Matthew Lipman fala sobre seu método de ensino // *Folha de São Paulo. Caderno Mais*. 1994. 1/5.

12. Chetty D. Philosophy for children, learnification and intelligent adaptive systems — a response to Gert Biesta // *Childhood & Philosophy*. 2017. № 13 (28). P. 471—480.

13. Costello P., Morehouse R. Liberation philosophy and the development of communities of inquiry: a critical evaluation // *Analytic Teaching and Philosophical Praxis*. 2012. № 33 (2). P. 1—7.

14. Cruz A.L. Paulo Freire's Concept of Conscientização // *Paulo Freire's intellectual roots: Toward historicity in praxis* / ed. R. Lake, T. Kress. London : Bloomsbury, 2013. P. 169—182.

15. Dale J., Hyslop-Margison E. *Paulo Freire: Teaching for freedom and transformation. The Philosophical Influences on the Work of Paulo Freire*. New York : Springer, 2010.

16. Freire P. *Pedagogia do Oprimido*. São Paulo : Paz e Terra, 1987.

17. Freire P. Última entrevista (PUC). São Paulo, São Paulo, 17/4/97). URL: <http://www.paulofreire.ufpb.br/paulofreire/Controle?op=detalheandtipo=Vi deoand=622> (accessed: 11.10.2017).

18. Freire P. *Pedagogia da Esperança. Um reencontro com a Pedagogia do Oprimido*. São Paulo : Paz e Terra, 1998.

19. Freire P. *Pedagogia da autonomia*. São Paulo : Paz e Terra, 1999.

20. Funston J. Toward a critical philosophy for children // *PSU McNair Scholars Online Journal*. URL: <https://doi.org/10.15760/mcnair.2017.05>.

21. Gadotti M. A Filosofia para crianças e jovens e es perspectivas atuais da educação // *Filosofia para crianças em debate* / ed. W.O. Kohan, W. Leal, B. Leal. Petrópolis : Vozes, 1999.

22. Gadotti M. Paulo Freire. Uma biobibliografia. Cortez, São Paulo, 2001.

23. Giacomassi R. Diálogo e investigação filosófica com crianças // IX Congresso Nacional de Educação (EDUCERE). Curitiba : PUC-Paraná, 2009.

24. Henning L.M.P. O pragmatismo em Lipman e sua influência na América Latina // *Childhood & Philosophy*. 2005. № 1 (2). P. 445—471.

25. Horton M., Freire P. *We made the road by walking*. Philadelphia : Temple University Press, 1990.

26. Kirylo J.T., Boyd D. *Paulo Freire His faith, spirituality, and theology*. Rotterdam : Sense, 2017.

27. Kohan W.O. *Filosofia para crianças*. Rio de Janeiro : Lamparina, 2000.

28. Kohan W.O. *Philosophy and childhood. Critical perspectives and affirmative practices*. New York : Palgrave, 2014.

29. Kohan W.O. *The inventive schoolmaster*. Rotterdam : Sense, 2015.

30. Kohan W.O. Freire, Paulo (1921—1997) // *Encyclopedia of educational philosophy and theory* / ed. M. Peters. Singapore : Springer, 2016.

31. Kohan W.O., Leal B. *Filosofia para crianças em debate*. Petrópolis : Vozes, 1999.

32. Kohan W.O., Waksman V. *Qué es filosofía para niños*. Buenos Aires : Oficina de Publicaciones del CBC, 1997.

33. Lipman M. *Philosophy goes to school*. Philadelphia : Temple University Press, 1988.

34. Lipman M. On writing a philosophical novel // *Studies in philosophy for children. Harry Stottlemeier's discovery* / ed. A.M. Sharp, R. Reed. Philadelphia : Temple University Press, 1992.

35. Lipman M. *Thinking in education*. Cambridge : Cambridge University Press, 2001.

36. Lipman M. *A life teaching thinking : an autobiography*. Montclair : IAPC, 2008.

37. Lipman M., Sharp A.M., Oscanyan F. *Philosophy in the Classroom*. 2nd ed. Philadelphia : Temple University Press, 1980.

38. Magalhães D.A. *A filosofia pragmática na educação popular : doctoral dissertation*. João Pessoa : Universidade Federal da Paraíba, 2008.

39. Masschelein J., Simons M. *In defense of school*. Leuven : Education, Culture and Society Publishers, 2013.

40. Murriss K. *The Posthuman child: Educational transformation through philosophy with picturebooks*. London : Routledge, 2016.

41. Murriss K., Haynes J. *Literacies, literature and learning*. London : Routledge, 2018.

42. Oliveira M.B. de. *Professores de Filosofia para crianças: quem são eles? Uma análise crítico-diagnóstica da construção da identidade profissional dos professores que trabalham com o Programa Filosofia para Crianças de Matthew Lipman*. Campinas : UNICAMP, 2009.

43. Parra Contreras R., Medina Fuenmayor J. *La comunidad de investigación y la formación de ciudadanos: consideraciones a partir del pensamiento*

de Matthew Lipman y Paulo Freire // Telos. 2007. № 9. URL: <http://artificialwww.redalyc.org/articulo.oa?id=99314566006>. (accessed: 04.12.2017).

44. Rodríguez S. Obras completas. Caracas : Presidencia de la República Bolivariana de Venezuela, 2001.

45. Rollo T. Feral children: Settler colonialism, progress, and the figure of the child // Settler Colonial Studies. 2016. URL: <https://doi.org/10.1080/2201473X.2016.1199826>.

46. Silveira R.J.T. A Filosofia vai à escola? Estudo do Programa de Filosofia para Crianças de Matthew Lipman : doctoral dissertation. Campinas : UNICAMP, 1998.

47. Sofiste J.G. Freire e Lipman. Possibilidades e limites de uma aproximação // Revista Ética e Filosofia Política. 2010. № 12 (1). P. 71—87.

48. Torres C. (1994). Paulo Freire as secretary of education in the municipality of São Paulo // Comparative Education Review. 1994. № 38. P. 181—214.

49. Weimer M. Uma interlocução entre Paulo Freire e Matthew Lipman na educação pública: educando para o pensar : master dissertation. Cuiabá : Universidade Federal de Mato Grosso, 1998.

50. Wonsowicz S. A comunidade de investigação e diálogo. Uma incursão em Paulo Freire e na essência do Programa de Filosofia para Crianças // Philosophy. 1993. № 1 (1). P. 23—29.

For citing: Kohan W.O.

Paulo Freire and “Philosophy for children”: critical dialogue //

Socium i vlast' 2018. № 6 (74). P. 55—67.

UDC 101.9

PAULO FREIRE AND “PHILOSOPHY FOR CHILDREN”: CRITICAL DIALOGUE

Kohan Walter Omar,

Doctor of Philosophy, Professor,
State University of Rio de Janeiro
(Rio de Janeiro, Brazil),
the University of British Columbia
(Vancouver, Canada).
786 King Edward Ave. E, Vancouver,
BC V5V E2E, Canada.
E-mail: wokohan@gmail.com

Abstract

This paper is an attempt to link the concept of educational thinking of Paulo Freire, well-known in Brazil, with the concept of “Philosophy for Children” (P4C) by Matthew Lipman. The interrelation of these concepts is substantiated by analyzing various mutual influences. The paper shows that these interactions are not as obvious as many P4C supporters say, especially in Latin America. The paper is presented in the context of educational policy of the present; it justifies why it is impossible to be a supporter of Freire’s views on education policy and at the same time take a neutral or approving attitude towards the actual state of affairs in the educational sphere. Finally, on the basis of Lipman’s understanding of the relationship between philosophy, education and democracy under capitalism, the paper suggests ways to implement a political discourse of philosophizing with children, inspired by Paulo Freire’s concept of educational thinking. The result is a politico-oriented path of philosophizing with children.

Key concepts:

philosophy for children,
Paulo Freire,
Matthew Lipman,
education,
educational policy,
critical thinking.

Для цитирования: Апухтина Н. Г.,
Миляева Е. Г., Пеннер Р. В.
Методы философской практики
(философское консультирование и партнерство)
в студенческой аудитории:
образовательный эксперимент. Часть I //
Социум и власть. 2018. № 6 (74). С. 68—78.

УДК 101

МЕТОДЫ ФИЛОСОФСКОЙ ПРАКТИКИ (ФИЛОСОФСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ И ПАРТНЕРСТВО) В СТУДЕНЧЕСКОЙ АУДИТОРИИ: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ. ЧАСТЬ I¹

Апухтина Нина Георгиевна,
Челябинский государственный
институт культуры,
профессор кафедры философских наук,
доктор философских наук, профессор,
Российская Федерация,
454091, г. Челябинск, ул. Орджоникидзе, 36а.
E-mail: apuchtinang@susu.ru

Миляева Екатерина Галимулловна,
Южно-Уральский государственный университет,
старший преподаватель кафедры философии.
Российская Федерация,
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, д. 76.
E-mail: miliaevaeg@susu.ru

Пеннер Регина Владимировна,
Южно-Уральский государственный университет,
доцент кафедры философии,
кандидат философских наук.
Российская Федерация,
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, д. 76.
E-mail: penner.r.v@gmail.com

Аннотация

Введение. Все большее внимание философов из России привлекает к себе философская практика. Вместе с тем, практику философствования воплощали уже самые первые мыслители, вошедшие в историю как первые философы (Платон, Эпикур, Зенон). Во многих странах Америки (США, Мексика, Аргентина, Бразилия) и в некоторых странах Европы (Испания, Италия, Германия) философская практика уже волилась в образовательные программы и курсы. В России этот процесс только начинается. Поэтому важно уже сейчас задать вопрос о возможностях

имплементации методов философской практики в систему академического образования.

Цель. Обозначить возможности обращения к методам философской практики (философское консультирование, философское партнерство, сократический диалог) в процессе преподавания академического курса по философии с условием выполнения требований федерального образовательного стандарта.

Методы. Исследование опирается на педагогический эксперимент со студентами 3-го курса Архитектурно-строительного института (Южно-Уральский государственный университет) по внедрению методов философской практики в цикл семинарских занятий по философии. В исследовании были использованы общенаучные методы — анализ и синтез, индукция, дедукция, абстрагирование. Кроме того, применены сравнительно-исторический метод, метод интерпретации и системный подход.

Научная новизна исследования. Выявлены формы имплементации методов философской практики в среду академического университетского образования.

Результаты. Философская практика указывает на живое делание философии, в то время как академический курс по философии остается трансляцией теоретического материала. Их соединение возможно тогда, когда обязательные требования по выработке знаний, умений и навыков у студентов на момент завершения курса будут вынесены в дистанционный формат. Модель смешанного обучения реализует вариант работы преподавателя со студентом, когда в образовательной аудитории реализуется делание философии, а в дистанционном формате — теоретическое освоение дисциплины.

Выводы. Проблема имплементации методов практики философствования дала повод для приглашения к дискуссии об актуальных образовательных моделях. Авторы статьи указывают на то, что изменениям в мире должны отвечать образовательные программы. Это не всегда могут быть исключительно дистанционные курсы. Модель смешанного образования — это новая образовательная форма, у которой уже сегодня можно выделить свои плюсы и минусы. Статья может дать повод для рефлексии над оптимальными формами преподавания философии в условиях современности.

Ключевые понятия:

философская практика,
философское консультирование,
философское образование,
образовательный эксперимент,
философствование.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 17-33-00021 «Теория и практика философского консультирования: компаративистский подход».

Введение

Философская практика и конкретный метод ее воплощения, философское консультирование, все чаще проникают в академическое пространство. Это относительно парадоксально по той простой причине, что «отцы-основатели» философской практики как международного направления (в том числе Г. Ахенбах, О. Бренифье или Р. Лахав) и 40 лет назад, и сегодня принципиально отгораживают себя от университетской академической среды. Но дело в том, что меняется социально-культурная ситуация в целом и модель университетского образования в частности. В современной ситуации студент не готов «поедать» все то, что подбрасывает ему обезличенное образование. В условиях компетентностного подхода студент ориентирован на тот набор компетенций, которые послужат ему в будущем. В этот набор не входит теоретическая философия как историческая совокупность идей, имен, методологического и терминологического аппарата, но в него может войти философская практика, т. е. практика саморефлексии, опыта вопрошания и самостоятельного поиска решения на вопросы экзистенциального и мировоззренческого планов.

Поэтому рабочая гипотеза статьи выглядит следующим образом: методы и процедуры философской практики (философского консультирования) могут быть эффективно имплицированы в актуальное университетское образование. Фигура студента здесь играет не последнюю роль. В идеальном плане именно на конкретного студента направлена образовательная модель. В свою очередь, философская практика формирует сознание студента; это работа с «живым» сознанием человека (конкретного студента), а не с «мертвым» набором неких знаний, практическая применимость которых стоит под большим вопросом.

Актуальность обращения к философской практике в реальном университетском процессе обусловлена еще и тем, что сама по себе философия есть предельно абстрактная дисциплина. Она чужда и непонятна студенту, жизненной опыт которого на момент прохождения курса по философии, как правило, ограничен. В свою очередь, философская практика и, прежде всего, философское консультирование направлены на работу с жизненным опытом человека. Безусловно, о разрешении конкретных проблем студента в учебной аудитории, здесь и сейчас, речи не идет. Более того, такая задача даже не стоит. Обращение к методам философской

практики и консультирования в студенческих группах происходит с единственной установкой — это, условно говоря, зацепить или заразить студента философией. Иными словами, философская практика нацелена на ангажирование студента в процесс делания философии. Впоследствии уже сам студент обращается к теоретическому каркасу философии. И это происходит не в силу принуждения (сдать экзамен/зачет, написать качественное эссе или подготовить доклад), а потому что этого хочется самому студенту, ибо он уже «заражен» философией.

Философская практика: смысловые и терминологические границы. Обращение к современности

За полувековую историю существования философской практики обозначились смысловые и терминологические границы философской практики, ее направлений и методов, в том числе, философского консультирования, партнерства и сократического диалога. Сами границы указывают на возможности применения методов философской практики в университетском образовательном процессе.

Философская практика обращается к философствованию, но не к разговору о философствовании, а к реальному философскому процессу, например, в работе с фрагментами из философских произведений. Философствование в этом случае ориентировано на осмысление и решение конкретных мировоззренческих проблем, с которыми сталкивается современный человек. То проблемное поле, в котором используются методы философской практики, не оригинально — это работа со страдающим в современности. Оригинально то, как философская практика работает на этом поле: с помощью философских идей и теорий она выходит на практические упражнения, духовные упражнения в языке П. Адо, на реальную работу человека с самим собой.

В своей работе «Духовные упражнения и античная философия» П. Адо резюмировал, что античные философы занимались философской практикой по той простой причине, что у них не было того теоретического массива, который сегодня в распоряжении профессоров философии. В работе над собой античные философы обращались к духовным упражнениям, целью которых была установка «совершенно изменить

бытие» [1, с. 12]. Изменение бытия в дискурсах античных философов, по П. Адо, неразрывно связано с созиданием нравственного сознания, где роль создателя исполняет философ, как правило, основатель школы, направления (Сократ, Платон, Эпикур). Сократ впервые продемонстрировал то, что подобное развитие, движение, созидание возможно в форме диалога. Причем, умение вступать в диалог с Другим, формирует умение вести внутренний диалог с собой: «Только тот, кто по-настоящему способен на встречу с другим, способен на подлинную встречу с самим собой, и наоборот. Диалог будет действительно диалогом лишь в обращении к другому и к себе. С этой точки зрения, всякое духовное упражнение является диалогическим в той мере, в какой оно будет упражнением подлинного присутствия по отношению к себе и к другим» [1, с. 36—37].

В своем исследовании духовных практик античности П. Адо приходит к своеобразной типологии:

1. В философской школе Плутарха упор был сделан на упражнения для приобретения моральных привычек против, например, любопытства или гнева.
2. Платон, его сподвижники и последователи сосредотачивались на глубокой умственной концентрации (медитации).
3. Натурфилософы обращались к силам природы и космоса.
4. Плотин, в свою очередь, ориентировался на философию как возможность трансформации/преображения личности.

Практики философствования в античности, по мнению П. Адо, сыграли эффект камня, брошенного на водную гладь. Подобно волнам, расходящимся от зоны касания камня с водой, они оказывали резонирующее воздействие на общество, не только и даже не столько на философов, сколько на не-философов: «Философ приходит к спокойствию души, к внутренней свободе, одним словом, к блаженству. В этой перспективе философское учение склонно принимать форму предсказания, проповеди, в которой способы риторики или логики поставлены на службу обращения душ. И античная философия никогда не была построением абстрактной системы, но представляла как призыв к конверсии, через которую человек снова обретет свою пер-

воначальную природу (epistrophe) в резком отрешении от того извращения, в котором живет простой смертный, и в глубоком потрясении всего существа (это уже tetanoia)» [1, с. 201—202]. Глубокое потрясение всего существа и духовная трансформация в философских практиках приводили к тому, что философы становились лидерами мнений, к которым прислушивались, в некоторых случаях — опасались и даже боялись. Достаточно вспомнить судебный процесс над Сократом или тот незатейливый факт, что будучи в Коринфе великий Александр Македонский отправился смотреть на философа, живущего в пифосе.

Уже в период античности философия как бы разбилась на два лагеря: один из них прорабатывал терминологический аппарат и создавал концепты, другой — применял эти концепты в жизни, ориентировался не на речь философа как философа, исследователя, ученого, а на речь философа как человека, на его решения и поступки. Это подобно тому, что в V—IV вв. до н. э. были созданы две авторитетные школы, одна из которых разрабатывала философию как образ жизни на индивидуальном и общественном уровнях (Платон), другая — на философию как образ мысли, на концептуальном уровне (Аристотель). Уже тогда становилось понятным, что говорение о философии и на философском языке является недостаточным для бытия философом, «делания» философии. «На протяжении всей истории античной философии мы встречаем неизменную критику и неизменную борьбу против тех, кто верит в то, что они философы, поскольку они развивают философскую речь, особенно диалектическую и логическую, техническую и блестящую, вместо того, чтобы изменить свой образ жизни. Можно сказать, что именно в этом заключается вечная опасность философии: заключать себя в надежный универсум концептов и речи, вместо того, чтобы превзойти речь и подвергнуть себя риску радикального самопреобразования» [1, с. 347]. Еще в период до нашей эры формула бытия философом включала в себя практики осмысления внешнего и внутреннего, практики улучшения и трансформации себя посредством диалога (Сократ), медитации (Плотин), самообладания (Зенон) и дисциплины желаний (Эпикур).

Обращение к философским практикам в современности, вылившееся в формирование философской практики как объединения философов в планетарном масштабе, предопределено многими причинами. Одна из них уже была обозначена во введении

статьи как страдание человека в современности. Подойти к этому страданию можно с разных сторон. В данном контексте нас интересуют две из них: это поиск себя (аутентичность на уровнях сознания и поведения) и движение к целостности. Человек потому и испытывает страдание, что не способен без постороннего вмешательства собрать себя в условиях трансформирующегося мира (Э. Тоффлер) и симулятивной реальности (Ж. Бодрийяр).

«Философская практика стоиков и платоников была лишь отношением к себе, культурой себя, удовольствием, принимаемым в самом себе. Психическое содержание этих упражнений кажется мне совершенно другим. Чувство принадлежности Целому кажется мне принципиально важным их элементом: принадлежность «Целому человеческого сообщества, принадлежности к космическому Целому». Сенека резюмирует это в трех словах: погружаясь в целокупность мира. В своей великолепной Философской антропологии Гротхойзен вполне распознал эту фундаментальную черту. Однако такая космическая перспектива радикальным образом преобразует чувство, которое мы можем иметь о самих себе» [1, с. 302]. Иными словами, П. Адо различает внешнюю (витринную) сторону философской практики и оборотную сторону — ее воздействие на внутренний мир человека. Только ту практику я может назвать философской, что открывает *меня* целокупности мира, преобразует мнение *мое* и *меня* самого.

О возможности имплементации методов философской практики в образовательный процесс

В этом пункте остановимся на трех методах философской практики, применяемых преподавателями кафедры философии Южно-Уральского государственного университета в процессе ведения семинарских занятий по философии. Для простоты обзора обратимся к материалу из табл. 1.

Обращение к методам философской практики в студенческой аудитории стало возможным при переходе университета на модель так называемого смешанного образования. С сентября 2018 г. эта модель стала применяться в чтении отдельных курсов (в том числе, курса по философии) в Южно-Уральском государственном университете.

Смешанное образование

как внешний фактор возможности обращения к методам и процедурам философской практики

Смешанное обучение (англ. Blended Learning) — это сочетание традиционных форм аудиторного обучения с элементами электронного, в котором используются специальные информационные технологии, такие как компьютерная графика, аудио-, видео- и интерактивные элементы. Учебный процесс в смешанной форме представляет собой последовательность фаз традиционного и электронного обучения, которые чередуются во времени [12]. В современном западном образовании значение смешанного обучения определяется как возможность интеграции онлайн-технологии с традиционными личностными занятиями в соответствии с моделью конкретного педагога [22].

С начала XXI в. дистанционное образование распространилось наиболее быстро и эффективно по странам Америки. Это связано с доступностью средств коммуникации (персональный компьютер, планшет или смартфон) и качественным Интернет-соединением, которое позволяет использовать достаточно «тяжелый» фото и видео-контент. С появлением видеохостинга youtube.com в 2006 г. возможности дистанционных курсов существенно выросли, т. к. стало возможным выкладывать не просто учебники и задания в текстовой форме, но также видеозаписи лекций и практикумов, а сегодня — выводить прямые онлайн-трансляции фактически из любой аудитории, даже со смартфона. В странах Азии, в свою очередь, существует запрос на получение образования, который выше фактической вместимости традиционных университетов. Поэтому студенты из Индии и Китая обучаются сегодня дистанционно в российских, американских вузах, не выезжая не просто из страны, а даже из родного города.

Двадцатилетняя история дистанционного обучения показала, что существуют преимущества и недостатки технологии e-learning. В результате необходимым стало объединение обеих образовательных моделей.

Необходимость использования технологии смешанного обучения связана с тем, что в чистом виде дистанционные технологии (e-learning) в современных российских условиях приводят к ухудшению качества подготовки студентов. Анализ отечественных и зарубежных публикаций по пробле-

**Методы философской практики, применяемые преподавателями
кафедры философии Южно-Уральского государственного университета**

Название метода	Определение метода	Использование метода в образовательном процессе
Философское консультирование	Форма индивидуальной или групповой работы, представляющая собой серию встреч, организуемых и направляемых философом-консультантом. Как правило, материалом для работы служат философские тексты, помогающие клиенту осуществить необходимую рефлексию над конкретными и частными проявлениями своей «философской болезни» [4, с. 56]	Обращение к теме любви на примере работы с фрагментами из Платона, М. де Унамуно и В. Соловьева. Работа осуществлялась в 3 стадиях: ознакомление с текстом фрагмента; формулировка проблемы текста; поиски решения поставленной проблемы. Как результат, тема любви была представлена студентам не как готовая идея философа, но как проблема, для работы с которой необходима творческая инициатива
Философское партнерство	Работа группы философов-партнеров, осуществляющих совместное философское созерцание некоторых аспектов мировоззренческих проблем посредством глубокого сосредоточения на том «чистом» опыте, который можно получить, исходя из медитативного состояния, выносящего «за скобки» все автоматизмы мысли и речи внешнего повседневного опыта [4, с. 57]	В работе по методу философского партнерства со студенческой аудиторией базой выступила феноменологическая редукция с текстом и жизненным опытом студента. С этой целью мы обратились к процедуре медленного чтения, т. е. чтения вслух всеми участниками группы некоторых частей выбранного текста. Медленное чтение в сочетании с остановками, сменой темпа речи, вопрошанием в процессе чтения позволило студентам «увидеть» идею автора. Обращение к собственному опыту усилило этот эффект. Вместе с тем, при работе с собственным опытом (например, в процессе написания поэтических строк по теме выбранного текста), некоторые студенты признавались в том, что еще не сталкивались с поставленной проблемой в своей жизни, что затрудняло процесс осмысления этой проблемы
Сократический диалог	Принципы работы с внутренней и внешней речью. Задачей философа-практика является «примирить» собеседника с его собственной речью, т. е. открыть для него рефлексивный план анализа своих речевых высказываний для обнаружения тех скрытых мыслей, которые маскирует внешняя речь [4, с. 56]	В студенческой аудитории важна работа над прояснением смысла понятий, ведь зачастую терминологическая размытость и неточность позволяет студентам плыть по проблемам, перескакивая с одной волны (темы) на другую. Важность сократического диалога наиболее вероятна в преподавании логики. Однако абстрактность самой дисциплины философии порождает у студентов фантазмы о том, что говорить можно обо всем и как придется. Сократический диалог высвечивает, прежде всего, для самих студентов суть сказанного и того, о чем стоит размышлять

мам дистанционного обучения позволяет выделить следующие негативные факторы: 1) низкий уровень компьютерной грамотности студентов и преподавателей в региональных вузах; 2) отсутствие широкополосного доступного интернет-соединения за пределами больших городов; 3) сложность контроля за самостоятельностью выполнения учащимися заданий; 4) отсутствие навыков тайм-менеджмента у учащихся; 5) сложность «живого» диалога преподавателя и студента, которая не компенсируется общением через электронную почту или мессенджеры; 6) проблемы с организацией учебного процесса из-за косности академической среды [11; 16; 17; 19; 23].

Применение технологии смешанного обучения, в свою очередь, связано с необходимостью развития проектного подхода к учебному процессу в высшей школе, позволяющего максимально персонализировать образовательные траектории субъекта образования [23]. Учебный курс дисциплины «Философия» с применением технологии смешанного обучения создан в 2018 г. в Южно-Уральском государственном университете в рамках мероприятий Института социально-гуманитарных дисциплин, проводимых с целью расширения использования технологий электронного обучения при реализации основных образовательных программ.

**Курс философии
с применением
технологии
смешанного обучения:
опыт преподавателей ЮУрГУ**

Содержание курса философии является результатом десятилетнего опыта преподавания для учащихся города Челябинска различных форм обучения: от традиционной очной до экспериментальной дистанционной. За этот период в условиях изменения государственных образовательных стандартов и постоянного сокращения аудиторных часов как никогда актуальным стало не просто использование дистанционных технологий для ознакомления студентов с определенным массивом знаний, но и преодоление с их помощью такого негативного фактора как разрыв живого контакта между преподавателем и студентами. Этот контакт, осуществляемый в формате диалога равного с равным, не в академическом формате «учитель — ученик», необходим в преподавании философии для реализации «утопического» требования образовательного

стандарта 3+ по формированию компетенции ОК-1, «способность использовать основы философских знаний для формирования мировоззренческой позиции».

Курс «Философия» по смешанной технологии обучения основан на требованиях федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования 3+. В основу курса положен педагогический принцип — обучение идет успешно, если учащийся получает знания на основе имеющихся знаний и применяет эти знания в решении реальных проблем [21].

Техническая реализация дистанционной части выполнена на основе системы дистанционного обучения Moodle. Объем заданий рассчитан на 48 аудиторных часов (24 часа лекций и 24 часа семинаров) и 60 часов самостоятельной работы (3 зачетные единицы, 108 часов). В курсе представлены 12 блоков по 12 темам, включающих в себя 6 тем раздела «Исторические типы философии» и 6 тем раздела «Основные проблемы философии», традиционно затрагивающие онтологию, гносеологию, аксиологию, философию науки и техники, философию человека, социальную философию. Каждый блок включает в себя: 1) расширенное содержание темы согласно Государственному образовательному стандарту; 2) подробные рекомендации для самостоятельной работы студента (указаны главы и параграфы основной литературы, представлены развернутые планы ответов на вопросы семинара и последовательность изучения материала); 3) задания к лекциям и семинарам, сроки выполнения которых устанавливаются преподавателем в соответствии с расписанием занятий конкретной группы.

Курс полностью обеспечен учебной основной и дополнительной литературой (учебники и словари в электронной библиотеке университета, а также учебные пособия, подготовленные преподавателями кафедры философии). Стоит заострить внимание на представленном в курсе учебном пособии «Философский текст: теория и практика» [7], который объединяет в себе рекомендации по работе с текстами учебников, словарных статей и первоисточников в разнообразных формах их анализа с учетом специфики философского текста. Также пособие дает основы самостоятельного написания эссе, реферата и научной статьи по философии для студента.

Задания курса рассчитаны на студентов различного уровня подготовки. Они варьируются от простых, связанных с освоением материала учебной и справочной литера-

туры в рамках стандарта (например, подготовить краткую биографию философа или глоссарий из основных терминов темы) до творческих, требующих осмысление фрагментов философских текстов и свободной интерпретации поставленных проблем (работа с первоисточниками, развернутые письменные ответы, эссе). Стоит отметить, что преимущество blended learning в этом случае состоит в том, что преподаватель имеет возможность проверять творческие работы как с формальной точки зрения (проверка в системах «антиплагиата»), так и с содержательной, отмечая сформированность у студента умения «понимать и применять философские понятия для раскрытия своей жизненной позиции, аргументированно обосновывать свое согласие и несогласие с той или иной философской позицией». Оценивание выполненных работ происходит по системе «0 баллов — задание не выполнено, 1 балл — задание выполнено удовлетворительно, 2 балла — задание выполнено хорошо и отлично». Оценка сопровождается комментарием преподавателя. В курсе предусмотрено два тестирования с автоматической оценкой. Первый тест проверяет навыки работы с текстом первоисточника, второй — общие знания по пройденному курсу.

Вынесение массива материала, необходимого согласно требованиям образовательных стандартов, в дистанционный вариант позволяет освободить преподавателя от «начетничества» на лекциях и формализации работы с большими группами студентов на семинарских занятиях. Студент имеет возможность выбрать самостоятельную траекторию прохождения курса, т. е. решить, обойтись ли сухим содержанием стандарта в дистанционном портале или дополнить его беседами и консультациями с преподавателем при помощи мессенджера, принимать активное очное участие в про-

цедурах философской практики на семинарских занятиях. Стоит отметить, что обучение студентов по смешанной форме требует от преподавателя, ведущего дистанционную часть, не только быть опытным пользователем ПК и уметь работать в СДО Moodle, но и быть способным тратить свое время на своевременную проверку выполненных заданий, обновление контента, а также на проведение консультаций в режиме онлайн при помощи мессенджеров.

Итоговая оценка за курс «Философия» по смешанной форме обучения складывается из совокупности оценок за посещение очных занятий, выполнение заданий дистанционного курса и экзамен (см. табл. 2).

В зачетную книжку и ведомость выставляется итоговая оценка по традиционной системе оценивания. **Отлично:** если студент глубоко и прочно усвоил весь программный материал, исчерпывающе, последовательно, грамотно и логически стройно его излагает, тесно увязывает с задачами своего обучения и практической деятельностью, не затрудняется с ответом, умеет самостоятельно обобщать и излагать материал, не допуская ошибок. Здесь учитывается активная работа на очных лекциях и семинарах, выполненные на максимальный балл задания дистанционного курса. **Хорошо:** если студент твердо знает программный материал, грамотно и по существу излагает его, не допускает существенных неточностей в ответе на вопрос, может правильно применять теоретические положения и владеет необходимыми умениями и навыками при выполнении практических заданий. Сюда входит работа на очных лекциях и семинарах, пропуски по уважительным причинам очных занятий, полностью выполненные задания дистанционного курса. **Удовлетворительно:** если студент освоил только основной материал, но не знает отдельных деталей, допускает неточности, недостаточно правильные фор-

Таблица 2

Формирование оценки за курс «Философия»

Формат	Контрольное мероприятие	Вклад в итоговую оценку дисциплины (% освоения курса)
В портале, дистанционно	Задания к лекциям 1—12	10 %
В портале, дистанционно	Задания к семинарам 1—12	20 %
Очно, в аудитории	Работа на семинарах (количество очных семинаров объявляется для каждой группы в соответствии с расписанием)	40 %
В портале, дистанционно	Аттестация 1, 2	10 %
Очно, в аудитории	Экзамен	20 %
ИТОГО		100 %

мулировки, нарушает последовательность в изложении программного материала. Оценка «удовлетворительно» складывается из пассивного участия в очных лекциях и семинарах, многочисленных пропусков очных занятий, но предполагает полностью выполненные задания дистанционного курса. **Неудовлетворительно:** если студент не знает значительной части программного материала, допускает существенные ошибки, имеет многочисленные пропуски очных занятий по неважным причинам, невыполненные задания дистанционного курса.

Заключение

Материал, представленный в статье, является опытом преподавателей кафедры философии Южно-Уральского государственного университета по имплементации методов и процедур философской практики в реальный образовательный процесс. Этот опыт был бы невозможен без обращения к формату смешанного обучения, где весь массив государственного образовательного стандарта переведен в дистанционный формат. Этот опыт является первым шагом в экспериментальной работе со студентами по моделям философской практики. Эксперимент стартовал в сентябре 2018 г. Планируется проведение эксперимента в течение всего учебного 2018—2019 г. С целью обработки данных эксперимента было установлено сотрудничество с коллегами из других структурных подразделений Южно-Уральского государственного университета: кафедра социологии и политологии отвечает за составление опросного листа в дискурсе переоценки ценностей (по аксиологической теории М. Вебера); Высшая Школа Электроники и Компьютерных Технологий займется обработкой количественных данных, собранных в рамках эксперимента.

Данный этап — это начальная стадия в проведении эксперимента. Но уже сегодня можно сделать предварительные выводы:

1. Студенты всех специальностей положительно реагируют на объявление лектора в начале курса о том, что в связи с применением технологий дистанционного образования посещение лекций и семинаров является свободным. Вместе с тем, большая часть студентов (около 70 % от общего количества студентов из потока) продолжает посещение очных занятий. На вопрос лектора и ведущего семинаров о том, зачем они это делают, студенты отвечают, что отсутствие внешней необходимости (или даже обязательности)

в посещении дисциплины действует на них расслабляющим образом: они способны сосредоточить свое внимание на том, что им действительно интересно. Отсутствие внешнего императива (сдать экзамен только при условии 100 % посещаемости) открывает для них возможность окунуться вглубь предмета, а живой диалог с преподавателем в форме вопросов и ответов усиливает этот эффект.

2. Студенты технических специальностей положительно реагируют на тот факт, что ведение философских бесед возможно на «человеческом» языке. Особенно здесь выделены представители технических специальностей (в нашей выборке это студенты-строители разных профилей) по причине того, что прежде всего у них возникают сложности с освоением дисциплины философии из-за специфики гуманитарного терминологического аппарата. Иными словами, у них вызывают сложности рассуждения на научном философском языке. В этом случае процедуры философской практики изначально были ориентированы на «человека с улицы» (Р. Лахав). Это не означает того, что преподаватель низводит философию до языка повседневности. Это указывает на то, что преподаватель приглашает своих студентов к размышлению, постепенно вводя их в состояние, когда естественной становится апелляция к языку философии.

3. Обращение к собственному опыту вызывает живой интерес у студенческой аудитории. Речь более не о Сократе и Главконе из «Государства», не о Менекее из письма Эпикура, речь не об уникальном опыте Р. Декарта или И. Канта — философия разворачивается как *моя* речь *обо мне*. В этом случае философствование опускается из уровня абстракций в живой экзистенциальный опыт. Подобное движение сопровождается своими трудностями: большинство студентов не привыкло рассуждать таким образом. Их так не учили, у них нет шаблонов подобного поведения. Указание на то, что в философствовании не должны быть шаблоны, облегчает поставленную задачу. Более того, философская практика не есть свободное размышление на заданную тему; философ-практик как светоч указывает путь своими упражнениями. Философ-преподаватель может высветить на своих занятиях путь студента в глубины самого себя и бытия. Но только сам студент отвечает на вопрос, стоит ли двигаться в предложенном направлении.

1. Адо П. Духовные упражнения и античная философия. М. ; СПб. : Степной ветер : Коло, 2005.

2. Борисов С. В. Как практиковать философию в мире повседневности // *Sententia. European Journal of Humanities and Social Sciences*. 2017. № 1. С. 1—14.

3. Борисов С. В. Теория и практика философского консультирования: компаративистский подход // *Социум и власть*. 2018. № 2 (70). С. 103—110.

4. Борисов С. В. Язык философской практики: краткий словарь-презентация. Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2018.

5. Борисов С. В., Гредновская Е. В., Динабург С. Р. Философская практика: лето — осень 2017 (по материалам российских семинаров с международным участием) // *Социум и власть*. 2017. № 6 (68). С. 131—139.

6. Гончарова М. В., Дыдров А. А., Лаптева У. В. Инструменты виртуальной реальности в контексте образования // *Социум и власть*. 2017. № 5 (67). С. 14—19.

7. Гредновская Е. В. Философский текст: теория и практика : учеб. пособие. Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2017.

8. Гредновская Е. В., Дыдров А. А. Феномен футуризации российского образования: социально-философский анализ // *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. 2017. Т. 6. № 2А. С. 176—186.

9. Гредновская Е. В., Кленовская В. А. Философская практика в образовательном пространстве высшей школы как практика «заботы о себе» (опыт кафедры философии Южно-Уральского государственного университета) // «Забота о себе» как образовательная практика современного классического университета : сб. ст. и материалов междунар. науч. конф. / отв. ред. Г. И. Петрова. Челябинск, 2018. С. 171—180.

10. Дыдров А. А. Синергия гуманитаризации и футуризации как условие функционирования интерпретационной машины // *Социум и власть*. 2017. № 2 (64). С. 96—100.

11. Кравченко Г. В. Использование модели смешанного обучения в системе высшего образования // *Известия Алтайского государственного университета*. 2014. Т. 1. № 2 (82). С. 22—25.

12. Что такое смешанное обучение / iSpring. Блог о дистанционном обучении. URL: <https://www.ispring.ru/elearning-insights/chto-takoe-smeshannoe-obuchenie/> (дата обращения: 18.10.2018).

13. Benedicto Kreisler J. Seize the opportunity to think differently! A Deleuzian approach to unleashing becomings in education // *Educational Philosophy and Theory*, 2016. № 48 (14). P. 1475—1485.

14. Dietrich M., Laerhoven K. van. Reflect yourself!: Opportunities and limits of wearable activity recognition for self-tracking // *Lifelogging: Digital Self-Tracking and Lifelogging — between Disruptive Technology and Cultural Transformation*. Bern : Springer, 2016. P. 213—233.

15. D'Olimpio L. Media and Moral Education: A Philosophy of Critical Engagement. London : Routledge, 2017. 136 p.

16. Garrison D.R., Kanuka H. Blended learning:

Uncovering its transformative potential in higher education // *Internet and Higher Education*. 2004. № 7 (2). P. 95—105.

17. Jakshylykov J.J., Nurmatov N.A. Integration challenges of university and information management system (uims) to Moodle // *Integration of education*. 2016. Vol. 20, № 2 (83). P. 158—163.

18. Miri M. The Place of Humanities in Our Universities. London : Routledge India, 2017. 214 p.

19. Novikova I.A., Vorobyeva A. Big five factors and academic achievement in Russian students // *Psychology in Russia: State of the art*. 2017. Vol. 10, № 4. P. 93—106.

20. Papaspyrou S., Koutsouris A. The educational philosophy of Greek extensionists vis-à-vis contemporary extension thinking: a critical appraisal // *Journal of Agricultural Education and Extension*. 2018. № 24 (4). P. 345—360.

21. Simarmata J., Djohar A., Purba J., Juanda E.A. Design of a Blended Learning Environment Based on Merrill's Principles // *Journal of Physics: Conference Series*. 2018. № 954 (1).

22. The Definition of blended-learning // *Teachthought: We grove teacher*. URL: <https://www.teachthought.com/learning/the-definition-of-blended-learning/> (accessed: 18.10.2018).

23. Vanslambrouck S., Zhu C., Lombaerts K., Philipsen B., Tondeur J. Students' motivation and subjective task value of participating in online and blended learning environments // *Internet and Higher Education*. 2018. № 36. P. 33—40.

24. Devivere B. von. Meaningful work: Viktor Frankl's legacy for the 21st century. Frankfurt am Main : Springer International Publishing, 2018. 320 p.

25. Yang F. Taoist wisdom on individualized teaching and learning — Reinterpretation through the perspective of Tao Te Ching // *Educational Philosophy and Theory*. 2018. P. 1—11.

26. Zipory O. On Educating While Hoping for the Impossible: Gabriel Marcel's Absolute Hope as a Rejection of Educational Instrumentalism // *Studies in Philosophy and Education*. 2018. № 37 (4). P. 383—399.

27. Zovko M.-É. Worldly and otherworldly virtue: Likeness to God as educational ideal in Plato, Plotinus, and today // *Educational Philosophy and Theory*. 2018. № 50 (6—7). P. 586—596.

References

1. Hadot P. (2005) *Duchovnye uprajchneniya I antichnaya philosophia*. Moscow, Saint Petersburg, Stepnoi Veter, Kalo [in Rus].

2. Borisov S.V. (2017) *Sententia. European Journal of Humanities and Social Sciences*, no. 1, pp. 1—1 [in Rus].

3. Borisov S.V. (2018) *Socium I Vlast'*, no. 2 (70), pp. 103—110 [in Rus].

4. Borisov S.V. (2018) *Yazyk filosofskoi praktiki: kratky slovar'-prezentacia*. Chelyabinsk, Izdatel'stvo SUSU [in Rus].

5. Borisov S.V., Grednovskaya E.V., Dinaburg S.R. (2017) *Socium I Vlast'*, no. 6 (68), pp. 131—139 [in Rus].

6. Goncharova M.V., Dydrov A.A., Lapteva U.V.

- (2017) *Socium I Vlast'*, no. 5 (67), pp. 14—19 [in Rus].
7. Grednovskaya E.V. (2017) Philosophskiy text: teoria I praktika: uchebnoe posobie. Chelyabinsk, Izdatel'stvo SUSU [in Rus].
8. Grednovskaya E.V., Dydrov A.A. (2017) *Kontext I Refleksia: philosophia o mire I cheloveke*, vol. 6, no. 2A, pp. 176—186 [in Rus].
9. Grednovskaya E.V., Klenovskaya V.A. (2018) "Zabota o sebe" kak obrazovatel'naya praktika sovremenno klassicheskogo universiteta. Chelyabinsk, pp. 171—180 [in Rus].
10. Dydrov A.A. (2017) *Socium I Vlast'*, no. 2 (64), pp. 96—100 [in Rus].
11. Kravchenko G.V. (2014) *Izvestia Altaiskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, vol. 1, no. 2 (82), pp. 22—25 [in Rus].
12. Chto takoe smachannoe obuchenie? [What is Blended Learning] Available at: <https://www.ispring.ru/elearning-insights/chto-takoe-smeshannoe-obuchenie/>, accessed 18.10.2018 [in Rus].
13. Benedicto Krejsler J. (2016) *Educational Philosophy and Theory*, no. 48 (14), pp. 1475—1485 [in Eng].
14. Dietrich M., Laerhoven K. van (2016) Reflect yourself!: Opportunities and limits of wearable activity recognition for self-tracking // *Lifeloggging: Digital Self-Tracking and Lifelogging — between Disruptive Technology and Cultural Transformation*. Bern, Springer, pp. 213—233 [in Eng].
15. D'Olimpio L. (2017) *Media and Moral Education: a Philosophy of Critical Engagement*. London, Routledge, 136 p. [in Eng].
16. Garrison D.R., Kanuka H. (2004) *Internet and Higher Education*, no. 7 (2), pp. 95—105 [in Eng].
17. Jakshylykov J.J., Nurmatov N.A. (2016) *Integration of education*, vol. 20, no. 2 (83), pp. 158—163 [in Eng].
18. Miri M. (2017) *The Place of Humanities in Our Universities*. London, Routledge India, 214 p. [in Eng].
19. Novikova I.A., Vorobyeva A. (2017) *Psychology in Russia: State of the art*, vol. 10, no. 4, pp. 93—106 [in Eng].
20. Papaspyrou S., Koutsouris A. (2018) *Journal of Agricultural Education and Extension*, no. 24 (4), pp. 345—360 [in Eng].
21. Simarmata J., Djohar A., Purba J., Juanda E.A. (2018) *Journal of Physics: Conference Series*, no. 954 (1) [in Eng].
22. The Definition of blended-learning / Teachthought: We grove teacher. Available at: <https://www.teachthought.com/learning/the-definition-of-blended-learning>, accessed 18.10.2018 [in Eng].
23. Vanslambrouck S., Zhu C., Lombaerts K., Philipsen B., Tondeur J. (2018) *Internet and Higher Education*, no. 36, pp. 33—40 [in Eng].
24. Devivere B. von (2018) *Meaningful work: Viktor Frankl's legacy for the 21st century*. Frankfurt am Main, Springer International Publishing, 320 p. [in Eng].
25. Yang F. (2018) *Educational Philosophy and Theory*, pp. 1—11 [in Eng].
26. Zipory O. (2018) *Studies in Philosophy and Education*, no. 37(4), pp. 383—399 [in Eng].
27. Zovko M.-É. (2018) *Educational Philosophy and Theory*, no. 50 (6—7), pp. 586—596 [in Eng].

For citing: Apukhtina N.G.,
Milyaeva E.G., Penner R.V.
Methods of philosophical practice
(philosophical consulting and companionship)
for students: an educational experiment. Part I //
Socium i vlast' 2018. № 6 (74). P. 68—78.

UDC 101

METHODS OF PHILOSOPHICAL PRACTICE (PHILOSOPHICAL CONSULTING AND COMPANIONSHIP) FOR STUDENTS: AN EDUCATIONAL EXPERIMENT. PART I

Nina G. Apukhtina,

Chelyabinsk State Institute of Culture,
Professor of the Department Chair
of Philosophical Sciences,
Doctor of Philosophy, Professor.
Russian Federation,
454091, Chelyabinsk, ulitsa Ordjonikidze, 36-a.
E-mail: apuchtinang@susu.ru

Ekaterina G. Milyaeva,

South Ural State University,
Senior Lecturer of the Department Chair
of Philosophy,
Russian Federation,
454080, Chelyabinsk, prospect Lenina, 76.
E-mail: miliaevaeg@susu.ru

Regina V. Penner,

South Ural State University,
Associate Professor of the Department Chair
of Philosophy, Cand.Sc. (Philosophy).
Russian Federation,
454080, Chelyabinsk, prospect Lenina, 76.
E-mail: penner.r.v@gmail.com

Abstract

Introduction. Philosophical practice is attracting the increasing attention of philosophers from Russia. At the same time, the practice of philosophizing was already implemented by the very first thinkers, the first philosophers (Plato, Epicurus, Zeno of Elea). In many countries of America (the USA, Mexico, Argentina, Brazil) and in some countries of Europe (Spain, Italy, Germany), philosophical practice has already been incorporated into some educational programs and courses. In Russia, this process is just beginning. Therefore, it is important

now to ask about the possibilities of implementing the methods of philosophical practice in the system of actual academic education.

The aim of the study is to identify possibilities of applying methods of philosophical practice (philosophical consulting, philosophical companionship, Socratic dialogue) in teaching philosophy with the condition of fulfilling the requirements of the federal educational standard.

Methods. The study is based on a pedagogical experiment with third-year students from the Institute of Architecture and Construction (South Ural State University) to introduce philosophical practices in a series of seminars in philosophy. The study used general scientific methods – analysis and synthesis, induction, deduction, abstraction. Moreover, a comparative historical method, an interpretation method and a systematic approach are applied.

Scientific novelty of the study. The forms of implementation of philosophical practice methods in the model of academic university education are revealed.

Results. Philosophical practice points to the doing of philosophy, while the academic course of philosophy remains a translation of theoretical material. Their connection is possible, when the mandatory requirements for the development of knowledge and skills of students at the time of completion of the course will be made in the distance format. The blended learning model implements the variant of the teacher's work with the student, when philosophy is implemented in the educational audience, and in the distance format – the theoretical development of the discipline.

Conclusions. The problem of the implementation of the practices of philosophizing gave rise to an invitation to a discussion on current educational models. The authors of the article point out that educational programs should respond to changes in the world. This may not always be distance courses only. The model of blended education is a new educational form, in which today we can highlight its pros and cons. The article can give a reason for reflection on the optimal forms of teaching philosophy in modern conditions.

Key concepts:

philosophical practice
philosophical counseling
philosophical education
educational experiment
philosophizing.

Для цитирования: Пашинцев Е. В. Специфика религиозной культуры в зеркале социальной философии // Социум и власть. 2018. № 6 (74). С. 79—85.

УДК 101

СПЕЦИФИКА РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЫ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Пашинцев Евгений Васильевич,

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, кафедра философии и культурологии, доктор философских наук, доцент.

Российская федерация, 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 69.
E-mail: izobretatel49@mail.ru

Аннотация

Восстановление русской религиозной матрицы мышления после семидесятилетнего господства партийно-государственного атеизма требует вдумчивого и непредвзятого анализа специфики религиозной культуры. В статье раскрываются закономерности перехода от мифологии к религиозному способу мышления, определяется место религии в историческом ряду трех групповых и трех общественных форм сознания.

Парадоксальность религиозного феномена состоит в том, что по форме своего существования она представляет собой явление общественного сознания, а по культурно-историческому содержанию замыкает собой последовательность групповых форм сознания. Непреходящая ценность религиозной культуры состоит в том, что она является первым синкретическим основанием будущих зрелых форм человеческой духовности.

Ключевые понятия:

архаическое сознание, мифология, религия, идеология, наука, групповые и общественные формы сознания.

С чисто хронологической точки зрения переход от мифологического восприятия действительности к господству мировых религий не вызывает никаких сомнений. В то же время невозможно отрицать и другой культурно-исторический факт — доминирующую роль науки в современном общественном сознании. Но в таком случае исходная проблема — специфика религиозной культуры — приобретает объемный исторический характер: мы обязаны рассматривать религиозный феномен как «на входе», так и «на выходе». Концептуальное решение указанной проблемы выходит далеко за рамки данной статьи, поскольку требует от коллективной философской мысли «до-страивания материализма доверху», иными словами, требует перехода от исторического материализма к материализму *гуманитарному*. Это означает, что принцип научного детерминизма должен быть распространен также и на сферу духовных явлений и предполагает в перспективе построение целостной теории *духовно-исторических* формаций. Любопытно, что подобную задачу уже поставили перед философским цехом представители современного философского идеализма. Вот мнение на этот счет Э. Кассирера: «Если не удастся обнаружить общего закона, в силу которого одна форма духа с необходимостью вытекает из другой, пока наконец весь ряд форм духа не окажется подвластен этому принципу, совокупность этих форм, как нам кажется, не может более мыслиться как замкнутый в себе космос» [10, с. 175]. В еще более категоричной форме о методологическом несовершенстве гуманитарного знания высказался Э. Гуссерль. Он писал: «ученые-гуманитарии даже не удосужились хотя бы поставить проблему универсальной и чистой науки о духе и построить теорию сущности духа как такового» [7, с. 300].

В данной статье в качестве концептуальной матрицы для определения места и специфики религиозной культуры используется теоретическая модель, в соответствии с которой историю мировой культуры можно рассматривать как закономерную последовательность трех групповых и трех общественных форм сознания [16, с. 335—359]. Забегая несколько вперед, отметим принципиальное различие между групповыми и общественными формами сознания. Качественный барьер между ними обусловлен тем, что групповые формы сознания производятся самими индивидами в процессе их непосредственного общения. Формы общественного сознания создаются

системой социальных институтов с помощью социокультурных средств, недоступных отдельному индивиду, а именно: наличие религиозных текстов, профессиональных священнослужителей и системного характера идеологии, поглощающей индивидуальную человеческую мысль. Вот почему категория общественного сознания «приложима только к обществу как целому» [5, с. 79]. Особенность религиозной культуры состоит в том, что она замыкает собой последовательность групповых форм сознания и открывает возможность перехода человеческого Духа к последовательности зрелых форм общественного сознания. Остается лишь добавить: как и в теории общественных формаций в основу каждой духовной формации положен характерный только для нее *способ мышления*, т. е. специфическое соотношение мышления и бытия.

Первым в ряду групповых форм сознания выступает так называемое *архаическое* сознание. Специальное историческое исследование показывает: «архаическое сознание «овеществляло» создаваемые им образы-идеи, наделяло их плотью и кровью, способностью к метаморфозам и никогда не противопоставляло материальному, реально существующему миру» [9, с. 257]. Как видим, специфическим признаком архаического сознания является гносеологическое **тождество мышления и бытия**. Смысл этого гносеологического тождества состоит в том, что первобытный человек в отличие от животного движется в физическом пространстве, подчиняясь идеально закрепленным алгоритмам производственного процесса. Если в основу понятия мифа положить исходный принцип тождества мышления и бытия, то мы с полным основанием можем определить архаическое сознание как *производственную* форму мифа. Наверное, самым древним выражением производственного мифа можно считать древнеегипетского бога плодородия Мина. То, что по значимости он идет вслед за двумя другими богами Озирисом и Изидой, свидетельствует о том, что цивилизация Древнего Египта успела включить его в состав более зрелой формы мифа.

Следующая ступень в исторической последовательности форм группового сознания — это *Мифология*. Нетождественность первобытных мифов и мифологии заметна даже в терминологическом плане: ведь мифология — это осознанная форма мифа. Не случайно, профессиональная историческая мысль вынуждена констатировать их различие, фиксируя «причудливое переплетение

первобытных верований и мифологии» [2, с. 10]. Однако действительная сущность мифологии как «осознанного мифа» имеет не только терминологические, но и более глубокие социокультурные основания. Речь идет о неизбежном разрушении первобытного тождества мышления и бытия, составившего основу первоначальной архаической культуры. В традиционной философии культуры этот фундаментальный историко-философский факт осознается как признание того, что «человек начинает различать представления о мире от реального мира» [7, с. 314]. С точки зрения социокультурного детерминизма указанная психологическая констатация выглядит явно недостаточной. Возникает естественный вопрос: в силу каких причин в античном сознании «распространяется закрепленное в языке «знание» этих мифологических сил (в самом широком смысле понимаемых как личностные)» [7, с. 312]? Ответ совершенно очевиден: разложение коллективной оболочки архаического сознания свидетельствует о возникновении дискретного духовного пространства, а именно: «С отделением личной жизни от общественной самосознание также «приватизируется» [11, с. 167]. При этом социальная локализация группового сознания происходит не на собственной — еще не существующей — духовной основе, а на основе дискретности институционализованного социального пространства. Институт собственности — вот историческая колыбель человеческой индивидуальности.

Разложение первоначального духовного синкретизма и рождение человеческой индивидуальности — это, несомненно, величайшее событие в человеческой истории. Именно так оно и было зафиксировано средствами социально-философского анализа. Характеризуя важнейший «рубикон», преодоленный человечеством на пути к индивидуальной свободе духа, К. Ясперс констатировал: «В осевое время сложилось самосознание человека» [23, с. 206]. Вывод необычайно значимый, но требующий культурно-исторического уточнения, поскольку личностная форма самосознания характерна только для западной культуры, но не для философии древнего Востока. Сравнивая между собой две культурно-исторические данности, О. Шпенглер писал: «В таком *анонимном облике*, характерном для всей индийской истории, лежит перед нами индийская философия. Теперь сравним с ней резко очерченную историю западной философии, состоящую из книг и личностей с определенно выраженной физиономией»

[22, с. 44]. В защиту концепции «осевого времени» можно высказать следующее теоретическое предположение: обращаясь к культуре Древнего Востока, мы сталкиваемся с *анонимной* формой личности, подобно тому как творческий потенциал современного ученого прячется за анонимностью открываемых им законов. Иначе зачем были бы нужны околонучные персонификации типа «закон Ома» или «таблица Менделеева»? Определяя глубинные исторические корни Мифологии как самостоятельной формы культуры, мы приходим к выводу, что первоначально бессознательное отношение человека к природе стало осознанным только потому, что появилось новое отношение — человека к человеку. А это отношение стало возможным только благодаря его объективации в системе социальных институтов. Тогда как для архаического сознания дело обстоит наоборот: «Первоначально люди вовсе не осознают своих отношений к коллективу» [13, с. 305].

Завершая описание общих теоретических контуров Мифологии, мы приходим к выводу, что мифологическое сознание воплощает в себе *личностную* форму культуры. «**Миф есть бытие личностное**» [14, с. 74], — писал в свое время А. Ф. Лосев, раскрывая глубинную природу мифологического сознания. Но о какой личности в данном случае идет речь? Логика социокультурного детерминизма подсказывает, что мы имеем дело с *социальным* типом личности, психологическое содержание которого определено институциональными границами. Наиболее отчетливо этот социализированный характер античной культуры был осознан представителями классической русской философии. Например, Н. А. Бердяев, анализируя вопрос о социокультурной природе личности, писал: «В собственности есть онтологическое зерно, она имеет связь с самим принципом личности» [3, с. 230]. В свою очередь, С. Л. Франк, размышляя об идее христианской, т. е. духовной личности, писал, что «античность этой идеи не имела» [19, с. 233]. Современная историко-философская наука, подтверждает данный вывод: «Упреки совести Одиссею неведомы» [21, с. 121]. Именно потому, что для античной культуры решающее значение имели не духовные, а социальные ценности. Вот почему «у Гомера все в нравственном отношении безразлично кроме мужества — этой главной и единственной добродетели и трусости — главного и единственного порока» [21, с. 121].

Поскольку мифологическая культура разрывает первобытное тождество мышления

и бытия, постольку гносеологическая формула Мифологии предстает как **отношение мышления к бытию**. Специфику античного феномена, подарившего нам наиболее яркий образец мифологической культуры, можно объяснить, прежде всего, тем, что представитель древнегреческого полиса демонстрировал собой социальное явление «в квадрате». Свободный античный индивид был гражданином полиса потому, что был собственником надела земли, и он был земельным собственником благодаря тому, что был гражданином полиса. Это еще одно доказательство того, что Мифология как вторая ступень групповых форм сознания является *социальной* формой мифа. Очень точно этот социокультурный факт был зафиксирован в этической литературе: «Мироздание в представлении эллина сливалось воедино с миром античного полиса; правящий в нем «логос» выражал идею векодавнего миропорядка традиционных и полисных отношений» [8, с. 23]. Однако в Мифологии элемент тождества мышления и бытия полностью не исчезает. Если в онтологическом плане мифологический субъект уверенно выделяет себя из природы, то в гносеологическом отношении он еще не в состоянии зафиксировать свою принадлежность к миру культуры, поэтому не задумываясь, наделяет мир бытия всем социокультурным богатством своего мышления. Лучшим доказательством этого гносеологического тождества бытия с мышлением является древнегреческий (а также славянский) пантеон богов.

Переходя к анализу заключительного, религиозного, этапа в культурно-исторической динамике групповых форм сознания, зафиксируем сам факт нетождественности мифологической и религиозной культуры. В современной учебной литературе данный факт рассматривается как вполне очевидный, а именно: «Мифология существует отдельно от религии как самостоятельная, относительно независимая форма общественного сознания» [17, с. 18]. К сожалению, именно эта очевидность закрывает возможность дальнейшего конструктивного анализа проблемы. Использование расширительного значения термина «общественный» с самого начала закрывает вопрос о предыстории зрелых форм культуры. Поэтому для доказательства переходного характера религиозной культуры рассмотрим поочередно те гносеологические эффекты, которые возникают «на входе» и «на выходе» из заповедного религиозного царства. Под «гносеологическими эффектами» в данном случае имеются в виду те изменения

в отношении мышления и бытия, которые в первую очередь касаются внутреннего содержания (бытийности) самого мышления.

Итак, «на входе» в религиозное Царство Духа обнаруживается целый спектр смысловых значений, подтверждающих рождение новой духовной формации. Первое, что роднит в этом переходе Мифологию и Религию — это систематизация языческих мифов, сведение их к единому духовному знаменателю. «В понятии Бога, — констатирует Э. Гуссерль, — существенна единичность» [7, с. 316]. Монотеизм, идя на смену политеизму, упорядочивает ментальное пространство, поскольку подчиняется единому Богу легче, чем пантеону богов. Именно в этом отношении Религия как универсальный миф представляет собой завершение форм *группового* сознания. Во-вторых, с мифологическим способом мышления Религию объединяет личностная форма восприятия действительности: «Религия и мифология — обе живут *самоутверждением личности*» [14, с. 91]. Но монотеистический Бог — это уже не социальный, а *идеологический* тип личности, воплощающий в себе систему ценностей и норм. В этом пункте Религия максимально удаляется от Мифологии, поскольку идеология — это «инструмент» для производства общественных, а не групповых форм сознания. Любая совокупность норм нуждается в едином идеологическом масштабе, поскольку именно «идеология как способ производства общественной формы сознания» [18, с. 32] является наиболее крупной формой систематизации исторического опыта. Третья черта, которая объединяет все групповые формы сознания, включая религию, — это принцип тождества мышления и бытия, который позволяет применять к ним один и тот же термин «миф». Различие состоит в том, что архаическое сознание отождествляет бытие с орудийной формой деятельности, Мифология придает бытию черты социального порядка (Логос, Дао, Земля обетованная), а Религия отождествляет бытие с системой духовных ценностей, т. е. с религиозной идеологией (Царство Божие).

Идеологическая диктатура религиозного сознания наиболее отчетливо проявляется в библейских заповедях. Если мы внимательно присмотримся к каждой заповеди, то обнаружим, что религиозная культура подготавливает почву для будущего институционального единства общества, которое станет реальностью только с возникновением буржуазной цивилизации. Вот несколько примеров: заповедь «не убий» — это не что

иное, как идеологическое описание института государства, которое берет на себя право казнить и миловать; далее: «не укради» — институт собственности, «не прелюбодействуй» — институт семьи, «не лжесвидетельствуй» — институт права.

Четвертая специфическая черта религиозной идеологии, максимально отличающая ее от групповых форм сознания, — это культурное раздвоение психического мира индивида. Рядом с языческим «Я» в одном и том же психическом пространстве поселяется коллективное «Мы». Аврелий Августин, один из наиболее выдающихся «отцов церкви», зафиксировал в своей «Исповеди» этот парадокс культурного раздвоения человеческой психики: «Что за странное явление! Откуда оно и в чем его причина? Когда дух приказывает телу, оно повинуетя тотчас, а когда приказывает самому себе, то сам же противится» [20, с. 384].

Виртуальная дистанция между языческим «Я» и религиозным «Мы» порождает в сознании индивида необычайно яркое ощущение внутренней свободы. Думается, что знаменитый библейский тезис о «сотворении Мира» вызван именно этим всплеском творческой активности человеческого духа. Вот эта идеологическая концентрация человеческого Духа в рамках индивидуального сознания позволяет говорить о том, что гносеологическая формула религиозной культуры представляет собой **отношение общественного сознания к бытию**. Как видим, три формы группового сознания объединяет одно и то же созерцательное отношение к природному бытию. Напомним, что даже Л. Фейербах, предпринявший самую радикальную попытку развенчать религиозную мифологию, так и не смог, согласно Максму, разглядеть общественные контуры окружающего человека бытия.

Соединение внутренней свободы человеческого мышления с его нормативной упорядоченностью порождает самый яркий продукт религиозной культуры — *духовность* человеческого сознания. Одухотворенная душа — это человеческая душа, приобщенная к миру общечеловеческих ценностей. Выскажем предположение: витиеватая духовная биография Аврелия Августина («самый грешный из святых и самый святой из грешников») объясняется неудержимым стремлением беспокойной языческой души к обретению высшего нравственного покоя. И вновь мы обнаруживаем прогрессивную последовательность в развитии форм группового сознания. А именно: производственный миф дарит челове-

ческому сознанию качество *идеальности*, т.е. свободу оперирования орудийными и групповыми символами, социальный миф придает человеческому сознанию качество *субъективности* (субъектности), а идеологический миф закрепляет в человеческой психике ощущение ничем не ограниченного творческого потенциала, именуемого *духовностью*. Вот как эту мысль выразил Н. А. Бердяев: «Творческий акт человека и возникновение новизны в мире не могут быть поняты из замкнутой системы бытия» [4, с. 23].

Остается выяснить, какие гносеологические эффекты возникают в человеческом сознании при переходе от господства религиозной мифологии к культурному доминированию Науки как формы общественного сознания. Генетическое родство Религии и Науки порождает легкий культурный шок в сознании человека, стихийно разделяющего созерцательное отношение к миру духовных ценностей. Напротив, анализ истории духовной культуры как закономерной последовательности духовных формаций убеждает в том, что Науке попросту неоткуда взяться, как только не отпочковаться от царства религиозной культуры. Духовный синкретизм религиозной культуры убедительно зафиксировал В. Виндельбанд, выдвинув положение о том, что религия не соответствует «никакой особой области разумных ценностей: все содержимое в ней элементы абсолютных ценностей распределяются между тремя царствами истины, добра и красоты» [6, с. 64]. Понятно, что три упомянутых «царства» представляют собой не что иное, как хорошо знакомые гуманитарному мышлению формы общественного сознания, известные как Наука, Мораль и Искусство.

Отметим самые общие черты гносеологического родства Религии и Науки. Первая и самая неожиданная черта — это абстрактная природа религиозного мышления. Приобщая миллионы верующих к постоянному общению с трансцендентными субъектами, церковь подготавливает историческую почву для перехода к символическим научным абстракциям. А концентрация человеческого духа в символах веры служит предпосылкой для возникновения в будущем коллективной мощи научного мышления, спрессованного с помощью логических понятий и категорий. Остается только перерезать духовную пуповину, связывающую мир природы с актом божественного творения, и природный универсум превратится в неисчерпаемую совокупность полезных вещей, которые

можно заставить взаимодействовать в интересах человека.

Как видим, разложение первой формы зрелого духовного синкретизма могло протекать только в направлении объективации и деперсонализации религиозного способа мышления. Духовно-исторический прогресс в данном случае налицо: коллективная мощь человеческого Духа получила возможность реализовать себя вовне — в виде естественнонаучных и технологических алгоритмов мышления и деятельности. Этот социокультурный факт известный немецкий философ Т. Одорно зафиксировал следующим образом: «В результате краха теологического космоса окончательно осуществился радикальный прорыв границы между внутренним и внешним мирами» [1, с. 176]. Именно это историческое обстоятельство позволяет вывести гносеологическую формулу зрелого научного рационализма, которая выступает как отношение **общественного сознания к общественному бытию**. Остается лишь добавить, что сформулированное Марксом материалистическое понимание истории (речь идет о соотношении общественного сознания и общественного бытия) является не только распространением материализма на область общественных явлений, но и одновременно констатацией гносеологической специфики зрелого научного рационализма.

Таким образом, мы приходим к заключительному выводу: религия как самостоятельная духовная форма обладает переходным культурно-историческим статусом. По **форме** своего идеологического способа существования она является общественным сознанием, а по мифологическому **содержанию** представляет собой феномен группового сознания. Взглянем с позиций социокультурного детерминизма на самый известный Догмат Церкви: «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа». Первая часть этого священного для верующих текста обнаруживает связь религиозной культуры с ее мифологическими истоками. Здесь же наблюдается вкрапление архаического сознания, поскольку отношение Отца и Сына, как бы его не истолковывали, является кровнородственным отношением. Вторая часть — наличие «Святаго Духа» — преодолевает кровнородственную связь, утверждая сверхчувственный и независимый характер духовного пространства. По мнению Р. Кронера, Иисус Христос «принес на Землю Царствие небесное и подчинил вечность времени» [12, с. 267]. Но эта сияющая чистота общечеловеческого Духа достигается дорогой

ценной — полным отрывом религиозного царства от реальной исторической почвы, поскольку «религиозная вера направлена на неизменное» [12, с. 267]. Тем не менее приходится признать: до настоящего времени человеческое общество так и не сумело создать более устойчивый и посюсторонний очаг доброты и человечности.

Однако принцип социокультурного детерминизма позволяет увидеть далекий свет в конце туннеля. Инструментально-разрушительный, дегуманизирующий характер современного научного рационализма (упоманем только три его «достижения»: оружие массового поражения, шоковые терапии и расовые теории) свидетельствует о том, что мы стоим на пороге новой духовной революции, превосходящей своим гуманистическим потенциалом раннехристианскую эпоху. Речь идет о зарождении новой духовной формации — общечеловеческой Морали, в основе которой будет лежать любовь не к Богу, не к избранному классу или нации, а к обыкновенному человеческому индивиду. Гносеологической формулой новой духовной формации станет критическое **отношение индивидуального сознания к общественному бытию**, поскольку последнее, выражаясь словами Макса, должно соответствовать человеческому достоинству. Понятно, что поставить человеческого индивида в центр мироздания невозможно, сохраняя условия социального неравенства.

1. Адорно Теодор В. Проблемы философии морали. М. : Республика, 2000. 138 с.
2. Барг М. А. Эпохи и идеи: становление историзма. М. : Мысль, 1987. 354 с.
3. Бердяев Н. А. О назначении человека // Мир философии. Т. 2. М., 1991. С. 230.
4. Бердяев Н. А. Самопознание (опыт философской автобиографии). М. : Книга, 1991. 446 с.
5. Бурдина А. И. Общественное сознание как проблема диалектического и исторического материализма. М. : Высш. шк., 1979. 175 с.
6. Виндельбанд В. Философия культуры и трансцендентальный идеализм // Культурология. XX век : антология. М. : Юрист, 1995. 703 с.
7. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Культурология. XX век : антология. М. : Юрист, 1995. 703 с.
8. Дробницкий О. Г. Понятие морали. М. : Наука, 1974. 388 с.
9. Иорданский В. Б. Хаос и гармония. М. : Наука, 1982. 343 с.
10. Кассирер Э. Философия символических форм // Культурология. XX век : антология. М., 1995. 703 с.
11. Кон И. С. Открытие «Я». М. : Политиздат, 1978. 367 с.

12. Кронер Р. Самоосуществление духа // Культурология. XX век : антология. М. : Юрист, 1995. 703 с.
13. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М. : Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1959. 345 с.
14. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М. : Политиздат, 1991. 525 с.
15. Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 46. Ч. 1. М. : Политиздат, 1968. 559 с.
16. Пашинцев Е. В. Периодизация всемирной истории: критика классического формационного учения : монография. Екатеринбург : Изд-во УрГУПС, 2014. 671 с.
17. Радугин А. А. Философия : курс лекций. М. : Центр, 1996. 336 с.
18. Скоробогачкий В. В. По ту сторону марксизма. Свердловск : Изд-во УрГУ, 1991. 272 с.
19. Франк С. Л. Религиозно-исторический смысл русской революции // Русская идея. М., 1992. 496 с.
20. О человеческом в человеке. М. : Политиздат, 1991. 384 с.
21. Чанышев А. Н. Курс лекций по древней философии. М. : Высш. шк., 1981. 374 с.
22. Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. Новосибирск : Наука, 1993. 591 с.
23. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М. : Республика, 1994. 528 с.

References

1. Adorno Theodore V. (2000) Problems of the philosophy of morality. Moscow, Republic, 138 p. [in Rus].
2. Barg M.A. (1987) Epochs and ideas: Formation of historicism. Moscow, Thought, 354 p. [in Rus].
3. Berdyaev N.A. (1991) *World of philosophy*. T. 2. Moscow [in Rus].
4. Berdyaev N.A. (1991) Self-knowledge (Experience of philosophical autobiography). Moscow, Book, 446 p. [in Rus].
5. Burdina A.I. (1979) Social consciousness as a problem of dialectical and historical materialism. Moscow, Higher School, 175 p. [in Rus].
6. Windelband V. (1995) Philosophy of Culture and Cultural // Transcendental idealism. XX century. Moscow, Lawyer, 703 p. [in Rus].
7. Husserl E. (1995) The Crisis of European Humanity and Philosophy // Culturology. XX century. Moscow, Lawyer, 703 p. [in Rus].
8. Drobnitsky O.G. (1974) The concept of morality. Moscow, Science, 388 p. [in Rus].
9. Iordansky V.B. (1982) Chaos and harmony. Moscow, Science, 343 p. [in Rus].
10. Cassirer E. (1995) Philosophy of symbolic forms // Culturology. XX century. Moscow, 703 p. [in Rus].
11. Kon I.S. (1978) Opening "I". Moscow, Politizdat, 367 p. [in Rus].
12. Kroner R. (1995) Self-realization of the spirit // Culturology. XX century. Moscow, Lawyer, 703 p. [in Rus].
13. Leontiev A.N. (1959) Problems of the development of the psyche. Moscow, Akademiya Pedagogical Sciences RSFSR, 345 p. [in Rus].

14. Losev A.F. (1991) Philosophy. Mythology. Culture. Moscow, Politizdat, 525 p. [in Rus].

15. Marks K. (1968) Economic Manuscripts of 1857—1859 // *K. Marks and F. Engels*. Vol. 46. Pt. 1. Moscow, Politizdat, 559 p. [in Rus].

16. Pashintsev E.V. (2014) Periodization of world history: a critique of the classic formation doctrine. Ekaterinburg, UrGUPS Publishing House, 671 p. [in Rus].

17. Radugin A.A. (1996) Philosophy: course of lectures. Moscow, Center, 336 p. [in Rus].

18. Skorobogatsky V.V. (1991) On the other side of Marxism. Sverdlovsk, Publishing house of the Ural State University, 272 p. [in Rus].

19. Frank S.L. (1992) The religious-historical meaning of the Russian revolution // *Russian idea*. Moscow, 496 p. [in Rus].

20. Quoted from by: About the human in man (1991). Moscow, Politizdat, 384 p. [in Rus].

21. Chanyshv A.N. (1981) A course of lectures on ancient philosophy. Moscow, Higher School, 374 p. [in Rus].

22. Spengler O. (1993) Sunset of Europe. Vol. 1. Novosibirsk, Science, 591 p. [in Rus].

23. Jaspers K. (1994) Meaning and purpose of history. Moscow, Republic, 528 p. [in Rus].

For citing: Pashintsev E.V.

The specific character of religious culture from the viewpoint of social philosophy // *Socium i vlast'* 2018. № 6 (74). P. 79—85.

UDC 101

THE SPECIFIC CHARACTER OF RELIGIOUS CULTURE IN THE VIEWPOINT OF SOCIAL PHILOSOPHY

Evgeniy V. Pashintsev,

South Ural State Humanitarian Pedagogical University,
The Department Chair of Philosophy and Cultural Studies,
Doctor of Philosophy, Associate Professor.
Russian Federation,
454080, Chelyabinsk, prospect Lenina, 69.
E-mail: izobretatel49@mail.ru

Abstract

Restoring the Russian religious matrix of thinking after the seventy-year domination of party-state atheism requires thoughtful and unbiased analysis of the specifics of religious culture. The paper reveals the patterns of transition from mythology to the religious way of thinking, determines the place of religion in the historical series of three groups and three social forms of consciousness. The paradox of a religious phenomenon is that, in the form of its existence, it is a phenomenon of social consciousness, and in terms of cultural and historical content it closes the sequence of group forms of consciousness. The enduring value of religious culture is that it is the first syncretic foundation of future mature forms of human spirituality.

Key concepts:

archaic consciousness,
mythology,
religion,
ideology,
science,
group and public forms of consciousness.

Для цитирования: Май К Да.
Евангелие от Иоанна как модель
для культурной интеграции протестантизма
во Вьетнаме //
Социум и власть. 2018. № 6 (74). С. 86—90.

УДК 1(091)

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ИОАННА КАК МОДЕЛЬ ДЛЯ КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ПРОТЕСТАНТИЗМА ВО ВЬЕТНАМЕ

Май К Да,

Российский университет дружбы народов,
аспирант кафедры истории философии,
Российская Федерация,
117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.
E-mail: maikda@mail.ru

Аннотация

В процессе распространения христианского учения проблема его взаимосвязи с национальной культурной традицией является ключевой.

Сегодня появление новых культурных тенденций и возникновение проблем эпохи глобализации, урбанизации и информатизации требуют от протестантизма не только находить правильный вектор распространения веры, но также признавать положительный вклад различных культур в ее выражение. В этом контексте интеграция культур считается одним из способов, позволяющим протестантизму выполнять свою миссию по распространению учения среди людей самых различных традиций. Анализ философских взглядов на Логос в древнегреческой философии и в Евангелии от Иоанна показывает, что в поиске форм выражения христианской веры на ранних этапах ее становления культура Греции сыграла важнейшую роль в поиске ответов на философские и интеллектуальные вопросы христианского богословия. В азиатской культуре концепция Дао имеет такое же важное значение, как концепция Логоса для древних греков. Анализ Дао как «Логоса Востока» помогает протестантизму во Вьетнаме увидеть возможность применения модели, которую использовал ап. Иоанн.

Ключевые понятия:

протестантизм во Вьетнаме,
Логос,
Дао,
культурная интеграция христианства,
Евангелие от Иоанна.

Христианство является миссионерской религией. На протяжении веков последователи Христа уделяли первостепенное внимание деятельности по распространению своей религии среди других народов. Протестантизм ставил задачей охватить своим учением различные расы, государства, религии и культурные традиции. Контакты становились все более обширными и глубокими, поскольку миссионерская деятельность вышла за пределы Европы и Америки и часто поддерживалась и сопровождалась колониальной экспансией [2, с. 64]. В XIX в. христианство проникло в самые удаленные уголки мира и достигло максимума своего распространения. В данном процессе проблема взаимосвязи новой религии и культурной традиции является ключевой. Однако в большинстве христианских миссий проповедники часто чувствуют себя потерянными в океане чуждых религий и культур. Большинство местных народов гордятся своим собственным культурным наследием и не могут найти ответы на свои духовные запросы в новой религии [2, с. 64—65].

Сегодня появление новых культурных тенденций и возникновение проблем глобализации, урбанизации и информатизации требуют от протестантизма не только находить правильный вектор распространения веры, но также признавать положительный вклад различных культур в ее выражение. Другими словами, ключевой задачей является не поиск ответа на вопрос: «Как протестантизм может распространять христианскую веру среди разных культур?», а постановка вопроса: «Как различные культуры могут способствовать распространению протестантизма?» Интеграция культур считается одним из способов, позволяющих протестантизму выполнять свою миссию среди людей самых различных традиций. Во Вьетнаме с начала появления христианства не предпринималось реальных усилий для обсуждения вопроса о его культурной интеграции. *Поэтому актуальной задачей является преодоление сохраняющихся трудностей в **распространении** и интеграции протестантизма во вьетнамское общество, превращение его из иностранной религии в религию, интегрированную в культурную традицию Вьетнама.*

Вышеприведенные суждения возвращают нас к вопросу о связи христианства с различными нехристианскими культурами. Анализ исследования Нибура о Христе и культуре показывает, что большинство описаний Бога, используемых на Западе, не может быть использовано в культурах

Востока [9, с. 40—41]. Ч. Крафт, профессор Фуллеровской богословской семинарии, предлагает более подходящие методы [1, с. 85—86]. Существуют такие варианты: а) Бог противостоит культуре, б) Бог находится внутри культуры, в) Бог стоит над культурой со многими божественными элементами: святыми, дуализмом, синтезом, трансформациями, г) Бог стоит над культурой и пронизывает культуру. Ч. Крафт отвечает следующим образом: «Хотя Бог существует вне культуры, а человек живет полностью в культуре, Бог создает рамки деятельности, чтобы взаимодействовать с человеком. Бог абсолютен, но он также и ограничен. Бог свободен в выборе использования культуры человека, но с другой стороны он сам ограничивает себя рамками определенной культуры для общения с людьми» [1, с. 114—115].

Многие исследователи и богословы Азии предлагали различные взгляды на поиск связи Христа с национальными культурами, среди них Пол Книттер пишет о важности Мессии как Откровения и идеи спасения во всех религиях. Еще один католический богослов Раймундо Паниккар пришел к аналогичным выводам, четко разграничив Христа как Логоса и Иисуса Христа как историческую личность. По его словам, Христос — Логос более важен, чем Иисус — исторический человек, потому что Логос может проявляться по-разному в разных религиях и воплощаться в других исторических фигурах кроме Иисуса из Назарета [7, с. 195]. В своих трудах о Христе епископ К. Х. Тинг также соотносит Христа с Логосом, такая точка зрения распространена в Китае [10, с. 408—418]. Данные наблюдения приводят нас к Евангелию от Иоанна, точнее к его началу, которое, по мнению некоторых вьетнамских исследователей, таких как Ле Ван Тхиен и Нгуен Ким Шон, может служить моделью для интеграции протестантизма в культурную традицию Вьетнама [13, с. 159]. Так почему же Евангелие от Иоанна может рассматриваться как образец для адаптации протестантизма во Вьетнаме?

Евангелие от Иоанна — четвертое Евангелие, написанное в Эфесе около 100 года. Оно сильно отличается от синоптических Евангелий, делает акцент, прежде всего, на богословских аспектах учения и использует совершенно другие способы изображения Иисуса Христа. Цель Евангелия от Иоанна изложена в заключительной части книги: «Сие же написано, дабы вы уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий, и, веруя, имели жизнь во имя Его» (Иоанн

20:30-31). С теологической точки зрения именно Евангелие от Иоанна представляет собой кульминацию христианской веры [8, с. 545—573]. Книга провозглашает, что Иисус есть Бог. По сравнению с синоптическими Евангелиями Евангелие от Иоанна делает акцент на роли Иисуса как Спасителя человечества, а не на его таких человеческих деяниях, как чтение проповедей или утешение бедных.

Св. Иоанн писал ефесянам, находясь под влиянием греческой культуры, с целью укрепления их веры в Иисуса как Спасителя и Сына Божьего. В это время евреи уже не составляли большинство христиан, к числу последователей христианской веры примкнули и представители других народов. Основу христианской общины теперь составляли не евреи, а греки, поэтому теперь христианство должно было соответствовать новым историческим условиям. При сохранении основы учения христианство должно было изменить выражавшие его термины и категории. Ап. Иоанн глубоко понимал серьезность данной проблемы и нашел величайший интеллектуальный способ ее решения. Первой задачей Иоанна было найти связь между греческой культурой и христианством. Он знал, что греки являлись нацией величайших мыслителей мира, и они бы не захотели отказаться от своего богатого интеллектуального наследия и начать мыслить в терминах и категориях еврейской мысли. Чтобы выполнить эту задачу, Иоанн использует концепцию «Логоса», которая уже существовала в греческой философии. Поэтому не вызывает удивления тот факт, что предисловие к Евангелию от Иоанна начинается с концепции Логоса и происхождения Вселенной.

Понятие Логоса имеет долгую историю. Его вводит в оборот древнегреческий философ Гераклит в VI в. до н. э. Далее его развивали софисты, Сократ, Платон и Аристотель [5, с. 506; 12, с. 33]. Стоики считали, что Логос может быть приравнен к Богу [14, с. 117]. В период эллинизации понятие Логоса привлекло внимание представителей религиозной мысли Средиземноморья в попытке синтезировать греческие и восточные традиции [5, с. 88—89]. Филон Александрийский утверждал, что основным объектом внимания философии должны быть рассуждения о Боге. Однако его не удовлетворял образ Бога Яхве в Ветхом Завете, который имел в себе слишком много человеческих черт. Поэтому Филон обращается к понятию Логоса, заимствуя его у стоицизма. Используя термин Логос, Филон прибегает

к синтезу еврейской религии и греческой философской мысли.

Как первое воплощение Бога Логос сущностно един с миром идей, которые рассматриваются как модели творения. В созданном мире Логос присутствует как внутренняя сила возрождения. Кроме того, Логос понимается Филоном как посредник между «Первым Богом» — создателем и «Третьим Богом» — созданной природой. Поэтому Логос получает имя «Второго Бога», первого священника, единственного сына Бога. Таким образом, Логос у Филона является посредником между Богом и его творением.

Теория Логоса Филона Александрийского нашла отражение в Евангелии от Иоанна. Первые известные слова Евангелия от Иоанна (1.1-18) соотносятся с предисловием к Бытию. Этим Иоанн хотел сказать, что Слово существовало до Творения: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Иоанн с самого начала дает нам четкое представление о Слове (Логосе). Он, в отличие от других авторов Евангелий, не начинает с истории Иисуса. Вместо этого читателю сразу представляется Слово, которое относится к Иисусу, сыну Бога. Греческие философы и восточные ученые никогда не думали о Слове как о Личности, и не говорили о существовании Слова до творения. Ни одна из этих двух школ мысли никогда не говорила об олицетворении Логоса, как это делает Иоанн. Христианство, которое ранее использовало категорию еврейской мысли, теперь вобрало в себя величие греческой философии.

Описания Иисуса в еврейской и греческой культуре различаются и дополняют друг друга. Еврейская культура больший акцент делает на традиции и миссии, в то время как греческая культура больше внимания уделяет вопросам сущности и взаимосвязи. Как было проанализировано выше, в контексте греческой культуры Иисус Христос признан Словом Божьим. Глубокий смысл и важность концепции Слова в греческой мысли и культуре позволяют ранним новозаветным и ранним церковным писателям говорить о сущности Иисуса более четко и ясно. В греческой культуре Логос — это не просто понятие или идея, но также проявление мысли, разума, взаимосвязей и основы бытия [6, с. 380—382]. Через понимание Логоса в греческой культуре автор четвертого Евангелия говорит нам, что Иисус Христос есть Слово Бога и Бог. Таким образом, Иоанн творчески переосмыслил греческую философию и культуру, чтобы помочь ранней Церкви лучше понять сущность Иисуса Христа и выразить ее в новой форме.

Понимание и распространение христианской веры в древней греко-римской культуре — это типичный пример процесса культурной интеграции. Данный пример может быть использован при анализе интеграции протестантизма во Вьетнаме сегодня.

Если Логос западной философии означает слово, язык, разум, то в восточной философии Логос — это Дао [3, с. 25]. Слово «Дао» является важной концепцией в китайской философии и оказывает большое влияние на вьетнамское религиозное сознание. Даосизм — это философия очень близкая и вьетнамцам, и китайцам. Хотя влияние даосизма во Вьетнаме не столь сильно, как конфуцианства, даосизм содержит глубокие абстрактные понятия, уважает природу реальности. Доктрина древнекитайского философа Лао-цзы имеет сходство с Логосом Гераклита. Если Гераклит понимал Логос как нечто, что помогает связать и создать противостоящее друг другу, то учение Лао-цзы выдвигает идею, что Дао — это путь или движение двух противоположностей Инь и Янь [11, с. 160, 163].

В китайской философии Дао — это высшая форма существования, пустота вселенной, но не отсутствие чего-либо: содержание Дао невидимо для нашего разума и поэтому непостижимо. Согласно философии Лао-цзы, Дао равно нулю, кругу, пустому пространству, вакууму. Хотя для Конфуция Дао имеет важное этическое значение, то в даосизме Дао имеет центральное сверхъестественное значение, понимается как абсолютная истина, конечная реальность и вечное существование. Лао-цзы: «Все создано Дао; Дао, которое можно выразить словами не есть настоящее Дао» [16, с. 372—373]; Джеффри Парриндер в своей статье об азиатских религиях писал, что «учение о нравственности часто сравнивается с греческой мыслью в ее развитии в эпоху неоплатонизма» [4, с. 98]. Вместе с тем неотделимость философии от религии является одной из важных характеристик восточной мысли [13, с. 169]. Западное учение о Логосе изначально возникло в рамках греческой мысли, но позже оно стало связующим звеном между христианским учением и греческой философией. С онтологической точки зрения греческий Логос и Дао схожи [4, с. 10].

Также как в Китае, во Вьетнаме одновременно сосуществуют три основные религии: конфуцианство, даосизм и буддизм, а также распространен культ поклонения предкам. Несмотря на разное происхождение эти три религии дополняют друг друга. Очень редко можно встретить вьетнамца, который бы следовал только одной из этих трех религий. Данная особенность характерна для

вьетнамцев, которые предпочитают гармонию: все три религии едины, все три дороги имеют одну цель, все три пути направлены на познание Дао. Таким образом, эта комбинация трех религий похожа на христианство, которое опирается на культуры Израиля, Месопотамии и Греции.

В азиатской культуре концепция Дао имеет такое же важное значение, как концепция Логоса для древних греков [15, с. 42]. Также как в Греции до прихода христианства существовало понятие Логоса как Бога-творца, создавшего порядок Вселенной, так и до того, как миссионеры прибыли в Азию, вьетнамцы, в частности, и другие восточные культуры имели представление о Боге (Дао в даосизме, Небо в конфуцианстве). Это основное сходство позволяет сделать два неоспоримых вывода. Во-первых, различные формы существования Дао в философии вьетнамцев и других азиатских народов открывает им возможность более легкого познания Бога в протестантизме. Вьетнамцы и другие азиатские народы могут быть готовы к более полному пониманию Дао — воплощению Христа среди людей. Этот первый вывод решает проблему связи христианства и вьетнамской культуры. Существование трех религий долгое время считалось важной культурной особенностью вьетнамского народа на протяжении веков. Эта культурная самобытность не может быть легко изменена, вьетнамцы не раз яростно вставали на ее защиту. С другой стороны, христианское богословие должно следовать традиции и не легко ассимилироваться в другой культуре. Этот парадокс приводит к второму выводу о том, что протестантизм во Вьетнаме должен обеспечить культурную интеграцию Евангелия, найти способ богословского диалога с культурой, ориентирясь на пример ап. Иоанна, обратившегося к философии Др. Греции.

Мы можем прийти к следующему выводу. Анализ философских взглядов на Логос в древнегреческой философии и в Евангелии от Иоанна показывает, что в поиске форм выражения и при формулировании содержания христианской веры на ранних этапах ее становления культура Греции сыграла очень важную роль в поиске ответов на философские и интеллектуальные вопросы христианского богословия. Благодаря взгляду через призму новых культур, христианская вера засияла новыми красками. Ценность и богатый опыт других культур позволяют находить способы изображения Иисуса, а также Его миссии тем способом, который наиболее соответствует культуре местных народов.

Узнавая об Иисусе Христе через Евангелия, каждый народ может признать Его величайшую роль в рамках собственной культурной традиции. Эту модель использовал ап. Иоанн, когда стремился к диалогу христианства с греческой философией.

Анализ «Дао» как «Логоса Востока» помогает протестантизму во Вьетнаме увидеть возможность применения модели, которую использовал ап. Иоанн. Однако обращение к Евангелию от Иоанна как к примеру для распространения протестантизма во Вьетнаме требует большого опыта и усилий со стороны институтов христианского образования во Вьетнаме. Оно требует четкого теологического представления о богословии, философии и культуре, а также о тесных связях Библии, теологии и различных религий в целом. Более того, Евангелие от Иоанна связано не только с Логосом как происхождением Вселенной, но также и со всеми проблемами человечества и мира. Три элемента «небо — земля — человек» также являются тремя важными элементами в китайской и вьетнамской культуре. Таким образом, Евангелие от Иоанна может быть моделью, которая позволит увидеть основные философские интерпретации для решения проблемы интеграции протестантизма в культуру Вьетнама в современный период.

1. Kraft Ch.H. *Christianity in Culture, A study in Dynamic Biblical Theologising in Cross-cultural Perspective*. Maryknoll, New York : Orbis, 1979. 445 p.
2. Chen Zemin. *Christ and Culture in China: A Sino-American Dialogue // Chinese theological Review / ed. Janice Wickeri*. USA : Foundation for Theological Education in South East Asia, 1993. 138 p.
3. Nida E.A. *Bible Translating*. New York : American Bible Society, 1974. 362 p.
4. Parinder G. *Asian Religions*. London: Sheldon Press, 1957. 138 p.
5. Kittel G. *Theological Dictionary of the New Testament*, 10 Vols. Grand Rapids (Michigan, USA) : Wm. B. Eerdmans Publishing Company, 1976. 833 p.
6. Thayer J.H. *Thayer's Greek-English Lexicon of the New Testament*. Peabody (Massachusetts, USA) : Hendrickson Publishers, 2002. 752 p.
7. Pannikar R. *The Unknown Christ of Hinduism*. London : The Anchor Press, 1964. 195 p.
8. Brown R.E. *Does the New Testament call Jesus God? // Theological Studies*. 1965. № 26. P. 545—573.
9. Niebuhr R.H. *Christ and Culture*. New York : Harper & Row, 1975. 320 p.
10. Ting K.H. "The Cosmic Christ" // *Love Never Ends: Papers / ed. Janice Wickeri*. Nanjing : Yilin Press, 2000. 539 p.
11. Tao Te Ching. *A Source Book in Chinese Philosophy / trans. Wing-Tsit Chan*. Princeton : Princeton University Press, 1963. 856 p.

12. Данг Хыу Тоан. Понятие «Логос» в философии Гераклита // Философия (Вьетнам). 2002. № 4 (131). С. 32—38 = Đặng Hữu Toàn. "Khái niệm "Logos" trong triết học Hêraclít" // Tạp chí Triết học. 2002. № 4 (131). Trang. 32—38.

13. Ле Ван Тьен. Евангелие и культура. Ханой : Религия, 2010. 351 с. = Lê Văn Thiện. Phúc Âm và Văn hóa. Hà Nội : Nhà xuất bản "Tôn giáo", 2010. 351 trang.

14. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Т. V. Ранний эллинизм. М. : Искусство, 1979. 962 с.

15. Мархель Е. Ю. Дао и Логос: взаимосвязь понятий // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 367. С. 42—44.

16. Нижников С. А. Духовное познание в философии Востока и Запада : монография. М. : Изд-во РУДН, 2009. 231 с.

References

1. Kraft Ch. H. (1979). Christianity in Culture, A study in Dynamic Biblical Theologising in Cross-cultural Perspective. Maryknoll, New York, Orbis, 445 p. [in Eng].

2. Chen Zemin (1993). Christ and Culture in China: a Sino-American Dialogue // Wicker Janice, ed. Chinese theological Review. USA, Foundation for Theological Education in South East Asia, 138 p. [in Eng].

3. Nida E.A. (1974). Bible Translating. New York, American Bible Society, 362 p. [in Eng].

4. Parinder G. (1957). Asian Religions. London, Sheldon Press, 138 p. [in Eng].

5. Kittel G. (1976). Theological Dictionary of the New Testament, 10 Vols. Grand Rapids (Michigan, USA), Wm. B. Eerdmans Publishing Company, 833 p. [in Eng].

6. Thayer J.H. (2002) Thayer's Greek-English Lexicon of the New Testament. Peabody, Massachusetts, USA, Hendrickson Publishers, 752 p. [in Eng].

7. Pannikar R. (1964) The Unknown Christ of Hinduism. London, The Anchor Press, revised 1981, 195 p. [in Eng].

8. Brown R.E. (1965) *Theological Studies*, no. 26, pp. 545—573 [in Eng].

9. Niebuhr R.H. (1975) Christ and Culture. New York, Harper & Row, 320 p. [in Eng].

10. Ting K.H. (2000) "The Cosmic Christ" // Love Never Ends: Papers (Ed. Janice Wickeri). Nanjing, Yilin Press, 539 p. [in Eng].

11. Tao Te Ching (1963). A Source Book in Chinese Philosophy. Princeton, Princeton University Press, 856 p. [in Eng].

12. Dang Hyu Toan (2002). *Filosofija (Vietnam)*, no. 4 (131), pp. 32—38 [in Viet].

13. Le Van T'ien (2010). *Evangelie i kul'tura*. Hanoi, Religija, 351 p. [in Viet].

14. Losev A.F. (1979) *Istorija antichnoj jestetiki*. Vol. V. Rannij jellinizm. Moscow, Iskusstvo, 962 p. [in Rus].

15. Marhel' Ye.Yu. (2013) *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 367, pp. 42—44 [in Rus].

16. Nizhnikov S.A. (2009) *Duhovnoe poznanie v filosofii Vostoka i Zapada*. Moscow, RUDN, 231 p. [in Rus].

For citing: Mai K. Da.

Gospel of John as a model for cultural integration of Protestantism in Vietnam // *Socium i vlast'* 2018. № 6 (74). P. 86—90.

UDC 1(091)

GOSPEL OF JOHN AS A MODEL FOR CULTURAL INTEGRATION OF PROTESTANTISM IN VIETNAM

Mai K Da,

Peoples' Friendship University of Russia, Post-graduate student, Russian Federation, 117198, Moscow, ulitsa Miklukho-Maklaya, 6. E-mail: maikda@mail.ru

Abstract

Spreading the Christian doctrine makes the problem of its relationship with the national cultural tradition important. Today, new cultural trends and problems of the era of globalization, urbanization and informatization require from Protestantism not only to find the right vector for its spreading, but also to recognize the positive contribution of different cultures to its expression. In this context, integration of cultures is considered to be one of the ways allowing Protestant to fulfill its mission of spreading the doctrine among people from different traditions. By analyzing philosophical views on Logos in ancient Greek philosophy and in the Gospel of John the author shows that in searching for forms of Christian faith expression in the early stages of its formation, Greek culture plays a crucial role to find out the answers for philosophical and intellectual questions of Christian theology. In Asian culture, the concept of Tao is as important as the concept of the Logos for ancient Greeks. Analyzing the Tao as the «Logos of the East» helps Protestantism in Vietnam to realize the applicability of the model used by John.

Key concepts:

protestantism in Vietnam, Logos, Tao (Dao), inculturation of Christianity, Gospel of John.

Для цитирования: Александрова Л. Д.,
Трушникова Е. Л.
Философское прогнозирование будущего
и трансформация телесности
в контексте цифровой культуры // *Социум и власть*. 2018. № 6 (74). С. 91—97.

УДК 130.2

ФИЛОСОФСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ БУДУЩЕГО И ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕЛЕСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Александрова Людмила Дмитриевна,
Международный институт дизайна и сервиса,
директор высшей школы менеджмента
кандидат философских наук.
Российская Федерация,
454014, г. Челябинск, ул. Ворошилова, д. 12.
E-mail: tulupic74@gmail.com

Трушникова Екатерина Леонидовна,
Международный институт дизайна и сервиса,
доцент кафедры гуманитарных дисциплин,
кандидат культурологии.
Российская Федерация,
454014, г. Челябинск, ул. Ворошилова, д. 12.
E-mail: etrushnikova77@mail.ru

Аннотация

Основной задачей философской рефлексии на тему будущего является осмысление социокультурных векторов развития и трансформаций физической телесности, бессмертия человека, создание интеллекта, способного к самосовершенствованию, виртуализации многих объектов и явлений действительного мира. Благодаря исследованиям цифровой культуры раскрываются положительные и отрицательные сценарии будущего, новые социальные роли человека, «новое» бытие: реальное (константное), виртуальное, символическое. Данные тенденции ярко отражаются в современном художественном творчестве и digital-art.

Ключевые понятия:
футурология,
прогнозирование,
виртуальность,
символизм,
телесность,
интерпретация,
цифровая культура,
коммуникация,
технологизация,
искусство и искусственность.

Введение

Будущее всегда занимало особое место в философском учении. Знание о будущем, о том, чего еще нет в действительности, является потенциальной проекцией из настоящего в область предполагаемого или ожидаемого. Специфика данных проекций сформировала несколько футурологических сценариев. По одной из версий, будущее предопределено во всех своих проявлениях или детерминировано. Понятие детерминизма обусловлено необходимостью и причинностью: все вещи в этом мире должны происходить именно так, как будто они происходят в силу предшествующих им причин, то есть обусловлены каузальными факторами [18]. Каждое событие определяется законами природы и социума, а эти законы можно установить посредством научной методологии. В древнегреческой философии материалистическое понимание детерминизма отстаивали Гераклит, Демокрит, Эпикур. Классический детерминизм получает свое обоснование в философии Ф. Бэкона, Р. Декарта, Б. Спинозы, Т. Гоббса и французских материалистов XVIII в.

По другой версии будущее вероятно, инвариантно или индетерминировано [10]. Индетерминизм отрицает закономерную причинную обусловленность событий и явлений. По мнению сторонников индетерминизма, природа и человек независимы от каких-либо факторов, они свободны и самостоятельны в своем становлении. Теоретические идеи индетерминизма обнаруживаются в философии Д. Юма, Б. Рассела, Х. Рейхенбаха, Н. Бердяева, Н. Лосского, Ж.-П. Сартра, Ф. Франка.

В качестве отдельной методологии прогнозирования будущего используется синергетический подход [12]. Основываясь на философии нестабильности И. Пригожина, Г. Хакена, В. М. Розина, синергетика исследует объекты и явления в открытых и неопределенных системах, пытается описать онтологическую вариативность и помогает человеку обрести рациональную уверенность в изменчивом, неустойчивом ближайшем и отдаленном будущем.

Сегодня будущее возможно спрогнозировать с помощью bigdata-анализа — особой машинной аналитики, на которую способен искусственный интеллект. В настоящее время почти каждое действие оставляет свой цифровой след, таким образом информация экспоненциально увеличивается,

и к 2020 г. объем доступных данных возрастет с 5 Збайт до 20 Збайт в год. Поэтому ближайшее будущее определяются не только и не столько тем, чему еще предстоит свершиться, столько тем, что уже существует [6]. Но самая сложная задача для научного прогнозирования — это получение знания об отдаленном будущем, которое находится за границами XXI в.

Основная часть

Формирование прогнозов будущего с учетом понимания фундаментальных основ бытия, анализ динамики и переустройства современной культуры и определение сущности человека в мире будущего является главной задачей футурологии. Футурология (от лат. *faturam* — будущее время и греч. *logos* — слово, закон, учение) — учение о будущем применительно к историческому и социо-культурному времени [11]. Этот термин сформулировал немецкий социолог О. Флехтхейм в 1943 в качестве наименования «новой философии», «мысли о будущем». С середины 70-х гг. XX в. создаются международные организации футурологов, являющиеся ведущими и по сей день: Всемирная федерация изучения будущего [3], Всемирное общество будущего [4], Российская ассоциация футурологов [17]. Как любое научное направление, футурология использует специальную методологию. Статистические методы и компьютерное моделирование: вероятностный анализ, регрессионный и корреляционный анализ, метод экспертной оценки, опросы, метод Дельфи, метод аналогий, сравнительный анализ будущего, составление дорожных карт и форсайт-исследования.

Философские тезисы конца XX в. активно доосмысливали концепцию «постиндустриального общества» (Д. Белл «Грядущее постиндустриальное общество», Ф. Фукуяма «Великий разрыв») и осуществляли рефлексию над процессом становления «информационного» общества (Н. Виннер «Кибернетика и общество», Э. Тоффлер «Метаморфозы власти», Э. Г. Соловьёв «Информационное общество»). В данных исследованиях отражалась специфика формирования новых экономических, геополитических, культурных систем; был описан процесс трансформации традиционных форм взаимодействия (коммуникации) в повседневной и трудовой деятельности; анализировались масштабы глобализации и сформулированы две тен-

денции комплексного прогнозирования. Одна представляла собой оптимистическую линию, которая описывает будущее в формате наступления «иных», процветающих, эпох, новых революционных сдвигов в культуре и образе жизни человека и предметном мире. Вторая представляет собой пессимистическую линию, постулируя неизбежную угрозу в виде экологических, технологических, демографических, военных и прочих кризисов и катастроф [19].

В футурологических исследованиях сегодня происходит «антропологический переворот»: от внимания к темам глобальных геополитических процессов к вниманию к перспективам физического бессмертия человека, созданию интеллекта, способного к самосовершенствованию, виртуализации телесности и созданию цифровых двойников многих объектов и явлений действительного мира [5, с. 25]. В данной логике интерес философии прикован к трансгуманной проблематике, к осмыслению границ человека, сочетаний человеческого и технологического, к жажде узнать, в чем истинная гуманитарность и есть и риски ее потерять.

Дискуссионным является тезис о создании «породистых» людей новой эпохи, об улучшении генома человека и попытках сделать «идеальный экземпляр» [20], но остается открытым вопрос о результате такого «перепрограммирования». Таким образом, цель футурологических исследований должна актуализироваться на антропологическом векторе, который позволят определить реальные, виртуальные и символические границы сознания, мышления и телесности человека будущего. Именно через символ, знак, слово, образ происходит структурирование мира, очерчивание территорий для живых и мертвых, старых и новых, своих и чужих, людей и богов. Главной составляющей в формировании картины мира для человека оказывается собственное тело. Так, мы можем определить тело как предельно символизированное и ограничивающее людей пространство. В процессе культурогенеза тело претерпевает многочисленные трансформации. На современном витке развития цивилизации проблема тела становится особенно актуальной, так как связана с технико-технологическими достижениями цифровой культуры [7, с. 76].

Понимание границ своей телесности делает человека существом особенным, обладающим телом и знающим о его физических и психических возможностях. Что реализу-

ется в исторических и социокультурных контекстах, которые определяют способы жизнедеятельности и формируют вариативные модели образа жизни. Отношение к телесности и сформированная в культуре модель телесного поведения всегда были предельно регламентированы. Однако, как бы ни складывалась судьба тела в истории человечества: от полного отрицания до безграничного принятия, это свидетельствует о высокой степени значимости телесности во всех культурах от архаических до современных. Поэтому интерпретации телесности не только выходят за пределы социобиологических свойств и характеристик, на основе которых формируются культурные отличия, но и включают себя символические способы репрезентации идеального, фантастического, футуристического образов человека.

Для понимания настоящего и прогнозирования будущего образа человека важно обратить внимание на некоторые механизмы, формирующие модели телесного «Я» и его (не)привлекательности в ситуации виртуализации общества. Современные гуманитарные исследования расширяют проблемное поле телесности в культуре, анализируя жизненный мир в его разнообразных проявлениях. Поэтому телесность может интерпретироваться как в рамках биологического объекта, так и в смысловых модусах культуры. Гуманитарные исследования, начиная со второй половины XX в., активно нацелены на рефлексию телесности через семиотические методы. Философская рефлексия таких явлений, как тело, телесность, плоть, кожа, кровь, секс является красноречивым доказательством переосмысления этих понятий в плане их предельной семиотизации [15]. Разнообразные формы культуротворчества создают настолько многочисленные телесные тексты, отличающиеся друг от друга, что очень непросто говорить о едином для цивилизованных народов образе жизни.

Тело как объект желания и обладания связано с образами эталонного тела. С появлением средств массовой информации подобные образы телесного совершенства закрепляются в статусе образцов, идеалов красоты, привлекательности, сексуальности. Визуальные образы эталонного тела создают культ телесности, где совершенство является неотъемлемой частью престижного потребления. Так современный человек вовлекается в различные процедуры по созданию собственного тела, соответствующего заданному на данный мо-

мент в культуре образцу. Идея изменения, преобразования телесных несовершенств, над которыми можно произвести апгрейд (от англ. «upgrade» — подъем, улучшение, модернизация), приобретает действительность. Модификация тела, преобразующая его возможности, все дальше уходит от фантастики к реализации. Перечисленные явления социально обусловлены, что подтверждается наличием соответствующих эстетических тенденций, приобретающих то монструозные, то модные черты. Процесс модификации телесности сопряжен не только с медицинскими и биогенетическими достижениями, но с цифровыми технологиями, поэтому дальнейшие трансформации человеческого тела будут развиваться в совмещении этих тенденций.

Разнообразные приспособления, изменяющие и расширяющие природные физиологические возможности тела уже часть реальности: от протезов до контактных линз и слуховых аппаратов, которыми пользуется человечество. Мы стоим на пороге постчеловечества, где будут происходить изменения на уровне видообразования: новый орган успешнее справляется с нагрузками, чем тот, который был у человека от рождения. В связи с этим возникает много вопросов: что изменится с увеличением продолжительности жизни, что будет со спортом, искусством, ремеслом, что будет делать человек, когда его память и тело будут поддерживаться и управляться извне. Еще один из аспектов обсуждаемой проблемы, связан с пластической косметической хирургией и биотехнологиями, который ставит вопрос подлинности человека, его персональной идентичности.

Выше мы рассмотрели философскую парадигму телесности, которая раскрывается через семиотические интерпретации. Культурное разнообразие образов тела есть следствие встречи множества текстов, которые возникают в рамках той или иной культурной картины мира. Так, современная мультикультурная ситуация создаёт удивительные сочетания текстов разного плана и характера. Цифровая культура оказывает существенное воздействие на нашу телесность. Визуализация и скорость передачи сообщения создают свои тенденции телесности, где мы наблюдаем удивительные взаимопроникновения архаических/этнических/субкультурных и фантастических образов в сферу моды, стиля жизни, эталонов красоты, мужественности и женственности,

в общем, всего, что напрямую связано с культурой телесности и ее репрезентативностью.

Все это, безусловно, образует и специфические формы жизнедеятельности, которые ориентированы на поддержание выбранных телесных идеалов, и находит свое отражение в художественных практиках. Если в повседневности человек идет вслед за готовой технологией и пользуется ее плодами, то художник идет дальше, заглядывая за горизонт дозволенного, нормативного, привычного. Именно в искусстве вопрос о том, что такое человек в современности, находит отклик гораздо раньше научной рефлексии. Если мы можем допустить эпоху постчеловеческого (т. е. такой образ будущего человека, который преобразован с помощью информационных, биологических и медицинских технологий), то с чего она начинается, в каком состоянии находится сейчас и что ее ожидает в будущем? Художественная культура начала откликаться на вызовы индустриальной цивилизации, прежде всего фантастическими произведениями от Франкенштейна Мери Шелли и далее актуализировался вопрос естественного и искусственного человека. Вопрос модификации человека его преобразования под влиянием технологий.

Один из наиболее известных современных художников исследующих тело и его физические возможности Стеларк (работает в стиле кибернетического боди-арта) первые его эксперименты были направлены на повышение сенсорики человеческого тела. Во время его перформансов тело становится гибридом человека-машины, кибернетического центра как символа современных телекоммуникаций, в которую вовлечены и в которой запутаны люди [2]. Если в 1970—1980-е гг. Стеларк исследует пределы телесности через ее восприимчивость, поэтому тело подвергается прокалыванию, зашиванию, проглатыванию предметов и в этом прослеживается тенденция к освобождению от физического «Я». То в дальнейшем его интересует взаимодействие человеческого тела с высокими технологиями. Как отмечает М. Маклюэн, информационные темпы слишком головокруглительны для нервной системы «устаревшего» человечества, поэтому информация побуждает тело выйти за пределы себя самого и биосферы в целом, она кроит форму и функции постэволюционного тела [13]. Происходит расширение возможностей тела как новой опции. «Стелар-

ковский постчеловек — выпотрошенный, наполненный модульными, легко заменяющимися компонентами, обтянутый железными мускулами экзоскелета, оснащенный антеннами, которые увеличивают его поле зрения и усиливают слух, и снабженный мозговым имплантом или генетически измененным мозгом, который не уступает по своим свойствам суперкомпьютеру, — будет обладать “панпланетарной” физиологией: прочной, гибкой и способной функционировать в любых атмосферных условиях, при разном гравитационном давлении и электромагнитном поле» [8, с. 230—231]. Дальнейшее расширение и преодоление телесности связано с реальным и виртуальным пространством, тело буквально распадается и отделяется от личности. Стеларк демонстрирует, как становится возможным управление телом через Интернет, которое уходит в виртуальное пространство и является телом для всех, отдается в распоряжение другим. Проект «третье ухо» Стеларка [2] демонстрирует возможности коммуникации с ним посредством аудиосистемы и Интернета, через которые можно подключиться и слышать его ухом то, что слышит он.

Заключение

Итак, в контексте современных представлений об образе человека акцентируется внимание на модифицированном физическом и виртуальном теле. Поэтому современная культура тела раскрывает себя через событийность цифрового дискурса, предельная визуализация которого создает эффекты коллажа, игры смыслов, цитирования, пародирования, смешения стилей и перверсии в его репрезентации. Создание новых смыслов телесности получает дополнительные возможности, создавая новый эффект «гула телесности», сочетающегося с известным «гулом голосов» в связи с расширяющимися пределами дигитализации. Феминистский лозунг «Мое тело — мое дело» приобретает расширенные художественные и повседневные практики. Нагляднее всего это делают художники, которые активно используют себя и факты своей личной жизни как тему для искусства (Синди Шелдон, Софи Каль, Ясумара Маримура, Орлан, Марина Абрамович, Олег Кулик). Обращаются ли они к перформансу, где их тело подвергается внешнему воздействию, или ставят какие-то социальные, психологические, физиологические эксперименты — все это свидетель-

ствуется о расширении границ телесности и преодолении себя-личности иногда вплоть до растворения своей личности в заданных обстоятельствах. Другой вектор размывания личности происходит тогда, когда художник играет с образами, примеряя на себя разные способы ее визуализации. Так, например, Орлан [1] использует возможности пластической хирургии, документирует все этапы операции, результатом чего становятся две шишки на лбу. Суть этих перформансов в критике стандартизированных представлений о красоте. «С припудренными блестками шишками на лбу, со вздыбленной шевелюрой, одна половина которой черная, а другая желтая, Орлан напоминает не то инопланетянку, не то панк-диву, но в любом случае не выглядит простой смертной. Хирургические вмешательства, произведенные во имя искусства, оказались вполне эффективными и с банальной женской точки зрения: если Орлан и не омолодилась, то в любом случае оказалась существом без возраста. Ей хочется быть не столько рожденной, сколько созданной, и поэтому классические категории пола, расы и возраста к ней неприменимы» [16]. То есть, создавая такой образ себя, принципиально отличающийся от всех остальных людей и подвергая сомнению стандарты красоты, она идет дальше, с помощью компьютерных монтажей играет со своей внешностью вплоть до полного ее растворения.

Еще одним примером массового отражения данных тенденций является мода на анатомные украшения: проектируемые в графических программах, напечатанные на 3d-принтерах и представляющие собой, части человеческого тела. Глаза, губы, руки, пальцы, ноги и даже целые туловища, нанизываются на нитки или надеваются в качестве кольца или браслета, примером выступает творчество таких дизайнеров, как Джулия Харрисон (США), Пирси Ло (Великобритания).

Всеобщая вовлеченность в пространство высоких технологий имеет обратную сторону — отравление высокими технологиями [14] или техницизмом. Что реализуется в желании обратиться к истокам, вернуться к природе. Таким примером являются социальные практики современных людей. Одни приобщаются к неязыческим культам, другие пропагандируют экологическое сознание и потребление. Таким образом, настроенные люди обращаются к древним формам поклонения божествам, новому/ста-

рому образу телесности, освобожденному от технологического доминирования. Отсюда телесное прочтение человека связано с природной репродуктивной силой, мудростью и чистотой мира без высоких технологий. Данная экологически-архаическая парадигма противопоставляет себя тенденциям современной модификации человека, высокими технологиями, угрожающими самой подлинности человеческой природы.

В коммуникативном пространстве современности обнаруживаются противоположные модели телесности: одни — ориентированные на высокие технологии, другие — сознательно их избегающие. Таким образом, современная культура порождает сложные системы, части которой, взаимно отталкиваясь и переплетаясь друг с другом, отражаются в культуре в целом. Делая попытки определить будущие тенденции развития человека, мы приходим к ограниченности в понимании преимуществ и угроз, которые перед нами встают. Скорость проникновения высоких технологий в нашу жизнь опережает гуманитарную рефлексию. Мы отстаем от понимания того, как происходит дальнейшая трансляция и репрезентация усвоенного опыта, знаний, новшеств. Все это создает напряженную, переходную картину мира в современном коммуникативном пространстве. Слишком высокий темп создания, трансляции и внедрения высоких технологий в нашу жизнь. Может быть, постчеловеческая эра уже наступила?

В современном мире (как и в древнем) философия помогает человеку направить свою интеллектуальную деятельность на осуществление мировоззренческого синтеза по созданию актуальной и прогностической картины мира.

Радикальное ускорение технологических процессов, бурное развитие экономики, науки и техники, интенсивность социальных изменений вызвали острую потребность в объяснении событий и анализа их результатов для человека и общества. Данные обстоятельства способствовали своевременной разработке специального философского (научного) знания о будущем, то есть футурологии.

Поиски «нового» бытия человека (виртуального, реального, символического), новых представлений о механизмах его жизнедеятельности, осмысление изменений сферы материального и социального взаимодействия, провоцируют становление новейшей культуры. Культуры, в которой активное

взаимодействие человека и цифровых технологий основано на понимании будущего как принципиально открытой системы, ведущей человека к новому историческому этапу, — эпохе искусственной жизни.

1. ORLAN. URL: <http://www.orlan.eu/> (дата обращения: 15.11.2018).

2. STELARK. URL: <http://stelarc.org/testForFlash.html> (дата обращения: 15.11.2018).

3. World Future Society. URL: <https://wfs.org/> (дата обращения: 15.11.2018).

4. World Futures Studies Federation. URL: <https://www.wfsf.org/> (дата обращения: 15.11.2018).

5. Александрова Л. Д. Культура виртуальной коммуникации : монография. Челябинск : Изд-во РБИУ, 2012. 119 с.

6. Васильков А. Прогноз развития технологий до 2099 года. URL: <http://www.computerra.ru/122163/predictions-of-raymond-kurzweil/> (дата обращения: 15.11.2018).

7. Галкин Д. В. Цифровая культура: горизонты искусственной жизни : монография. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2013. 301 с.

8. Дери М. Скорость убегаия: киберкультура на рубеже веков / пер. с англ. Т. Парфеновой. М. : АСТ, 2008. 478 с.

9. Дэвис Э. Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху / пер с англ. С. Кормильцев, Е. Бачининой, В. Харитоновой. Екатеринбург : Ультра : Культура, 2008. 480 с.

10. Индетерминизм // Метафилософия. URL: <http://metaphilosophy.ru/indeterminizm.html> (дата обращения: 15.11.2018).

11. Кравченко И. И. Футурология // Новая философская энциклопедия. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH016ac36ab16e2b770addf56a> (дата обращения: 15.11.2018).

12. Курдюмова С. П., Князева Е. Н. Структуры будущего: синергетика как методологическая основа футурологии. URL: <http://spkurdyumov.ru/forecasting/struktury-budushhego/> (дата обращения: 15.11.2018).

13. Маклюэн, М. Медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева. М. : Жуковский : КанонПресс-Ц : Кучково поле, 2003. 464 с.

14. Нейсбит Д. Высокая технология, глубокая гуманность: технологии и наши поиски смысла / пер. с англ. А. Н. Анваера. М. : АСТ : Транзиткнига, 2005. 381 с.

15. Новейший философский словарь / сост., гл. науч. ред. А. А. Грицанов. 3-е изд., испр. Минск : Книж. дом, 2003. 1280 с.

16. Орлан: тело как предмет искусства. URL: <http://www.lookatme.ru/flow/posts/art-radar/85861-estestvennoe-iskusstvo-orlan> (дата обращения: 15.11.2018).

17. Российская ассоциация футурологов. URL: http://futuologija.ru/about_assn/ (дата обращения: 15.11.2018).

18. Сачков Ю. В. Детерминизм // Новая философская энциклопедия. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH0140b45532a2c2c9ae35a140> (дата обращения: 15.11.2018).

19. Тузовский И. Д. Светлое завтра? Антиутопия футурологии и футурология антиутопий. URL: http://ec-dejavu.ru/images/zip_archives/I.D.Tuzovsky_Futurology.pdf (дата обращения: 15.11.2018).

20. Турчин А., Батина С. Футурология. XXI: бессмертие или глобальная катастрофа? URL: http://fund.scienceagainstaging.com/Books/Futurology_sm.pdf (дата обращения: 15.11.2018).

References

1. ORLAN. Available at: <http://www.orlan.eu>, accessed 15.11.2018 [in Eng].

2. TELARK. Available at: URL:<http://stelarc.org/testForFlash.html>, accessed 15.11.2018 [in Eng].

3. World Future Society, available at: <https://wfs.org>, accessed 15.11.2018 [in Eng].

4. World Futures Studies Federation. Available at: <https://www.wfsf.org>, accessed 15.11.2018 [in Eng].

5. Aleksandrova L.D. (2012) Kul'tura virtual'noj kommunikacii. Cheljabinsk, Izdatelstvo NOUOVO RBIU, 119 p. [in Rus].

6. Vasil'kov A. Prognozrazvitiyatehnologij do 2099 goda. Available at: <http://www.computerra.ru/122163/predictions-of-raymond-kurzweil>, accessed 15.11.2018 [in Rus].

7. Galkin D.V. (2013) Cifrovaja kul'tura: gorizonty iskusstvennoj zhizni. Tomsk, Izdatelstvo Tomskogo universiteta, 301 p. [in Rus].

8. Deri M. (2008) Skorost' ubeganiya: Kiberkul'tura na rubezhe vekov. Moscow, AST Moskva, 478 p. [in Rus].

9. Devis E. (2008) Tehnognozis: mif, magiya i misticizm v informacionnuju epohu. Ekaterinburg, Ul'tra, Kul'tura, 480 p. [in Rus].

10. Indeterminizm. Available at: <http://metaphilosophy.ru/indeterminizm.html>, accessed 15.11.2018 [in Rus].

11. Kravchenko I.I. Futurologija. Available at: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH016ac36ab16e2b770addf56a>, accessed 15.11.2018 [in Rus].

12. Kurdjumova S.P., Knjazevoj E.N. Struktury budushhego: sinergetika kak metodologicheskaja osnova futurologii. Available at: <http://spkurdyumov.ru/forecasting/struktury-budushhego>, accessed 15.11.2018 [in Rus].

13. Makljujen M. (2003) Media: vneshnie rasshirenija cheloveka. Moscow, Zhukovskij, KanonPress-C, Kuchkovo pole, 464 p. [in Rus].

14. Nejsbit D. (2005) Vysokajatehnologija, glubokajagumannost': tehnologii наши poiskismysla. Moscow, AST, Tranzitkniga, 381 p. [in Rus].

15. Novejsij filosofskij slovar' (2003). Minsk, Knizhnyj dom, 1280 p. [in Rus].

16. Orlan: telo kak predmet iskusstva. Available at: <http://www.lookatme.ru/flow/posts/art-radar/85861-estestvennoe-iskusstvo-orlan>, accessed 15.11.2018 [in Rus].

17. Rossijskaja asociacija futurologov. Available at: http://futuologija.ru/about_assn, accessed 15.11.2018 [in Rus].

18. Sachkov Yu.V. Determinizm Available at: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH0140b45532a2c2c9ae35a140>, accessed 15.11.2018 [in Rus].

19. Tuzovskij I.D. Svetloe zavtra? Antiutopija futurologii I futurologija antiutopij. Available at: http://ec-dejavu.ru/images/zip_archives/I.D.Tuzovsky_Futurology.pdf, accessed 15.11.2018 [in Rus].

20. Turchin A., Batina S. Futurologija. XXI: bessmertie ili global'naja katastrofa. Available at: http://fund.scienceagainstaging.com/Books/Futurology_sm.pdf (accessed 15.11.2018) [in Rus].

For citing: Aleksandrova L.D., Trushnikova E.L. Philosophical forecasting of the future and transforming physicality in the context of digital culture // *Socium i vlast'* 2018. № 6 (74). P. 91—97.

UDC 130.2

PHILOSOPHICAL FORECASTING OF THE FUTURE AND TRANSFORMING PHYSICALITY IN THE CONTEXT OF DIGITAL CULTURE

Lyudmila D. Aleksandrova,

International Institute of Design and Service,
Director of Higher School of Management,
Cand. Sc (Philosophy),
Russian Federation,
454014, Chelyabinsk, ulitsa Voroshilova, 12.
Email: tulupic74@gmail.com

Ekaterina L. Trushnikova,

International Institute of Design and Service,
Associate Professor of the Department Chair
of the Humanities, Cand. Sc (Cultural Studies),
Russian Federation,
454014, Chelyabinsk, ulitsa Voroshilova, 12.
E-mail: etrushnikova77@mail.ru

Abstract

The main task of philosophical reflection about future is understanding the socio-cultural tracks. Futurology explores transformations of physical corporeality, human immortality, artificial intelligence, virtualization of objects and phenomena of the real world. The research of digital culture has positive and negative scenarios of the future, new social roles of a person, «new» being: real (constant), virtual, symbolic. These trends are clearly reflected in contemporary and digital art.

Key concepts:

futurology,
forecasting,
virtuality,
symbolism,
corporality,
interpretation,
digital culture,
communication,
technologization,
art and artificiality.

Для цитирования: Бойкова А. А., Никонова О. Ю. Мировые практики поддержки международной мобильности научных кадров: характеристика и перспективы применения в России // Социум и власть. 2018. № 6 (74). С. 98—109.

УДК 378.1; 378.3

МИРОВЫЕ ПРАКТИКИ ПОДДЕРЖКИ МЕЖДУНАРОДНОЙ МОБИЛЬНОСТИ НАУЧНЫХ КАДРОВ: ХАРАКТЕРИСТИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ В РОССИИ¹

Бойкова Анна Алексеевна,

Дирекция
научно-технических программ,
специалист.

Российская Федерация, 123557, г. Москва,
Пресненский вал, д. 19, строение 1.
E-mail: anna_polit@mail.ru

Никонова Ольга Юрьевна,

Южно-Уральский
государственный университет,
заведующая кафедрой отечественной
и зарубежной истории,
доктор исторических наук, доцент.

Российская Федерация,
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, д. 76.
E-mail: olga-nikonova@yandex.ru

Аннотация

В глобализующемся мире интеграционные процессы все больше затрагивают все сферы человеческой деятельности, в том числе и научно-технологическую. В качестве одного из факторов повышения качества научных исследований странами реализуются различные программы поддержки международной мобильности научных кадров и привлечения талантов со всего мира для работы на своей территории. В данной статье мы рассматриваем мировые практики поддержки международной мобильности научных кадров в странах, имеющих многолетний опыт реализации государственных программ в этой области, таких как США, ЕС, Китай.

В частности мы обращаемся к опыту Финляндии, Норвегии и Индии. Программы поддержки мобильности научных кадров, реализуемые в этих странах, представляют собой, на наш взгляд, «модели роста» подходящие для тиражирования в Российской Федерации.

Ключевые понятия:

международная академическая мобильность, научные кадры, интернационализация, международные научно-технические связи, государственная программа.

¹ Публикация подготовлена в рамках государственного задания Минобрнауки России (проект 26.13236.2018/12.1).

Вызовы глобализации и Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации

В глобализующемся мире интеграционные процессы все больше затрагивают все сферы человеческой деятельности, в том числе и научно-технологическую. Происходит нацеленная на решение приоритетных для государств задач трансформация науки и технологий, которые уже давно стали ключевым фактором развития стран и объединений. В качестве одного из факторов повышения качества научных исследований странами реализуются различные программы поддержки международной мобильности научных кадров и привлечения талантов со всего мира для работы на своей территории. В исторической ретроспективе такие программы не являются новым феноменом. Их форсированное развитие в качестве одного из важных направлений культурной и научной дипломатии современной эпохи можно отметить уже в 40-е гг. XX в., а затем в период Холодной войны, когда они стали инструментами внешнеполитического влияния двух супердержав [7; 5, с. 22—30]. В современном мире, когда глобализация стала одной из определяющих тенденций развития, обеспечение кадровыми ресурсами играет для государств ключевую роль в достижении самостоятельности и поддержке международной конкурентоспособности в научно-технологической области. В интервью порталу «Стратегия научно-технического развития Российской Федерации» академик РАН Григорий Трубников подчеркнул, что «главный ресурс, за который мир начинает бороться, причем все более агрессивно, — это умные головы. Это интеллект, люди, таланты»¹. Изучение опыта других стран, накопленного в сфере стимулирования академической мобильности для повышения конкурентоспособности на стратегических научных направлениях, является одной из предпосылок успешной реализации программ по привлечению лучших квалифицированных и творческих кадров. Кроме того, понимание механизмов работы программ международного обмена — это путь к налаживанию сотрудничества между разными государствами в сфере развития науки и технологий.

¹ Григорий Трубников: главный ресурс, за который борется современный мир, — это интеллект и таланты // Стратегия научно-технологического развития России. URL: <http://sntr-rf.ru/expert/grigoriy-trubnikov-glavnyy-resurs-za-kotoryy-boretsya-sovremennyy-mir-eto-intellekt-i-talanty/> (дата обращения: 05.10.2018).

Основным инструментом по поддержке и управлению развитием научно-технологического комплекса России является на текущий момент федеральная целевая программа «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2014—2020 годы»², которая обеспечивает реализацию проектов, нацеленных на развитие критических технологий приоритетных направлений развития науки, технологий и техники Российской Федерации. Перечень приоритетных направлений закреплен указом Президента РФ № 899 от 7 июля 2011 г.³ и включает в себя науки о жизни, индустрию наносистем, информационно-телекоммуникационные системы, рациональное природопользование, энергоэффективность, энергосбережение и ядерную энергетику, транспортные и космические системы.

Во всех из перечисленных направлений развития науки и технологий необходимо исследовать мировой опыт, а в некоторых из них требуется объединение усилий с зарубежными учеными и организациями для достижения эффективности в получении нового научного знания. Интернационализация российской академической и вузовской науки — один из важнейших вызовов современности [1; 6, с. 482]. Программы мобильности научных кадров, реализуемые на государственном уровне, позволяют прежде всего создавать мост между стратегически важными партнерами (странами, объединениями, организациями), способствуя взаимовыгодному сотрудничеству и обмену опытом в значимых для развития Российской Федерации областях и способствуют «формированию модели международного научно-технического сотрудничества и международной интеграции в области исследований и технологического развития, позволяющей защитить

² О федеральной целевой программе «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2014—2020 годы»: Постановление Правительства Российской Федерации от 21.05.2013 № 426 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201305280005> (дата обращения: 11.10.2018).

³ Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации: Указ Президента РФ от 7 июля 2011 г. № 899 // Федеральная целевая программа «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2014—2020 годы». URL: http://fcpr.ru/upload/medialibrary/cd3/ukaz_prezidenta.pdf (дата обращения: 11.10.2018).

идентичность российской научной сферы и государственные интересы в условиях интернационализации науки и повысить эффективность российской науки за счет взаимовыгодного международного взаимодействия»¹.

В данной статье мы представим обзор зарубежных программ международного обмена и академической мобильности по трем основным группам: в первой группе будут представлены кейсы, представляющие на данный момент ориентиры для развития; во второй — примеры, которые могут служить «моделями роста» для РФ; в третьей — российские практики стимулирования международного обмена и академической мобильности. В заключение будет сделан вывод о возможностях и перспективах использования зарубежного опыта.

Программы международного мобильности в США, ЕС и Китае

Если рассматривать страны и объединения, которые имеют многолетний опыт работы в этой сфере, то флагманами выступают США и ЕС. Программы в этих странах являются комплексными и включают в себя широкий спектр предложений — от финансирования академической мобильности всех направлений и уровней до элементов публичной дипломатии: ознакомления иностранных граждан с функционированием государственных органов управления с целью их информирования и формирования положительного отношения к своей системе управления.

Американское и европейские государства имеют давно сложившуюся систему финансирования международных обменов и академической мобильности, некоторые элементы которой зародились еще в начале XX в. (например, частные фонды, финансировавшие научные исследования, как Фонд Рокфеллера в США). В ней задействованы не только правительственные институты, но и частный капитал, крупные корпорации, некоммерческие организации и профессиональные ассоциации. Благодаря множеству агентов создана сеть возможностей, диверсифицированная как по направлениям и дисциплинам научного знания, так и по целевым группам грантополучателей — от студентов до известных ученых. Необходимо отметить, что существует и географическая специализация грантодателей, ориентированных на определенные регионы или

группы стран. В данной статье мы сосредоточимся на государственных программах финансирования международного обмена и академической мобильности.

Одним из ключевых примеров государственной поддержки международных обменов и академической мобильности в США является основанная в 1946 г. программа Fulbright (Фулбрайта)². Она позиционируется как «ведущая международная образовательная программа обменов, спонсируемая правительством США», целью которой является способствовать «росту взаимопонимания между народом Соединенных Штатов и народами других стран». Сегодня эта программа действует в 160 странах мира, выделяя ежегодно 8000 грантов. За 72 года существования финансовую поддержку для поездки в США и проведения там исследований или участия в образовательных мероприятиях получили более 380 тыс. человек. Программа Фулбрайта распространяется и на Российскую Федерацию и характеризуется мощной социально-гуманитарной составляющей.

Американский фонд гражданских исследований и развития поддерживает через систему грантов интеграцию исследователей и инноваторов в глобальное сообщество. Изначально грантовые программы фонда были сосредоточены на поддержке заявителей из Евразии, но в последние годы фонд больше ориентируется на страны Ближнего Востока, южной и северной части Африки, Южной и Юго-Восточной Азии.

Следствием усиления внимания американского правительства к стратегии «мягкой силы» [8, Р. 94—109] было появление таких интересных проектов как программа «Science Envoys Program» (программа «послов науки»). Благодаря ей регулярно проходят выступления выдающихся американских ученых, лауреатов Нобелевской премии для широких кругов слушателей — представителей научных кругов, студентов зарубежных стран. С 2010 г. 18 послов науки посетили 41 страну, расположенную в Африке, на Ближнем Востоке, в Центральной Азии, Южной Америке и Юго-Восточной Азии, а также встретились с десятками правительственных чиновников, в том числе с главами государств³. К примеру, в 2015 г. «посол науки» Джералдин Ричмонд (Geraldine Richmond) посетила Камбоджу, где провела ряд лекций

¹ Стратегия научно-технологического развития России. URL: <http://sntr-rf.ru> (дата обращения: 07.10.2018).

² Бюро по вопросам образования и культуры при госдепартаменте США. URL: <https://eca.state.gov/fulbright/fulbright-programs> (дата обращения: 07.10.2018).

³ Государственный департамент США. URL: <https://www.state.gov/e/oes/stc/scienceenvoy/> (дата обращения: 07.10.2018).

по науке и истории для студентов университетов¹. Доктор Маргарет Лейнен (Margaret Leinen) в 2016 г. провела ряд встреч в Самоа, целью которых было привлечение внимания правительства, общества и академических кругов к проблемам изменений климата и окружающей среды, вопросам загрязнения мирового океана, глубоководной добычи полезных ископаемых².

В ЕС функционирует беспрецедентная по масштабам программа «Горизонт 2020», в распоряжении которой с 2014 по 2020 гг. находятся почти 80 миллиардов евро. Миссией «Горизонта 2020» является «обеспечение глобальной конкурентоспособности Европы». Лидеры стран ЕС и депутаты Европейского парламента, инициировавшие запуск программы, считают, что «научно-исследовательские работы — это инвестиции в наше будущее, лежащие в основе плана ЕС по обеспечению умного, устойчивого, социально-ориентированного роста»³. В рамках программы «Горизонт 2020» реализуются проекты поддержки мобильности научных кадров как внутри ЕС, так и на международном уровне. Необходимо отметить, что «Горизонт 2020» является интегральным институтом поддержки исследований в сфере технических, естественных и социально-гуманитарных наук. В программу заложено современное понимание науки, не имеющей четких дисциплинарных границ. В «Горизонте 2020» существует гибкая и диверсифицированная система поддержки прорывных исследований ученых и научных коллективов из разных стран, в которую входит, например, финансирование по линии Европейского исследовательского совета (European Research Council)⁴. Грантополучателем ERC стал, например, лауреат Нобелевской премии по физике Константин Новоселов.

Основным финансирующим механизмом по поддержке мобильности научных кадров как внутри ЕС, так и за его пределами выступает программа имени Марии Склодовской-

Кюри (Marie Skłodowska-Curie Actions, далее — MSCA)⁵. В ее рамках на 2014—2020 гг. на финансирование стажировок и обучения выделяется 6,16 млрд евро. Гранты MSCA основаны на принципах транснациональной, межотраслевой и междисциплинарной мобильности. Грантополучателями могут быть организации, исследователи, которые в результате получения гранта будут выполнять свой научный проект не в стране постоянного проживания. Граждане России также могут принимать участие в программе.

Правила программы «Горизонт 2020» не предусматривают автоматическое финансирование российских организаций. Участники научных консорциумов из России, выполняющие совместные научно-исследовательские проекты в рамках программы, могут подать заявку на конкурс федеральной целевой программы «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2014—2020 гг.» для получения финансирования на реализацию своей части работ в рамках проекта, поддержанного «Горизонтом 2020».

Также, как и в США, в ЕС существует программа целенаправленной поддержки международного сотрудничества в сфере высшего образования. Это программа Erasmus+⁶, которая стартовала в 2014 г. с бюджетом 16,5 млрд евро. Она обеспечивает поддержку мобильности студентов и преподавателей, развивает сотрудничество университетов в рамках Болонского процесса и является, по оценкам исследователей, самой масштабной современной программой в образовательной сфере [2, с. 114].

В Азиатско-Тихоокеанском регионе бесспорным лидером является Китай — страна с сильной экономикой, которая уже давно активно продвигает себя на глобальном научно-технологическом рынке с помощью научной и публичной дипломатии. В Китае существует несколько масштабных государственных программ развития науки и высшего образования, в рамках которых реализуются задачи стимулирования мобильности научных кадров. Одна из них — «Тысяча талантов»⁷ — была запущена в 2008 г. Она ставит своей целью привлече-

¹ Neou Vannarin. US Science Envoy Sees Tech Potential in Students // Радиостанция Голос Америки URL: <https://www.voacambodia.com/a/us-science-envoy-sees-tech-potential-in-cambodia-students/2673055.html> (дата обращения: 07.10.2018).

² United States Science Envoy visits Samoa // Посольство США в Самоа. URL: <https://ws.usembassy.gov/united-states-science-envoy-visits-samoa/> (дата обращения: 07.10.2018).

³ Официальный портал Европейской Комиссии. URL: <https://ec.europa.eu/programmes/horizon2020/what-horizon-2020> (дата обращения: 07.10.2018).

⁴ Европейский исследовательский совет. URL: <https://erc.europa.eu> (дата обращения: 10.10.2018).

⁵ Программа имени Марии Склодовской-Кюри. URL: <http://ec.europa.eu/research/mariecurieactions/> (дата обращения: 10.10.2018).

⁶ Программа Erasmus+. URL: http://ec.europa.eu/programmes/erasmus-plus/node_en (дата обращения: 10.10.2018).

⁷ Программа Тысяча талантов. URL: <http://www.1000plan.org/en/> (дата обращения: 07.10.2018).

ние зарубежных специалистов и экспертов международного уровня в Китай, а также задачу возвращения на родину китайских ученых, получивших образование и сделавших карьеру за рубежом. Благодаря этой программе в Гуанчжоу количество экспатриантов из числа высококвалифицированных специалистов и членов их семей, получивших разрешение на пребывание в Китае от 2 до 5 лет выросло до 5000 человек¹, в том числе благодаря упрощению формальностей при оформлении бумаг для въезда и трудоустройства специалистов.

В сегодняшних экономических условиях запуск подобных масштабных программ в России не представляется возможным ввиду необходимости долгосрочного финансового планирования для обеспечения их функционирования и последующей корректировки. Однако в отдельных европейских и неевропейских странах существуют программы, которые можно рассматривать как «модели роста» в сфере развития международных обменов и академической мобильности для Российской Федерации.

Инструменты международной мобильности научных кадров, реализуемые в Финляндии, Норвегии, Индии

Для обзора программ, представляющих собой, на наш взгляд, «модели роста», были выбраны Финляндия, Норвегия и Индия. Программы поддержки мобильности научных кадров, реализуемые в этих странах, менее масштабны и больше подходят для тиражирования в Российской Федерации по целому ряду причин. Так, Финляндия является ярким примером в области создания целевых программ мобильности, работающих избирательно на развитие и поддержание связей со стратегически важными для страны партнерами и регионами. Программы Норвегии интересны тем, что они призваны способствовать интернационализации норвежских исследований и решению внутренних социальных запросов общества, таких как стремление к гендерному балансу в научном сообществе, развитию регионального сотрудничества. Задачи, которые ставит перед собой Индия, схожи с задачами, стоящими перед российским обществом, так как главной целью является

¹ Чэн Цзинвэй. Более 5000 иностранцев получили разрешение на проживание от двух до пяти лет в Гуанчжоу // Программа Тысяча талантов. Новости Китая. URL: <http://www.1000plan.org/qqrjh/article/78551> (дата обращения: 14.11.2018).

привлечение лучших умов со всего мира для решения вызовов технологического характера. Итак, программы мобильности научных кадров в вышеупомянутых странах вызваны к жизни проблемами, актуальными сегодня и для России: необходимостью интернационализации науки, укрепления регионального сотрудничества, привлечения передового международного опыта к решению вызовов, стоящих перед государством, и, следовательно, могут рассматриваться как модели для создания и модернизации собственных программ. Рассмотрим вышеуказанные страны более подробно.

В Финляндии интересны примеры, ориентированные на сотрудничество с РФ. К таким программам относится, например, действующая с 2000 г. правительственная Программа FIRST², которая ориентирована на стимулирование обмена студентами и научно-педагогическими работниками. Сначала программа обеспечивала сотрудничество между высшими учебными заведениями Финляндии и северо-западной России, сегодня охватывает всю Россию и открыта для всех направлений образования³. Основная идея программы — создание сетевых форм сотрудничества между высшими учебными заведениями. Создаваемая сеть должна включать в себя как минимум одну организацию высшего образования из Финляндии и одну организацию высшего образования в России. Важно, что в отличие от многих программ, предполагающих самостоятельную подачу заявок в национальные фонды для дальнейшей реализации сотрудничества, данная форма сетевого взаимодействия координируется финской организацией, которая сама подает заявку на финансирование в EDUFI от имени всех участников сетевого сотрудничества и берет на себя ответственность за использование грантов и отчетов в EDUFI. Для подачи заявок разработана электронная система, которая обеспечивает удобство заполнения необходимых форм. Основным критерием отбора является качество плана проекта. Узкая специализация про-

² С 2000 по 2016 г. программа называлась FIRST. С 2017 г. программе присвоено название FIRST+. Программа финансируется Министерством образования и культуры и Национальным агентством образования Финляндии (EDUFI) (Финское национальное агентство по образованию. URL: <http://www.cimo.fi/programmes/firstplus> (дата обращения: 10.11.2018)).

³ Принимать участие в данной программе имеют право все учебные заведения Финляндии. В России список учреждений, имеющих право участвовать в программе, ограничивается высшими учебными заведениями, имеющими аккредитацию.

граммы, поддерживающей только обмена преподавателей и студентов, охватывающие пребывание от 5 дней до 12 месяцев, определяет краткосрочный характер финансирования — один год. По итогам промежуточного отчета участники сетевого взаимодействия могут ходатайствовать о дополнительном финансировании, если по их оценкам количество участников запланированной мобильности будет выше по сравнению с предоставленными численными показателями.

Наряду с программой FIRST+ в Финляндии существуют государственные программы, ориентированные и на другие регионы. Например, в рамках азиатской программы сотрудничества в области образования осуществляется поддержка академических контактов с Японией и Южной Кореей.

Поддержка индивидуальных заявок на грантовую поддержку мобильности в Норвегии осуществляется через механизмы, реализуемые Исследовательским советом Норвегии (The Research Council of Norway¹). Это национальная программа, предоставляющая индивидуальные гранты норвежским исследователям (в том числе успешным студентам, докторантам и аспирантам) для финансирования визитов в иностранные научные и образовательные учреждения для совместной работы с иностранными исследователями на уровне аспирантуры и докторантуры, а также проведения исследований интернациональных групп на территории Норвегии. Гранты, как и в Финляндии, краткосрочные — для визитов продолжительностью от одного до двенадцати месяцев. Процедура подачи заявки несложная, предполагает краткое описание проекта, резюме заявителя и копию диплома, пригласительное письмо от принимающей организации и рекомендацию от института/исследовательской группы, к которой принадлежит заявитель. Исследовательский совет при отборе заявок обращает внимание на исследовательские проекты, которые содействуют интернационализации норвежских исследований, увеличивают количество женщин, имеющих высокий академический статус, чтобы стабилизировать гендерный баланс в норвежских исследованиях.

Задачи расширения регионального научного сотрудничества решаются в Норвегии также с помощью системы Гранты Норвегии (Norway Grants²). Эта система носит универсальный характер и поддерживает

¹ Исследовательский совет Норвегии. URL: https://www.forskningradet.no/en/Personal_mobility_grant/1237969458846 (дата обращения: 10.11.2018).

² Гранты Норвегии. URL: <https://eeagrants.org/Who-we-are/Norway-Grants> (дата обращения: 07.11.2018).

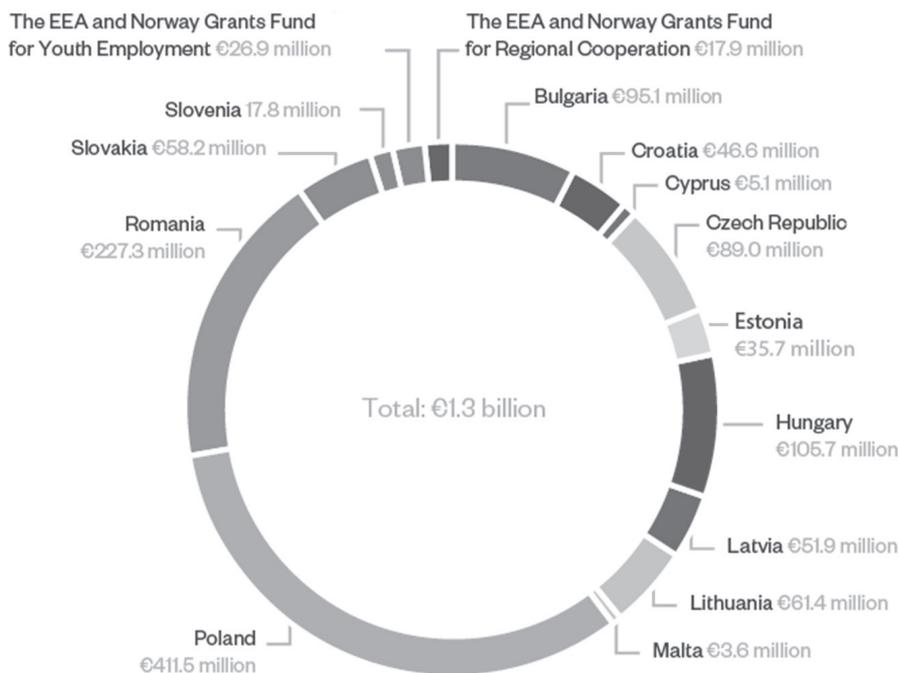
исследования по пяти приоритетным направлениям: 1) инновации, исследования, образование и конкурентоспособность; 2) социальная интеграция, занятость молодежи и сокращение бедности; 3) окружающая среда, энергетика, изменение климата и низкая углеродная экономика; 4) культура, гражданское общество, надлежащее управление и основные права и свободы; 5) право, внутренние дела. Распределение финансирования в рамках норвежских грантов показывает, что приоритетным политико-географическим вектором является Центрально-Восточная Европа (см. рисунок).

Министерство развития человеческих ресурсов Правительства Индии (Ministry of Human Resource Development, government of India) реализует в области высшего образования программу «Глобальная инициатива академических сетей» (Global Initiative of Academic Networks — GIAN³). Она направлена на привлечение талантов из числа ученых и предпринимателей международного уровня с целью поддержки их взаимодействия с высшими учебными заведениями Индии. Основными задачами данной программы является повышение качества интеллектуального капитала, работающего в Индии, ускорение темпов реформирования в сфере высшего образования и стимулирование научно-технического развития Индии с целью достижения мирового уровня. Преподаватели и студенты со всего мира, обладающими международным опытом преподавания и исследовательской деятельности передают благодаря программе свой передовой опыт национальным кадрам. Финансируя поездки зарубежных ученых, программа стимулирует интерес международного академического сообщества к проблемам Индии и привлекает их к решению национальных исследовательских проблем.

Российский опыт по развитию академической мобильности: успехи и проблемы

За последнее десятилетие в Российской Федерации были предприняты серьезные усилия по развитию академической мобильности и международного сотрудничества в области науки через ряд программ прямой государственной поддержки науки и образования. Эффективным инструментом

³ Глобальная инициатива академических сетей Индии. URL: <http://www.gian.iitkgp.ac.in> (дата обращения: 07.11.2018).

Распределение финансовой поддержки между двумя направлениями: трудоустройство молодежи и региональное сотрудничество

стали конкурсы в рамках постановления № 220 Правительства Российской Федерации от 9 апреля 2010 г. «О мерах по привлечению ведущих ученых в российские образовательные организации высшего образования, научные учреждения, подведомственные федеральному агентству научных организаций, и государственные научные центры Российской Федерации в рамках подпрограммы «Институциональное развитие научно-исследовательского сектора» государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013—2020 годы»¹ (программа «мегагрантов»). Основными целями программы «мегагрантов» являются: привлечение ученых с мировым именем, в том числе и наших соотечественников, проживающих за рубежом,

¹ О мерах по привлечению ведущих ученых в российские образовательные организации высшего образования, научные учреждения, подведомственные федеральному агентству научных организаций, и государственные научные центры Российской Федерации в рамках подпрограммы «Институциональное развитие научно-исследовательского сектора» государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013—2020 годы : Постановление Правительства Рос. Федерации от 9 апр. 2010 г. № 220 // Мегагранты. URL: http://www.p220.ru/phocadownload/post_p_rf_09_04_2010_220.pdf (дата обращения: 08.11.2018).

в российские вузы, научные учреждения и государственные научные центры; создание научных лабораторий, способных конкурировать с ведущими лабораториями мира; получение научных результатов мирового уровня; создание условий для улучшения качественного состава научных и научно-педагогических кадров, эффективной системы мотивации научного труда; стимулирование притока молодежи в сфере науки, образования и высоких технологий; создание устойчивых связей российских вузов, научных учреждений государственных академий наук и государственных научных центров Российской Федерации с ведущими мировыми научными школами; трансфер в экономику перспективных разработок, полученных в рамках проведенных научных исследований.

Состоялось 6 конкурсов, которые поддержали открытие лабораторий под руководством сильнейших представителей российской и зарубежной науки. По итогам конкурса 2017 г. победителями стали 35 ведущих ученых из 12 стран мира². В рамках реализации «мегагрантов» только в 2017 г. состоялось 43 защиты докторских

² Результаты реализации программы «Мегагрантов» в 2017 г. // Мегагранты. URL: <http://www.p220.ru/home/news/item/1437-megsovgra> (дата обращения: 10.11.2018).

диссертаций и 121 кандидатская, что показывает эффективность программы в области подготовки научных кадров. Молодые ученые и научные работники российских организаций, ставших площадками для реализации проектов в рамках постановления № 220, благодаря привлечению опытных руководителей международного уровня получили доступ к новым партнерам в своей области через сеть контактов привлеченных специалистов, что является важным шагом на пути интеграции российской науки в международное пространство.

Основные сложности реализации программы создают бюрократические препятствия при решении визовых вопросов, задержки финансирования и трудности долгосрочного планирования. В частности, 6 конкурс на создание международных лабораторий предполагает трехлетний срок реализации проектов¹, который является явно недостаточным для получения значимых результатов исследований. Предыдущие конкурсы предполагали возможность продления проектов на 2 года при получении положительной оценки. По требованиям программы ведущему ученому необходимо находиться на территории России для руководства лабораторией и проводимым научным исследованием как минимум 120 дней, что останавливает специалистов высокого уровня, не имеющих возможность покинуть постоянное место работы на длительный срок, особенно при учете коротких сроков реализации проектов (3, максимум 5 лет при условии продления) и отсутствия гарантии трудоустройства по окончании проекта.

Важным этапом в развитии мобильности научных кадров и интеграции в международное научное сообщество стало принятие в 2013 г. Постановления № 211 «О мерах государственной поддержки ведущих университетов российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров»², для реализации которого было выделено более 60 млрд рублей бюджетных средств в пери-

од с 2013 по 2018 г.³ Сегодня в программе, получившей название Проект 5-100, участвует 21 университет России. В области поддержки и развития мобильности кадров Постановлением № 211 предусмотрена реализация программ международной и внутривоспитательской академической мобильности научно-педагогических работников в форме стажировок, повышения квалификации, профессиональной переподготовки, а также реализация научно-исследовательских проектов с привлечением к руководству ведущих иностранных и российских ученых и (или) совместно с перспективными научными организациями. Проект 5-100 показывает свою эффективность в области интернационализации науки в университетах-участниках, что можно наблюдать по результатам мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования (см. таблицу). Рост числа зарубежных профессоров, преподавателей, исследователей и аспирантов в большинстве университетов напрямую связан со стимулированием мобильности научных кадров.

Участие российских университетов в программе «Мегагранты» и Проекте 5-100 стимулирует их интеграцию в международное научное сообщество и позволяет научным кадрам получать опыт работы в составе международных коллективов за счет поддержки мобильности, создания лабораторий под руководством и с участием зарубежных специалистов. Положительным эффектом от внедрения таких программ в российскую систему мы считаем привлечение внимания организаций к изучению лучших мировых практик и их применение. Финансирование, которое выделяется для этих целей, позволяет инициировать процесс трансформации в университетах в сторону интернационализации науки и образования. Тем не менее, объем финансирования не всегда позволяет достичь поставленных перед университетами целей. Для системных изменений требуется увеличение субсидирования и создание возможностей для долгосрочного планирования, что позволит обеспечить стабильность международного участия и академической мобильности, как входящей, так и исходящей.

Российская система поддержки международного научно-технического сотрудничества и мобильности научных кадров для обеспечения своей конкурентоспособности требует, кроме того, внедрения новых

¹ Мегагранты. URL: <http://www.p220.ru/home/contest/konkurs6> (дата обращения: 11.10.2018).

² О мерах государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров : Постановление Правительства РФ от 16 марта 2013 года № 211 // Проект 5-100. URL: <https://www.5top100.ru/documents/regulations/673/> (дата обращения: 05.11.2018).

³ Проект 5-100. URL: <https://www.5top100.ru/documents/regulations/> (дата обращения: 05.11.2018).

Показатели согласно данным мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования за 2016—2017 гг.¹, университеты Проекта 5-100

Университет	Общая численность иностранных аспирантов (адъюнктов), интернов, ординаторов, ассистентов-стажеров (чел.)		Удельный вес численности иностранных граждан из числа НТР в общей численности НТР (%)		Численность зарубежных ведущих профессоров, преподавателей и исследователей, работающих в образовательной организации не менее 1 семестра (чел.)	
	2016	2017	2016	2017	2016	2017
Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта (БФУ)	19	16	0,79	1,42	7	8
Первый МГМУ им. И. М. Сеченова Министерства здравоохранения РФ (Сеченовский университет)	155	155	0,47	0,67	12	17
Российский университет дружбы народов (РУДН)	951	999	0,88	1,09	16	23
Сибирский федеральный университет (СФУ)	10	15	0,62	0,69	1	0
Тюменский государственный университет (ТюмГУ)	15	0	0,61	0	7	0
Южно-Уральский государственный университет (ЮУрГУ)	49	74	0,09	1,39	0	27
Дальневосточный федеральный университет (ДВФУ)	52	62	0,89	1,55	6	33
Казанский (Приволжский) федеральный университет (КФУ)	120	137	2,74	2,95	45	85
Московский физико-технический институт (государственный университет) (МФТИ)	102	139	1,62	2,49	48	61
Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС» (НИТУ «МИСиС»)	45	67	1,89	1,61	20	17
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ВШЭ)	10	73	6,14	6,51	142	158
Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ» (НИЯУ МИФИ)	35	58	4,73	13,68	39	188
Университет Лобачевского (ННГУ им. Н. И. Лобачевского)	42	41	1,37	0,76	10	14
Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (НГУ)	49	51	1,12	0,50	26	16
Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королёва	6	16	0,89	1,96	7	17
Санкт-петербургский политехнический университет Петра Великого (СПбПУ)	76	94	1,97	2,78	66	83
Санкт-петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина) (СПбГЭТУ «ЛЭТИ»)	44	54	1,17	0,08	17	1
Университет ИТМО	74	122	3,21	3,93	26	22
Национальный исследовательский томский государственный университет (ТГУ)	74	108	5,57	4,45	91	90
Национальный исследовательский томский политехнический университет (ТПУ)	138	199	1,57	3,84	19	66
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (УрФУ)	61	87	1,89	4,65	47	92

¹ Главный информационно-вычислительный центр. URL: <http://indicators.miccedu.ru/monitoring/> (дата обращения: 28.11.2018).

программ стимулирования с учетом мирового опыта.

Перспективы развития инструментов международной мобильности научных кадров Российской Федерации

Основываясь на проделанном обзоре, можно выделить следующие элементы зарубежного опыта, полезные для развития академической мобильности в РФ. Создание сетевых объединений научно-образовательных организаций разных стран (пример финляндских программ FIRST+ и Азиатского сотрудничества) позволяет решать задачи развития академической мобильности в рамках компактных, как правило, регионально ориентированных сетей. Региональная локация и селективность партнерских связей, базой которых являются общие научные интересы и уже установленная через персональные контакты научная коммуникация, позволяет сократить период поиска партнеров и ускорить старт совместных проектов. О развитии академической мобильности в региональном сегменте как о наиболее перспективном варианте представители региональных вузов говорили уже в начале 2000-х гг. и это остается актуальным [3, с. 3—10]. Программы, подобные FIRST+, предполагают чтение лекций на английском языке в вузах-партнерах, что способствует развитию коммуникативных навыков научно-педагогических кадров России и позволяет расширить партнерскую научную сеть за счет конкретных представителей научно-образовательных организаций, участвующих в мобильности. Для российских условий было бы рациональным ввести наряду с региональным компонентом и тематический компонент в процедуру подачи и отбора заявок, чтобы соотнести развитие академической мобильности с задачами СНТР по развитию научно-образовательной системы РФ в областях, требующих срочной модернизации/актуализации. Эффективным механизмом может стать децентрализация финансирования программ региональной академической мобильности за счет разработки механизмов ее поддержки в субъектах РФ¹ [4, с. 271].

Опыт норвежской системы грантовой поддержки (EEA and Norway Grants) может служить «моделью роста» для решения задачи укрепления научно-технологической

интеграции на постсоветском пространстве, со стратегическими партнерами РФ из числа бывших союзных республик СССР. Начальным этапом для развития такой грантовой поддержки могла бы стать также специальная программа финансирования сетевых объединений, которая позволила бы подготовить базу контактов и партнерских сетей для реализации более масштабных научно-исследовательских проектов. Акцент при формулировке условий конкурсов по развитию академической мобильности должен быть сделан на исходящую мобильность РФ, но не исключать входящую — в меньших масштабах. Продолжением внедрения такой программы поддержки мобильности должна стать программа грантов поддержки научно-исследовательских проектов с этими же странами — стратегическими партнерами для обеспечения преемственности результатов двух предлагаемых к внедрению программ.

Опыт Индии по реализации программы «Глобальной инициативы академических сетей» (GIAN) показывает, что программы такого формата полностью покрывают расходы заявителей. В отличие от российской практики в Индии, как и во многих других странах, существует стипендиальная поддержка с полным покрытием расходов. Такие условия реализации проекта делают выбор заявителя очевидным: перспективные ученые обращаются за грантами в страны, предоставляющие полную финансовую поддержку на время обучения/работы в научном коллективе. Особенно важно выполнение условия полного финансирования при реализации программ поддержки входящей и исходящей мобильности на уровне постдокторских позиций. Развитие этого вида мобильности требует серьезного долгосрочного финансового планирования, так как оплата труда постдока в РФ должна быть конкурентоспособной на мировом рынке перспективных молодых ученых. Многих зарубежных молодых ученых привлекает возможность работы в научных коллективах под руководством ведущих российских ученых, но останавливает недостаточная финансовая обеспеченность, не гарантирующая высокий уровень жизни.

При организации программ поддержки мобильности молодых ученых требуется учесть высокий потенциал этой возрастной категории в налаживании научной коммуникации, которая представляет собой основу для организации академических и научных сетей. Для развития исходящей мобильности молодых ученых в РФ необходимо создание

¹ Подобный опыт имеется, например, в Татарстане.

информационной базы научных групп, имеющих вакантные постдокторские позиции, с целью предложения этой информации наиболее перспективным молодым ученым России. Важно иметь финансовую возможность направлять российских молодых ученых на постдокторские позиции не по зарубежным программам, которые зачастую ограничивают списки научных организаций или направлений, по которым российские ученые могут участвовать в конкурсах, а за счет средств российской стороны.

В целом, говоря о стратегических планах по развитию академической мобильности, предстает необходимым: создание специальной программы финансирования сетевых объединений научно-образовательных организаций России и стран — стратегических партнеров России; создание стипендиальной программы мобильности научных кадров, позволяющей пройти обучение (магистратура, аспирантура) или участвовать в научных проектах иностранных и российских граждан в вузах и научных центрах в России и за рубежом соответственно; создание программ поддержки входящей и исходящей мобильности на уровне постдокторских позиций.

1. Агранович М. Л. Интернационализация высшего образования: тенденции, стратегии, сценарии будущего / Национальный фонд подготовки кадров. М., 2010.

2. Ватолкина Н. Ш., Федоткина О. П. Международное стратегическое партнерство университета: модели взаимодействия // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. № 6. С. 113—119.

3. Мартыненко О. О., Жукова Н. В. Академическая мобильность в России: сегодняшние проблемы и ближайшие перспективы (взгляд из регионального вуза) // Интеграция образования. 2008. № 2. С. 3—10.

4. Муртазина Л. Г., Зиятдинова Ю. Н. Академическая мобильность как фактор развития международного сотрудничества исследовательского университета // Вестник Казанского технологического университета. 2011. № 19. С. 269—272.

5. Нагорная О. Научное сотрудничество и образовательные контакты в системе советской культурной дипломатии эпохи «холодной войны» // Вестник Пермского университета. История. 2018. № 3. С. 22—30.

6. Фатхуллина Л. З., Гурьянова Т. Н. Интернационализация российского высшего образования: проблемы и перспективы // Вестник Казанского технологического университета. 2014. № 14. С. 482—485.

7. Цветкова Н. А. Cultural imperialism: международная образовательная политика США в годы «холодной войны». СПб., 2006.

8. Nye J.S.Jr. Public Diplomacy and Soft Power // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. Vol. 616. P. 94—109.

References

1. Agranovich, M. (2010) Internacionalizacija vysshego obrazovanija: tendencii, strategii, scenarii budushhego: Nacionalnyj fond podgotovki kadrov. Moscow [in Rus].

2. Vatoalkina N., Fedotkina O. (2018) *Vysshee obrazovanie v Rossii*, vol. 27, no. 6, pp. 113—119 [in Rus].

3. Martynenko O., Zhukova N. (2008) *Integracija obrazovanija*, no. 2, pp. 3—10 [in Rus].

4. Murtazina L., Zijatdinova J. (2011) *Vestnik Kazanskogo tehnologicheskogo universiteta*, no. 19, pp. 269—272 [in Rus].

5. Nagornaja O. (2018) *Vestnik Permskogo universiteta. Istorija*, no. 3, pp. 22—30 [in Rus].

6. Fathullina L., Gurjanova T. (2014) *Vestnik Kazanskogo tehnologicheskogo universiteta*, no. 14, pp. 482—485 [in Rus].

7. Cvetkova N. (2006) *Cultural imperialism: mezhduнародnaja obrazovatel'naja politika USA v gody «holodnoj vojny»*. St. Petersburg [in Rus].

8. Nye J.S.Jr. (2008) *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 616, pp. 94—109 [in Eng].

For citing: Boikova A.A.,
Nikonova O.Yu. The world practice
of supporting international mobility
of academic personnel: characteristics
and prospects of their applying in Russia //
Socium i vlast' 2018. № 6 (74). P. 98—109.

UDC 378.1; 378.3

**THE GLOBAL PRACTICE
OF SUPPORTING
INTERNATIONAL MOBILITY
OF ACADEMIC PERSONNEL:
CHARACTERISTICS
AND PROSPECTS
OF THEIR APPLYING
IN RUSSIA**

Anna A. Boikova,

Directorate of Scientific
and Technical Programs, Expert,
Russian Federation,
123557, Moscow, Presnenskiy Val, 19, building 1.
E-mail: anna_polit@mail.ru

Olga Yu. Nikonova,

South Ural State University,
Head of the Department Chair of National
and International History,
Doctor of History, Associate Professor,
Russian Federation,
454080, Chelyabinsk, prospect Lenina, 76.
E-mail: olga-nikonova@yandex.ru

Abstract

In the globalizing world, integration processes increasingly affect all spheres of human activity, including science and technology. As one of the factors for improving the quality of scientific research, countries implement various programs to support the international mobility of academic personnel and attract talented researchers from around the world to work on their territory. The paper considers the global practice of supporting academic personnel international mobility in the countries with many years' experience in implementing government programs in this area, such as the United States, the European Union, and China. Particularly, we turn to the experience of Finland, Norway and India. The programs for supporting mobility of academic personnel implemented in these countries are, in our opinion, "growth models" suitable for replication in the Russian Federation.

Key concepts:

international academic mobility,
academic personnel,
internationalization,
international science and technical relations,
government program.

Для цитирования: Зырянов С. Г., Гордеев С. С., Нечаева С. В. Институциональное обеспечение пространственного развития территорий Российской Федерации в условиях становления цифровой экономики: итоги Всероссийской научно-практической конференции (26 октября 2018 года, Челябинск, Российская Федерация) // Социум и власть. 2018. № 6 (74). С. 110—116.

УДК 334.021.1

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ
ОБЕСПЕЧЕНИЕ
ПРОСТРАНСТВЕННОГО
РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ
ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ:
ИТОГИ ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ
(26 октября 2018 года,
Челябинск,
Российская Федерация)**

Зырянов Сергей Григорьевич,

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал, директор,
доктор политических наук, профессор.
Российская Федерация,
454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26.
E-mail: director@chel.ranepa.ru

Гордеев Сергей Сергеевич,

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
заведующий лабораторией
«Модели пространственного развития»,
Челябинский государственный университет,
ведущий научный сотрудник,
кандидат экономических наук.
Российская Федерация,
454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26.
E-mail: sgordeev222@gmail.com

Нечаева Светлана Владимировна,

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
заместитель директора,
доцент кафедры политологии, истории
и философии,
кандидат исторических наук, доцент.
Российская Федерация,
454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26.
E-mail: nechaeva@chel.ranepa.ru

Аннотация

Статья посвящена обзору и анализу итогов Всероссийской научно-практической конференции «Институциональное обеспечение пространственного развития территорий Российской Федерации в условиях становления цифровой экономики». В статье излагается содержание наиболее значимых докладов и проблем, породивших дискуссии, раскрывающих нынешнее состояние теории, методологии, практики институционального обеспечения пространственного развития.

Ключевые понятия:

научно-практическая конференция,
институциональные изменения,
пространственное развитие,
цифровизация экономики.

Всероссийская научно-практическая конференция по теме: «Институциональное обеспечение пространственного развития территорий Российской Федерации в условиях становления цифровой экономики» состоялась 26 октября 2018 г. на площадке Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Выбор темы и места проведения, состав участников конференции были predeterminedены рядом следующих обстоятельств.

Статус РАНХиГС как крупнейшего вуза России, объединяющего 55 филиалов, работающих в более чем пятидесяти субъектах федерации, позволяет в режиме научных форумов рассматривать наиболее актуальные и сложные проблемы социально-экономического развития большого пула регионов России. Общий вектор в данном вопросе ежегодно задает Гайдаровский форум, выступающий трибуной для ведущих мировых ученых и политиков, представителей финансовых институтов и глобальной бизнес-элиты. Последующее рассмотрение предложений теоретиков и практиков, оказывающих влияние на тренды развития государств и регионов происходит уже в субъектах Российской Федерации, где присутствуют и работают филиалы Академии. Среди них Челябинск как крупный индустриальный и научно-образовательный центр Урала.

Партнерами конференции в Челябинске выступили органы государственной и муниципальной власти, научные организации и бизнес-структуры: Законодательное Собрание Челябинской области, Министерство экономического развития Челябинской области, ведущая академическая структура, исследующая вопросы регионального развития — Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, ведущая компания в сфере энергетики Урала — ПАО «Фортум».

Оказание информационно-аналитических, консультационных и научно-методических услуг, а также экспертно-аналитическая поддержка деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаций в Уставе РАНХиГС¹

¹ Об утверждении устава федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»: Постановление Правительства РФ от 12 мая 2012 г. №

является одним из основных направлений деятельности Академии в Челябинской области. Во многом именно этим и определялся основной состав участников конференции и тематика выступлений.

В конференции приняли участие представители органов местного самоуправления Челябинской области, Российского Федерального ядерного центра — Всероссийского научно-исследовательского института технической физики им. академика Е. И. Забабахина, реализующего ряд научно-образовательных проектов совместно с Челябинским филиалом РАНХиГС; ведущего вуза страны — МГУ им. М. В. Ломоносова, а так же некоммерческих и общественных организаций (АНО «Центр кластерного развития Челябинской области», АНО «АСЭРА», «Челябинский Зеленый Крест» и другие).

Пленарная сессия: основные выступления

Общее научно-прикладное направление обсуждения проблем устойчивого развития регионов в условиях становления институтов информационного (цифрового) общества определили выступления заместителя директора Челябинского филиала РАНХиГС *Светланы Нечаевой*, заместителя председателя Законодательного Собрания Челябинской области *Константина Захарова*, первого заместителя министра экономического развития Челябинской области *Ирины Акбашевой*, представителя ПАО «Фортум» *Ольги Яшиной*.

Первая тематическая часть пленарной сессии — «**Институциональное обеспечение пространственного развития: теория, методология, практика**» — была связана с обсуждением результатов проведенных по теме конференции исследований.

Пленарную сессию открыл заведующий лабораторией «Модели пространственного развития» Челябинского филиала РАНХиГС *Сергей Гордеев*. Его доклад «Динамика сверхдоходов и перспективы развития регионов» был посвящен исследованию динамики сверхдоходов ряда крупных добывающих и обрабатывающих компаний России. Результаты исследования показывают, что рост сверхдоходов связан прежде всего с удачной конъюнктурой мирового рынка и динамикой валютного курса, а не с ростом выпуска и реализации производимой продукции. Соответственно, рост сверхдоходов,

473 (с изменениями и дополнениями от 25 августа 2017 г.) // Система ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/70174550/#ixzz5Wd9vmg90>.

как правило, не предполагает положительных общественно значимых последствий в виде общего роста инвестирования, а также роста показателей качества жизни населения.

Обобщая опыт целого комплекса исследований, старший научный сотрудник Института экономики Уральского отделения РАН *Арина Суворова* презентовала опыт г. Екатеринбурга в сфере разработки и реализации Стратегии пространственного развития. Ключевыми элементами Стратегии стали: развитие городских территорий (эффективное использование городской земли), развитие городской транспортной сети (в т. ч. путем формирования Екатеринбургской агломерации) и развитие городской среды (развитие застроенной территории, создание системы рекреационных и общественных пространств).

Консультант Министерства экономического развития Челябинской области *Анастасия Понькина* презентовала Стратегию пространственного развития Челябинской области до 2035 года, обозначив цели, задачи и основные сценарии развития событий в Челябинской области, перспективы и риски реализации Стратегии.

Консультант Управления развития Министерства экономического развития Челябинской области *Дмитрий Абдрашитов* представил доклад о принципах и особенностях разработки муниципальных стратегий пространственного развития на примере Стратегии Уйского муниципального района.

Директор ассоциации «Координационный совет Челябинской агломерации» *Юрий Кузнецов* в докладе «Челябинская агломерация: формирование институтов межмуниципального сотрудничества и опыт решения межмуниципальных задач» обозначил типичные проблемы межмуниципального сотрудничества, существующие в России в целом и Челябинской области в частности, а также предложил ряд мер (преимущественно законодательных) по устранению существующих проблем в сфере межмуниципального сотрудничества.

Вторую тематическую часть пленарной сессии «**Цифровизация и институциональные изменения в процессах управления и социальных коммуникациях**» в обсуждении проблем пространственного развития территорий России открыл онлайн-докладом, посвященным приоритетам новой модели развития для российских регионов, заведующий кафедрой экономики природопользования Московского государственного университета им. М. В. Ломоносо-

ва, академик РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации *Сергей Бобылев*.

Ведущий научный сотрудник испытательно-исследовательского отдела ФГУП «РФЯЦ — ВНИИТФ им. академика Е. И. Заббахина» *Николай Горин* в докладе «Развитие атомной энергетики: глобальная угроза или панацея?», опираясь на анализ достижений в сфере использования управляемых ядерных реакций, дал анализ преимуществ использования атомной энергетики в будущем в сравнении с традиционными способами получения электроэнергии.

Проект «Концепция формирования Транспортно-логистической конурбации» представила директор по развитию территорий АНО «Центр кластерного развития Челябинской области» *Динара Мухомедьярова*. В докладе прозвучали цели проекта, планируемые к реализации мероприятия и целевые показатели, определены конкурентные преимущества экономической зоны, охватывающей ряд муниципалитетов Челябинской области. Отдельно были обозначены конкретные инвестиционные проекты межмуниципального и межрегионального значения (инфраструктурные, социальные и индустриальные).

В докладе «Цифровая институционализация как фактор бюрократизации» доцент кафедры математики, информатики и естественнонаучных дисциплин Челябинского филиала РАНХиГС *Тимофей Шабанов* рассмотрел достаточно неоднозначную и вызвавшую полемику гипотезу о том, что компьютеризация упрощает взаимоотношение «*гражданин — общественное объединение — государство*» до «*гражданин — государство*» при снижении числа общественных объединений и сокращении численности госслужащих.

В докладе «Социокультурный портрет регионов России» доцента кафедры экономики и менеджмента Челябинского филиала РАНХиГС *Екатерины Терещук* были презентованы результаты, полученные в рамках всероссийского исследования, инициированного доктором философских наук Н. И. Лапиным при поддержке РФНФ, в том числе социокультурные особенности и перспективы пространственного развития Челябинской области.

Обсуждения и стендовые доклады

Круглый стол «Перспективы внедрения наилучших доступных технологий преобразования окружающей среды», направленный на обсуждение поднятых в докладах проблем и презентованных практик, был рассчитан,

помимо прочих, на молодежную аудиторию. Модераторами круглого стола выступили председатель правления Челябинской областной эколого-просветительской общественной организации «Челябинский Зеленый Крест» Мария Соболев и ведущий научный сотрудник ФГУП РФЯЦ — ВНИИТФ им. академика Е. И. Забабахина *Николай Горин*. В ходе обсуждения участники согласились с тезисом о том, что именно наилучшие доступные технологии призваны стать элементом более качественного и экономически обоснованного контроля и уменьшения негативного воздействия на окружающую среду с учётом особенностей конкретной отрасли производства. Студенты в рамках данного обсуждения презентовали итоги исследований по тематике творческого научно-исследовательского проекта Общественного совета Госкорпорации «Росатом» «Зелёный квадрат».

Ряд принципиальных вопросов пространственного и инновационного развития рассмотренных в ходе обсуждения на конференции был представлен в стендовых докладах по материалам исследований, которые были посвящены как фундаментальной методологической, так и инновационно экспериментальной тематике. Основные тезисы, озвученные в ходе конференции, опубликованы в издании «Научный ежегодник Центра анализа и прогнозирования», 2018, № 2.

Исследование авторского коллектива под руководством директора Челябинского филиала РАНХиГС *Сергея Зырянова* «Интеграционные приоритеты пространственного развития муниципальных образований в условиях формирования цифровой экономики» связано с изучением территориальных и инновационных преобразований, таких как интеграционные, агломерационные процессы и перспективы экономического роста, устойчивости социо-эколого-экономического развития и формирования цифровой экономики. Рассмотрены различные аспекты влияния информационного фактора на разработку стратегии пространственного развития муниципального образования. Представлено обоснование ряда ключевых положений для выявления и определения индивидуальных для каждой территории приоритетов развития, включающих как наиболее значимые конкурентные преимущества, так и наиболее проблемные точки. Подобные положения предопределяют: выбор стратегических приоритетов, поиск сценария наилучшего использования конкурентных преимуществ территории при оптимальном сочетании внутренних и межмуниципальных факторов, формирова-

ния последующего комплекса мероприятий. В качестве примера продемонстрирован ряд ключевых положений из проекта Стратегии пространственного развития Уйского муниципального района Челябинской области в рамках нормативных требований, заложенных в проект «Концепции Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года» [4].

Исследование авторского коллектива профессоров Уральского института управления — филиала РАНХиГС *Сергея Аржанухина* и *Галины Макович* посвящено местному сообществу как субъекту проектного управления. В частности, авторы рассматривают проектное управление в системе местного самоуправления с акцентом на развитие человеческого капитала местного сообщества. Авторы предлагают к обсуждению мотивационные модели участия в муниципальном проекте для местного сообщества и его ключевых фигур. В качестве одной из мотивационных моделей предлагается модель социального паспорта [1].

Исследование «Новые регионы» как субъекты институциональной модернизации для устойчивого развития» старшего научного сотрудника научно-образовательного центра Института экономики Уральского отделения РАН и ЧелГУ *Александра Подпригоры* связано с новым социально-философским осмыслением модели региона. Вызовы глобального постиндустриального информационного мира, структурная трансформация экономики и социума Российской Федерации и потребности реальной модернизации страны требуют нового понимания *региона*, не сводящегося к объекту административного управления из центра ресурсами территорий и регулированию интересов местных элит. Автор предлагает рассматривать регион как открытую динамическую информационную систему, синергию проектов, институтов и стратегий социальной самоорганизации и капитализации больших территорий, вписанных в федеральные парадигмы, глобальный рынок и сети цифровых коммуникаций поверх административных границ субъектов федерации [6].

Исследование «Тенденции региональной индустриальной экологической динамики: на примере Челябинской области» ведущего лабораторией «Модели пространственного развития» Челябинского филиала РАНХиГС *Сергея Гордеева* посвящено анализу тенденций пространственного развития индустриально развитых, но экологически проблемных территорий. Основные моменты, этапы и результаты проведения подобного

анализа представлены на примере Челябинской области и городов региона с наиболее высокой техногенной нагрузкой (Карабаш, Магнитогорск и Челябинск). Проведение исследования динамики выбросов загрязняющих веществ в атмосферу промышленными предприятиями связано с анализом тенденций и сценариев индустриально-экологического развития региона с использованием как апробированного аппарата исследований социально-экономической динамики, так и набора современных сервисов оценки и визуализации [3].

Исследование «Интеграционная модель инвестиционного обеспечения устойчивого развития экономики российских регионов» старшего научного сотрудника Института экономики Уральского отделения РАН *Владислава Морозова* затрагивает методологические основы и методические принципы формирования интеграционной модели совершенствования системы управления инвестиционно-инновационными отношениями в крупных территориальных экономических системах. Каждый из трёх основных блоков предложенной модели реализует свою определённую функцию в системе оптимизации финансирования и управления инвестиционным процессом экономики регионов с целью обеспечения её устойчивого развития и инновационного совершенствования. Однако в процессе их интеграционного взаимодействия эффективность реализации этих функций значительно возрастает [5].

В исследовании научного сотрудника Научно-образовательного центра Института экономики Уральского отделения РАН и ЧелГУ *Владимира Сюндюкова* «Системный подход и информационные технологии в моделировании развития микроуровня пространственных систем» анализируется роль и проблема моделирования деятельности субъектов микроуровня (предприятий, фирм, малого бизнеса) при построении моделей по пространственному развитию. В докладе рассматриваются две принципиально разные системы: замкнутая глобальная и открытая локальная. На примере Челябинской области (по базе данных, полученных в ходе ранее проведенных исследований по тематике регионального развития) дается классификация региональных исследований в двух аспектах: первый — по характеру тенденций и особенностям социального-экономического развития, второй — по основным направлениям затрагиваемым Римским клубом [9].

Исследование доцента Сибирского института управления — филиала РАНХиГС *Марии Черняковой* «Государственный контроль

и цифровые технологии при управлении сложными социально-экономическими системами» связано с изучением ряда вопросов, таких как современное развитие цифровых технологий (которые обуславливают рост форм объектов управления, их постоянное изменение), возрастание потоков информации и количества и качества способов ее анализа, движущих сил трансформации управленческих механизмов цифровой экономики и моделей прогнозирования [10].

Исследование авторского коллектива профессора *Ивановского государственного университета Бронислава Бабаева* и доцента *Ивановского филиала РАНХиГС Дмитрия Бабаева* об «институциональном каркасе» цифровой экономики и актуализации ряда народнохозяйственных и территориальных проблем представляет альтернативный взгляд на цифровую экономику, предполагающий ее понимание как переплетение сложившихся институтов с виртуальными процессами и ее вхождение в экономику знания, в информационное пространство [2].

Исследование Челябинского филиала РАНХиГС по инновационному направлению — основам визуализации информации при решении задач пространственного развития презентовала магистрант *Софья Ситковская*. На основе анализа ключевых способов адаптации и визуализации аналитических материалов предложены основы системного инструментария для создания графических моделей социально-экономического состояния территории. В исследовании проиллюстрирована возможность максимально полного графического отображения неструктурированной информации, достигаемая через сочетание различных типов информации, показывающих состояние экономической, социальной и экологических сфер в управлении развитием территории [8].

Исследование доцента Московского областного филиала РАНХиГС *Натальи Рытиковой* связано с анализом возможностей обеспечения эффективности реализации региональных инвестиционных проектов на основе риск-ориентированного подхода, направленного на выявление условий и возможности эффективной реализации региональных инвестиционных проектов, минимизации негативного воздействия рисков на различных этапах реализации жизненного цикла проекта [7].

Итоги и перспективы

Обобщая результаты, полученные в ходе работы Всероссийской конференции по рас-

смотрению теоретических и методологических сложных вопросов: перехода территорий на траекторию устойчивого развития в условиях становления институтов информационного (цифрового) общества, институционального обеспечения эффективного пространственного развития регионов России, новой роли механизмов общественного контроля при выработке стратегий развития и практик управления в регионах, роста приоритета экологической составляющую государственного управления и других, необходимо отметить следующие.

В условиях, когда многие из рассмотренных вопросов, особенно инновационных, не имеют четко выраженного однозначного решения, значимость диалога между представителями органов государственной власти и местного самоуправления, научно-общественного сообщества, институтов гражданского общества и бизнеса существенно возрастает.

Таким образом, подводя итоги конференции, необходимо отметить, что, помимо изучения проблем институционального обеспечения пространственного развития российских территорий в условиях становления цифровой экономики, основной целью, которую перед собой ставили организаторы, был определен ряд направлений дальнейшего взаимовыгодного сотрудничества научного сообщества, органов государственной власти и бизнеса, структур гражданского общества. Подобное сотрудничество открывает перспективы для проведения дальнейших междисциплинарных исследований, интегрирующихся в решение проблем пространственного развития, что в свою очередь повышает значимость подобных конференций в формате ежегодных с постепенным расширением круга рассматриваемых вопросов и с охватом передового международного опыта.

1. Аржанухин С. В., Макович Г. В. Местное сообщество как субъект проектного управления // Научный ежегодник Центра анализа и прогнозирования. 2018. № 2. С. 16—19.

2. Бабаев Б. Д., Бабаев Д. Б. Об «институциональном каркасе» цифровой экономики и актуализации ряда народнохозяйственных и территориальных проблем // Научный ежегодник Центра анализа и прогнозирования. 2018. № 2. С. 50—55.

3. Гордеев С. С. Тенденции индустриальной экологической динамики региона: на примере Челябинской области // Научный ежегодник Центра анализа и прогнозирования. 2018. № 2. С. 30—41.

4. Зырянов С. Г., Гордеев С. С., Понькина А. О. Интеграционные приоритеты пространственного развития муниципальных образований в условиях формирования цифровой экономики // Научный

ежегодник Центра анализа и прогнозирования. 2018. № 2. С. 7—16.

5. Морозов В. В. Интеграционная модель инвестиционного обеспечения устойчивого развития экономики российских регионов // Научный ежегодник Центра анализа и прогнозирования. 2018. № 2. С. 42—45.

6. Подопригра А. В. «Новые регионы» как субъекты институциональной модернизации для устойчивого развития // Научный ежегодник Центра анализа и прогнозирования. 2018. № 2. С. 19—30.

7. Рыхтикова Н. А. Анализ возможностей обеспечения эффективности реализации региональных инвестиционных проектов на основе риск-ориентированного подхода // Научный ежегодник Центра анализа и прогнозирования. 2018. № 2. С. 92—96.

8. Ситковская С. М. Особенности визуализации информации в проектах социально-экономического пространственного развития // Научный ежегодник Центра анализа и прогнозирования. 2018. № 2. С. 61—67.

9. Сяндюков В. Г. Системный подход и информационные технологии в моделировании развития микроуровня пространственных систем // Научный ежегодник Центра анализа и прогнозирования. 2018. № 2. С. 46—50.

10. Чернякова М. М. Государственный контроль и цифровые технологии при управлении сложными социально-экономическими системами // Научный ежегодник Центра анализа и прогнозирования. 2018. № 2. С. 99—102.

References

1. Arzhanuhin S.V., Makovich G.V. (2018) *Nauchnyy ezhegodnik Centra analiza i prognozirovaniya*, no. 2, pp. 16—19 [in Rus].

2. Babaev B.D., Babaev D.B. (2018) *Nauchnyy ezhegodnik Centra analiza i prognozirovaniya*, no. 2, pp. 50—55 [in Rus].

3. Gordeev S.S. (2018) *Nauchnyy ezhegodnik Centra analiza i prognozirovaniya*, no. 2, pp. 30—41 [in Rus].

4. Zyryanov S.G., Gordeev S.S., Pon'kina A.O. (2018) *Nauchnyy ezhegodnik Centra analiza i prognozirovaniya*, no. 2, pp. 7—16 [in Rus].

5. Morozov V.V. (2018). *Nauchnyy ezhegodnik Centra analiza i prognozirovaniya*, no. 2, pp. 42—45 [in Rus].

6. Podoprigora A.V. (2018) *Nauchnyy ezhegodnik Centra analiza i prognozirovaniya*, no. 2, pp. 19—30 [in Rus].

7. Ryhtikova N.A. (2018) *Nauchnyy ezhegodnik Centra analiza i prognozirovaniya*, no. 2, pp. 92—96 [in Rus].

8. Sitkovskaya S.M. (2018) *Nauchnyy ezhegodnik Centra analiza i prognozirovaniya*, no. 2, pp. 61—67 [in Rus].

9. Syundyukov V.G. (2018) *Nauchnyy ezhegodnik Centra analiza i prognozirovaniya*, no. 2, pp. 46—50 [in Rus].

10. Chernyakova M.M. (2018) *Nauchnyy ezhegodnik Centra analiza i prognozirovaniya*, no. 2, pp. 99—102 [in Rus].

For citing: Zyryanov S.G.,
Gordeev S.S., Nechaeva S.V.
Institutional support of spatial development
of the Russian Federation territories
in the context of developing digital economy:
the results of the all-Russia scientific
and practical conference (October 26, 2018,
Chelyabinsk, the Russian Federation) //
Socium i vlast' 2018. № 6 (74). P. 110—116.

UDC 334.021.1

**INSTITUTIONAL SUPPORT
OF SPATIAL DEVELOPMENT
OF THE RUSSIAN FEDERATION
TERRITORIES IN THE CONTEXT
OF DEVELOPING
DIGITAL ECONOMY:
THE RESULTS
OF THE ALL-RUSSIA
SCIENTIFIC AND PRACTICAL
CONFERENCE
(October 26, 2018,
Chelyabinsk,
the Russian Federation)**

Sergey G. Zyryanov,

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Chelyabinsk branch, Director,
Doctor of Political Sciences, Professor.
Russian Federation,
454077, Chelyabinsk, ulitsa Komarova, 26.
E-mail: director@chel.ranepa.ru

Sergey S. Gordeev,

The Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration,
Chelyabinsk branch,
Head of the Laboratory "Models
of Spatial Development",
Chelyabinsk State University,
Leading researcher,
Cand.Sc. (Economics).
Russian Federation,
454077, Chelyabinsk, ulitsa Komarova, 26.
E-mail: sgordeev222@ gmail.com

Svetlana V. Nechaeva,

the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration,
Chelyabinsk branch,
Associate Professor of the Department Chair
of Politology, History and Philosophy,
Cand.Sc. (History), Associate Professor,
Russian Federation,
454077, Chelyabinsk, ulitsa Komarova, 26.
E-mail: nechaeva@chel.ranepa.ru

Abstract

The paper reviews and analyzes the results of the all-Russia scientific and practical conference "Institutional support of spatial development of the Russian Federation territories in the context of developing digital economy". The paper covers the most important reports and the problems that provoked discussions revealing the current state of the theory, methodology, and institutional support practices for spatial development.

Key concepts:

scientific and practical conference,
institutional changes,
spatial development,
digitalization of economy.

Для цитирования: Забара Л. И. Геополитический имидж России в современном медийном пространстве (международная конференция «Учимся понимать Россию: политическая и массмедийная коммуникация» 10—14 октября, г. Екатеринбург) // Социум и власть. 2018. № 6 (74). С. 117—121.

УДК 327.2 + 366.63

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ИМИДЖ РОССИИ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ (МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «УЧИМСЯ ПОНИМАТЬ РОССИЮ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ И МАССМЕДИЙНАЯ КОММУНИКАЦИЯ» 10—14 октября, г. Екатеринбург)¹

Забара Людмила Ивановна,
Уральский государственный
педагогический университет, доцент,
кандидат философских наук.
Российская Федерация,
620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26.
E-mail: rni221@yandex.ru

Аннотация

Статья представляет собой обзор работы круглого стола на тему «Геополитический имидж России», проведенного в рамках Международной научной конференции по политической коммуникации «Учимся понимать Россию: политическая и массмедийная коммуникация».

В статье излагается содержание наиболее значимых докладов и дискуссий, раскрывающих особенности внутренних и внешних факторов, формирующих геополитический имидж России. Высказывается необходимость конвергентных исследований, создания научных сообществ, позволяющих более глубоко и основательно изучить представленную тему.

Ключевые понятия:

геополитический имидж,
«глобализация» высшего образования,
демографический прогноз,
национальная идея,
историческая память.

«Учимся понимать Россию: политическая и массмедийная коммуникация», — так была определена тема конференции, прошедшей 10—14 октября 2018 г. в Уральском государственном педагогическом университете при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Это традиционная Международная научная конференция по политической лингвистике, имеющая сороклетнюю историю.

Традиционно в рамках конференции были организованы научные и научно-популярные лекции, мастер-классы, групповые и индивидуальные консультации профессоров, ведущих специалистов по политической коммуникации, представителей различных научных школ из России и Китая, стран ШОС, стран СНГ, государств Восточной и центральной Европы, США.

В 2018 г. организатором конференции выступил наш давний и надежный партнер Цзилинский университет иностранных языков «Хуацяо».

О масштабном характере этого знаменательного события говорит разнообразие мероприятий (актовые лекции, мастер-классы, курсы повышения квалификации, «Круглые столы», секционные заседания), прошедших на различных площадках, включая Президентский центр Б. Н. Ельцина.

Прошло два Международных конкурса — «Умом Россию не понять» и конкурс методических разработок по русскому языку как иностранному. Большой интерес участников вызвал мастер-класс «Грантмейкинг: заявка на успех», в рамках которого был представлен грантовый опыт организаторов конференции, рассмотрены возможности создания новых перспективных проектов, отражающих стратегические направления развития научных исследований коллаборационных исследовательских коллективов.

Отличительной особенностью конференции стало широкое привлечение специалистов из самых разных научных направлений психологии, социологии, политологии, культурологии, экономики, философии и др. В рамках круглого стола «Геополитический имидж России» обсуждали проблемы формирования в общественном и индивидуальном сознании внутреннего и внешнего имиджа государства как противоречивого единства устоявшихся, традиционных стереотипов и новых, подверженных непрерывным трансформациям, образах Российского государства.

Во вступительном слове ведущая круглого стола кандидат философских наук, доцент Л. И. Забара обратила внимание участников на комплексный характер проблемы, позволяющий объединить усилия различных ученых, представителей социально-гуманитарного знания, в конкретизации наиболее

¹ Статья подготовлена в рамках проекта № 18-012-20083 Российского фонда фундаментальных исследований.

актуальных и значимых факторов, формирующих геополитический имидж России. Участникам встречи были предложены следующие вопросы для обсуждения:

- из чего складывается имидж России сегодня?
- на какие процессы внутреннего развития государства следует обратить внимание прежде всего?
- за что критикуют российскую экономику?
- чем отличается демографическая ситуация в нашей стране?
- какие изменения происходят в системе российского образования?

Доктор философских наук, профессор Л. А. Беляева предложила начать с обсуждения последнего вопроса как наиболее актуального для преподавателей высшей школы, находящейся в постоянном процессе модернизации и оптимизации в условиях вызовов рыночной экономики и идеологии. Традиции русского классического образования остались в прошлом. Коммерциализация образования и науки привела к тому, что изменилась концепция знания. Отношение к знанию как к абсолютной ценности, инструменту овладения природой, несущему благо человечеству, сменилось новой ориентацией финансовой эффективности конкретного знания в краткосрочной перспективе. Знание становится товаром, а профессиональное университетское сообщество постигает азы коммерческого менеджмента.

Под влиянием рыночной экономики и порождаемой ею рыночной идеологии как системы ценностных ориентиров, выражающих рыночные интересы, учреждения образования довольно стремительно превращаются в организации по производству и оказанию образовательных услуг. Это в корне меняет характер образовательных отношений, особенно в сфере высшего профессионального образования, которые теперь выглядят принципиально иначе — не взаимоотношения «преподаватель — студент», а отношения «продавца» и «покупателя» образовательных услуг. При этом задача продавца — держать руку на пульсе запросов покупателя и не забывать о конкуренции с другими образовательными организациями.

Превращение университетов в экономические корпорации радикально меняет не только характер учебной деятельности преподавателя, но и характер его научно-исследовательской работы. Он теперь должен быть еще и промоутером, т. е. заниматься продвижением результатов своих исследований в виртуальном и реальном социальном пространствах с целью дивидендов в материальной или символической формах. Новое знание (информация) необходимо не ради истины, а ради нового продаваемого продукта, ради «игры в Хирша», ради инди-

видуального и корпоративного имиджа. Научная деятельность преподавателя сегодня основана на симбиозе менеджмента и маркетинга и нацелена на оптимизацию издержек, рационализацию процесса научного производства, сбыта и сопутствующего сервиса, как на уровне отдельного ученого, так и для университетской корпорации в целом.

Таким образом, можно констатировать переход от старой традиции существования в науке, не обремененной гонкой за количеством грантов, публикаций, цитирований и наращиванием рейтингов, к новой парадигме, парадигме предпринимчивости и продуктивной активности.

Другой вызов современности — это научно-технический прогресс и грядущая цифровая экономика, которая приобретает глобальный характер. Развитие цифрового производства приведет к кардинальным изменениям на рынке труда, вытеснив человека из многих привычных сфер деятельности.

Цифровая революция несет в себе серьезные и невиданные вызовы высшему образованию, да и всей образовательной системе в целом, прежде всего потому, что требует радикальных изменений в кадровой структуре общества и в системе требований рынка труда. Радикальные изменения коснутся в первую очередь содержания образования и форм обучения, в том числе с широким использованием цифровых технологий и индивидуально-творческих траекторий обучения. И к этому надо готовиться заблаговременно, подчеркивает автор. «И главное, если считать, что образование исторически возникло из потребности в передаче накопленного социального опыта, культуры от поколения к поколению, то в этом отношении модернизацию российского образования можно рассматривать как форму геноинженерии, в ходе которой исподволь, незаметно происходит замена культургена российской идентичности на гены инокультурного содержания», — сделала вывод Л. А. Беляева.

Безусловно, имидж России сегодня невозможно представить без интеграции в мировое образовательное пространство, ответов на вызовы, «глобализацию» высшего образования.

Ставший реальностью феномен информационного потребления видоизменяет значение традиционных форм педагогического взаимодействия, содержание самой педагогической деятельности. Виртуальная реальность занимает значительное место в пространстве педагогического процесса, постепенно превращая образовательное учреждение в подобие диспетчерского информационного центра, вырабатывающего и доставляющего до потребителя информационный продукт.

Вступивший в диалог доктор философских наук, профессор В. Б. Куликов обратил

внимание слушателей на достаточно противоречивый опыт взаимодействия педагогики и философии, актуальный сегодня, как никогда. На самом деле модернизированный образ педагогики характеризуется погружением в детализацию изменяющихся способов воспитания, в управленческие задачи образовательного процесса, разработку учебных программ, конкретизацию учебно-поисковой деятельности, конструирование инновационных образовательных моделей и в такое разнообразие педагогических технологий, что для современного учителя за этим текущим процессом не прослеживается даже желания задуматься о смысле того, что происходит в его собственной деятельности, в чем истина и цель его ежедневных педагогических усилий.

На фоне происходящих в информационном обществе процессов, когда педагогические акценты смещаются в сферу подготовки и выполнения стандартизированных тестовых заданий, актуально жизненными становятся вопросы философии — кого и как воспитывать, в чем сущность и истина воспитания человека.

Педагогическая реальность призвана обращаться к общим философско-ориентированным вопросам, которые вырывают педагогику из паутины решений конкретных, организационно-методических задач и поднимают до уровня науки. Учитель зависит от массы формальных обстоятельств, но эта зависимость не мешает ему создавать новую реальность, новый взгляд на мир, если учитель ориентирован внутренне на философскую свободу.

Педагогика, прикрываясь универсальными классификациями, собраниями правил и принципов, набором педагогических рецептов и технологий, одновременно остро нуждается в открытом горизонте новых возможностей и перспектив. Философия в условиях замкнутого педагогического пространства и ограниченного времени осуществляет поиск выхода за видимые пределы, предписанными действующими педагогическими стандартами или строго спланированными мероприятиями. Философы понимают, что вопрос о становлении человеческого в человеке не предполагает ответа не в силу недостаточного знания этого процесса, а в силу своей уникальности, неповторимости. Разрастающаяся сумма знаний о человеке не приближает к пониманию человеческой парадоксальности, и в значительной степени упрощает это понимание до уровня причинно-следственных связей.

Философская истина проявляется в педагогической реальности не в возможности универсального ответа на вопросы воспитания, а в способности эти вопросы ставить и обозначать проблемы. Применение мудрости направленно на полноту восприятия и пони-

мания сущности человека, способности быть открытым миру и давать возможность миру представлять себя через человека. Только таким образом достигается согласие с миром и понимание мира в себе таковым, каков этот мир есть на самом деле.

Информационный контент отчасти позволяет педагогике закрыться от целого спектра философских вопросов о человеке, чтобы не углубляться в разнообразие метафизических схем и концепций. Одновременно педагогика всегда остро ощущает дефицит фундаментального философского отношения к миру и человеку, которые придают конкретной педагогической деятельности устойчивость и основательность мудрости. Хорошему педагогу в его деятельности важна не только сумма знаний, но стремление постигнуть парадоксальную природу своего ученика, самого себя, да и социума в целом.

Наряду с глубокими философскими выводами В. Б. Куликов высказал достаточно оптимистичное и вдохновляющее предположение, что философия, по существу, оказывается единственной альтернативой для спасения от формализма бесконечного совершенствования учебно-методических комплексов и быстро сменяющихся форм отчетности. Поднять голову в поиске философских истин следует ради сохранения чистых помыслов творческого общения с учениками вопреки всем условиям формального закрепощения педагогической деятельности.

Так и хочется сказать: «Лучшие педагоги — философы, а лучшие философы — педагоги!».

Выступление В. Б. Куликова поставило серьезные вопросы о новых моделях педагогической деятельности, организации современного образовательного пространства в новом глобализованном мире, и роль философии в этом процессе трудно переоценить.

Пытаясь осмыслить внутренние и внешние факторы, формирующие геополитический имидж России, обратимся к анализу современной демографической и экономической ситуации. Известный российский демограф, доктор социологических наук, профессор А. И. Кузьмин обозначил следующие актуальные проблемы:

1. Депопуляция населения. Это сокращение пополнения населения из «внутренних источников». Демографическая ситуация ухудшается по показателям естественного прироста. Главные причины — уменьшение числа россиян детородного возраста, снижение потребности в детях и непростые экономические условия. Если в советское время в Свердловской области проживало около пяти миллионов человек, то сейчас — 4 млн 325 тыс., и этот процесс продолжается. Причем свердловчан становится меньше прежде всего за счет спада рождаемости.

За 2017 г. на Среднем Урале родилось на 11 % меньше детей, чем в 2016, — и такая тенденция характерна для всей страны. По показателям зачастую бьет и младенческая смертность — тревожная статистика, например, в городе Волчанске Свердловской области. Ситуация в целом по области такова: в прошлом году на 13,4 % снизилось число родившихся по сравнению с благополучным 2014 г. Получается, мы «потеряли» 15 детей из каждых 100, несмотря на то что государство поощряло высокую рождаемость: материнский капитал продолжал работать.

2. Миграционная активность. Эта тема актуальна для Европы, России и даже нашего региона. Так, в 2017 г. сменить место жительства внутри региона решили более 70 тыс. жителей. Это очень много, ведь так называемая «оптимальная» миграция составляет у нас около трех тысяч человек.

3. Внебрачная рождаемость. Среднее число детей в гражданском браке намного меньше, чем в официальном (это данные Росстата). А между динамикой показателей «брачности» и рождаемости существует сильная корреляционная связь. Вывод — демографическая политика должна быть направлена на увеличение числа новых законных браков, недостаточно стимулировать рождение детей в уже существующих супружеских парах. Кстати, изменился возраст рождения первого ребенка. Раньше он составлял 22 года, сейчас — 31 год. Стали чаще рожать женщины за 30 и даже за 40 лет. Это тоже тенденция. Хотя общая установка на малодетность доминирует. Нужна новая цель — среднететная семья.

4. Продолжительность жизни россиян. Она зависит от многих факторов. Например, от реальной программы жизни, от уровня развития так называемого «самосохранительного» поведения. Увы, у нас оно, в отличие от репродуктивного, пока по-настоящему не изучается, ограничивается только пропагандой здорового и спортивного образа жизни. Сегодня в России средняя продолжительность жизни составляет 70 лет, в Екатеринбурге этот показатель для лиц обоего пола — 73,42 года. Женщины живут у нас в среднем 78,4 года, мужчины на 10 лет меньше — 68,4. Продолжительность жизни в глубинке меньше, чем в Екатеринбурге, на четыре года.

И наконец, рассмотрим демографический прогноз, который имеет непосредственное отношение к геополитическому имиджу России. Как изменится численность населения? Сколько россиян будет жить, к примеру, через 18 лет?

Росстат предлагает три сценария: низкий, средний, высокий. Согласно низкому (худшему) сценарию, в 2018 г. численность населения в России составит 146,8 млн человек, а в 2036 упадет до 136 млн 730 тыс. Средний

сценарий дает в 2018 г. практически тот же прогноз, что и низкий, но предсказывает сокращение числа россиян к 2036 г. только на один миллион — до 145 млн человек. Высокий прогноз полон оптимизма: почти 147 млн в 2018 г. и более 157 млн в 2036 — это плюс почти десять миллионов. Кстати, новая концепция пространственного развития РФ планирует увеличение продолжительности жизни россиян до 80 лет.

Насколько это реально?

Одно из главных препятствий — «анклавизация» территорий, она возникает в условиях имущественного расслоения и роста миграции. Для устойчивого демографического развития России необходимо сократить социальное расслоение, добиться стабильного развития городов и сел на основе экономического роста и гарантий занятости.

«Прежде чем попытаться определить основные направления сбережения населения Российской Федерации, необходимо выделить и научно обосновать элементы (факторы), условия и предпосылки системного механизма (модели) сохранения и повышения конкурентоспособности экономики страны», — вступает в диалог доктор экономических наук, профессор В. Н. Лавров.

Мировой опыт последних двух веков свидетельствует о том, что главные, определяющие функции регулирования, планирования, стимулирования экономических процессов в стране реализовывать, то есть осуществлять, кроме государства, никому. Если исходить из предположения американских экономистов о том, что в любом государстве экономика включает минимум три сектора: частный, государственный и корпоративный, то следует сделать вывод о том, что никаких стопроцентно рыночных экономик и даже секторов не бывает в реалиях по существу. Поэтому экономику современного государства можно, на наш взгляд, представить как «трехсекторную модель смешанной экономики» (и наша — не исключение). Достаточно перечислить специфические функции государственного регулирования, чтобы понять, что они монопольно принадлежат только государству и никто другой (никакой другой субъект хозяйствования) — ни субъект частного сектора, ни субъект корпоративного сектора — должным образом их выполнить не смогут. Речь идет о следующих функциях государства в экономической политике: 1) стабилизация производства; 2) финансирование НТП; 3) дотация социально значимых отраслей; 4) выравнивание уровней экономического развития различных регионов; 5) государственная поддержка конкуренции; 6) стабилизация и оздоровление денежной системы; 7) преодоление чрезмерной имущественной дифференциации населения; 8) социальная эколого-экономическая защита малоимущих и среднего класса (малый и

средний бизнес). От эффективного выполнения этих функций зависит качество экономического развития государства, его политического имиджа.

«Для меня, как экономиста, — заключает В. Н. Лавров, — перевеющей и важнейшей задачей является разработка, научное обоснование идеологических принципов, положений и футурологических идеологем, связанных с методами достижения справедливого распределения произведенных благ, отвечающих ментальным особенностям и чаяниям большинства российских граждан».

Обсуждение проблем «понимания России», заявленных в данной конференции, логично продолжилось выступлением доктора философских наук, профессора Ю. Г. Ершова. Он акцентировал внимание на современном толковании национальной идеи, ее существенных признаках, связи с идеологией и конструктивных возможностях. Ю. Г. Ершов подчеркнул, что именно национальная идея выражает и отражает национальное самосознание, идентичность, связывающую как ряд поколений, так и отдельных личностей через символы и ценности национальной культуры.

В той мере, в какой национальная идея представляет систему ценностей, выступающей в качестве политического мировоззрения, имеющей силу веры, претендует на ориентации общества и государства, способность преодолевать кризисы и социальные аномии, она является идеологией.

Национальная идея включает в себя самые существенные черты различных видов исторической памяти: о происхождении и предках народов, их образе и уровне жизни, формах государственного устройства, истоках родного языка, эпосе, традициях и обычаях, моральных и социальных нормах, культурных обрядах прошлого и принятии религии, об исторически сложившихся формах общения с другими народами. Национальная идея формируется и прививается прежде всего в семье (внутрисемейные межпоколенческие социальные коммуникации), в школе, в поле общественного и государственного образовательного, воспитательного, пропагандистского информационного воздействия. Национальная идея формируется и закрепляется исторически, передается в поколениях, отражает оптимальную меру традиции и модернизации, находя современные формы своего воплощения, но не меняя своей сущности, своего глубинного содержания.

Участники круглого стола единодушно высказались о значимости и актуальности проекта «Учимся понимать Россию не только сердцем, но и умом», обозначив варианты междисциплинарного научного сотрудничества, конвергентных исследований, создания научных сообществ, в том числе с международным участием.

For citing: Zabara L.I.

The geopolitical image of Russia in the modern media space (international conference «Learning to understand Russia: political and mass media communication», 10—14 December, Yekaterinburg) // *Socium i vlast'* 2018. № 6 (74). P. 117—121.

UDC 327.2 + 366.63

THE GEOPOLITICAL IMAGE OF RUSSIA IN THE MODERN MEDIA SPACE (INTERNATIONAL CONFERENCE «LEARNING TO UNDERSTAND RUSSIA: POLITICAL AND MASS MEDIA COMMUNICATION», 10—14 December, Yekaterinburg)

Lyudmila I. Zabara,

Ural State Pedagogical University, Associate Professor, Cand.Sc. (Philosophy), Russian Federation, 620017, Yekaterinburg, prospect Kosmonavtov, 26. E-mail: rni221@yandex.ru

Abstract

The paper is a review of the round-table meeting work on the topic "The geopolitical image of Russia", held in the framework of the International Scientific Conference on Political Communication "Learning to Understand Russia: Political and Mass Media Communication". The paper describes the content of the most significant reports and discussions, which reveal the features of internal and external factors forming the geopolitical image of Russia. There is a need for convergent researches, for creating scientific communities to study the presented topic more deeply and thoroughly.

Key concepts:

geopolitical image, "globalization" of higher education, demographic projection, national idea, historical memory.

Для цитирования: Борчиков С. А. «Философский семинар» города Озёрска как субъект практической философии // Социум и власть. 2018. № 6 (74). С. 122—127.

УДК 17

«ФИЛОСОФСКИЙ СЕМИНАР» ГОРОДА ОЗЁРСКА КАК СУБЪЕКТ ПРАКТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Борчиков Сергей Алексеевич,

Озёрский государственный колледж искусств,
преподаватель философии,
руководитель «Философского семинара»
города Озёрска.
Российская Федерация, 456784,
Челябинская обл., г. Озёрск, ул. Ленина, д. 60.
E-mail: kwsм@mail.ru

Аннотация

В статье дается эмпирическая (статистическая) информация о «Философском семинаре» города Озёрска и приводится теоретический анализ Семинара как субъекта движения «Практическая философия».

Ключевые понятия:

практическая философия,
«Философский семинар»,
синтез теории и практики.

Введение

18 ноября 2016 г. на базе кафедры философии ЮУрГУ состоялся виртуальный (в режиме онлайн) круглый стол «Философские сообщества для всех и каждого». И хотя участники затронули целый ряд интересных вопросов, к сожалению, предметно диалог расплылся по четырем подтемам:

- 1) философия для детей,
- 2) философия для студентов (практические инновации в преподавании философии в вузах),
- 3) философия для широких слоев населения (вневузовские философские клубы, кафе и т. п.),
- 4) философские партнерства (как сообщества философов или философствующих личностей).

Философское сообщество, которое представлял я, — «Философский семинар» города Озёрска — относится к четвертому типу. Ничуть не умаляя важности и ценности первых трех тем, замечу, что понятие «философское партнерство» в большей мере соответствует пониманию «практической философии» одним из лидеров этого движения Р. Лахавом. Дети — это важно, но вряд ли они претендуют на статус партнеров в философствовании — просто в силу возраста, студенты — в силу социального статуса, широкие слои населения — в силу известной дистанции между жизнью и умственным трудом, а вот люди, причастные к философскому творчеству, — благодатная почва для философского партнерства.

1. Характеристики «Философского семинара» (далее — ФС)¹

Дата создания: 10.10.1986 (на сегодня — 32 года), город Озёрск Челябинской области.

Организационная форма — сообщество единомышленников: философов, гуманитариев, представителей иных наук и профессий, всех, интересующихся философией.

Мотивация создания. Внешним поводом послужили идеи перестройки в стране, перенесенные на философию, под лозунгом «Начни с себя». Имманентной целью явилась перестройка философствования в направлении его сближения с личной жизнедеятельностью и культурой общества в целом.

Основные задачи:

- углубленное изучение и творческое развитие актуальных философских вопросов;

¹ Более подробную информацию см. в [2].

- консолидация усилий философов и других специалистов в деле философского познания и со-бытия (жизни).

Площадка для занятий: Озёрский технологический институт (филиал Московского инженерно-физического института), кафедре гуманитарных дисциплин.

Периоды развития.

1-й период — «**Клуб любителей философии**» (10.10.1986—08.09.1993, итого 7 лет). Актив: Н. И. Комарова, С. А. Борчиков. 50 заседаний, в общей сложности 30 участников. Основные признаки: свободное посещение, отсутствие единой программы, индивидуальные доклады и групповые обсуждения, совместный поиск истины.

2-й период — собственно «**Философский семинар**» (с 27.10.1993 по настоящее время, итого 25 лет). Руководитель — С. А. Борчиков, заместитель — Н. А. Подзолкова.

Формат работы: еженедельные занятия (по средам), за исключением зимних и летних каникул.

Форма занятий. Типовая (основная) схема такова: доклад или небольшая лекция на 30—40 минут, потом час-два — обсуждение, дискуссии, прения. Зачастую сам доклад прерывается дискуссионными вкраплениями и ответвлениями, так что можно говорить об особой, синкретической форме — *лекции-дискуссии* или *докладе-дискуссии*.

Еще формы: содоклад, беседа, мозговой штурм, обмен мнениями, сократовский диалог, творческая лаборатория, защита рефератов, диспут, опрос, тренинг, консультация, презентация, разбор первоисточника, праздничное чаепитие и другие.

Количество занятий. На 01.06.18 (за 25 лет) проведено 826 занятий (в среднем 33 занятия в год).

Количество участников. В работе Семинара за все годы приняло участие в общей сложности 624 человека. Но многие со временем перестают участвовать в его работе. Актуально действующий состав — примерно 30—50 человек. При средней посещаемости — 12 человек за занятие.

Географический охват. Участники ФС, в основном, жители Озёрска, но около 80 человек — это заочные участники (командировки, конференции, публикации, интернет). География заочных участников многообразна: вся Россия плюс имеются заграничные участники, правда, это бывшие соотечественники.

Профессиональный состав. Из 643 человек:

- около 30 — философы разных специализаций (~ 5 % от общей численности);

- практические психологи и врачи-психиатры;
- ученые естественных и гуманитарных дисциплин;
- специалисты разных профессий: педагоги, инженеры, служащие, рабочие;
- студенты и школьники;

Печатные органы ФС:

- «Гуманитарная студия» (1995—1998) — страница в газете «Озёрский вестник». Опубликовано 17 выпусков, 68 материалов, 42 автора.
- Ежегодный философский альманах «Размышления о...» (с 1998 г.). Всего издано 13 выпусков, общее количество материалов (статей) — 130, авторов — 60 человек.

ФС сотрудничает:

- с 1986 г. с литературным объединением «Синегорье», г. Озёрск (1960—2018): практикуются творческие встречи, совместные публикации;
- с «Центром психологического совершенствования», г. Озёрск (2001—2002): проводились индивидуальные и семейные консультации, групповые беседы и тренинги;
- с 2006 г. с «Соловьёвским семинаром», г. Иваново, руководитель М. В. Максимов (1999—2018): участие в конференциях, публикациях;
- с 2011 г. с «Интегральным сообществом», г. Москва, руководитель В. И. Моисеев (2011—2018): проведение интернет-лекций, интернет-дискуссий, летних школ, участие в совместных грантах и публикациях.

Этапы развития собственно ФС, с ними увязываются и *основные проблемы*.

1-й этап — ноэматическая философия (1993—1999), т. е. философия саморефлексивного мышления и познания, в т. ч. ноэматические метафизика, эстетика, этика, гносеология.

2-й этап — основополагающая философия (1999—2007), в т. ч. философия мудрости, особенно практической, формославие, теории понятия, блага, истины, бытия.

3-й этап — метафизика всеединства (2007—2018): синергетика, теория уровней сознания (в т. ч. по К. Уилберу), качественное множество, мышлечувствие, теория сущности (в т. ч. социально-практической), сущность и протокод человека. Этот этап пронизан непосредственным сотрудничеством с «Интегральным сообществом», культивирующим неовсеединство.

Более подробно о программе и темах занятий см. в [5].

Последняя (актуальная) проблема, на которой хотелось бы остановиться (и уже останавливаемся на занятиях ФС): человек и его собственная форма. Как вычленив эту форму в ее чистоте и как трансформировать в новую форму — в форму бытия нового человека?

Специфика деятельности вытекает из задач и форм работы, а также тематической направленности: это не столько образовательные практики, сколько философско-исследовательские программы и смысловые дискуссии, целью которых в конечном итоге является претворение теоретических результатов в жизнь, т. е. синтез теории и практики.

Отношение к официальному и маргинальному философствованию. ФС занимает промежуточное положение между официальной и маргинальной философией. От официальной философии его отличает большая свобода и незашоренность, нестесненность программами, званиями, степенями, учебниками, идеологиями, экзаменами и т. д. От маргиналов его предохраняет равнение на классические образцы и стили философствования, представленные в истории мировой мудрости.

Исторический образец. Из исторических аналогов ФС больше всего похож, пожалуй, на философскую школу Плотина (III в., Рим) [1].

2. Соотношение «Философского семинара» и движения «Практическая философия» (далее — ПФ)

Сравнение ФС и ПФ проведем, опираясь на положения работы Р. Лахава [4] в переводе российского практического философа С. В. Борисова.

а) Основная проблема — синтез теории и практики

Движение ПФ возникло в начале 1980-х гг., так что ФС и ПФ фактически ровесники. Название «практическая философия» звучит заманчиво. Но в чем проблема? Многим может показаться, что она надуманна. Ведь для классиков философии связка теории и жизни и так всегда имманентна их бытию.

Примеры. Если Будда учит Нирване, то это не просто теория, а он так и живет, достигая нирваны. И требует этого от своих учеников. Если Сократ учит добродетели, то для него это не просто теория, а он живет и, кстати, умирает за добро. И призывает всех

людей поступать по добродетели. Если для Фомы Аквинского главное теоретическое понятие — Бог, то он так и живет — во Боге и со Богом (см. биографию). И наставляет тому свою паству. Если главным понятием для Декарта является мыслящая субстанция (*Cogito*), то он так и проводит всю свою жизнь — в дедуктивных медитациях. Если В. С. Соловьёв воспевае Софию и Всеединство, то он и является величайшим софиургом (термин С. Н. Булгакова), и живет во всеединстве со всем миром. И мечтает, что таковым станет всё человечество (идея богочеловечества).

Откуда же проблема отрыва теории от практики? Она постепенно накапливается и появляется в истории в связи с процессами разделения труда, и в частности в связи с выделением преподавательского труда.

С одной стороны, стали появляться философы, точнее, преподаватели философии, преподающие только теорию, больше того, сами в достаточной степени не освоившие философскую жизнь (например, нирвану, добродетель, веру, дедуктивное мышление, софиургию, всеединство), а лишь ретранслирующие знания о том, чему учили и как жили великие. В сумме теории и жизни у них на месте философской жизни стоит обычная человеческая жизнь.

С другой стороны, стали появляться люди, точнее, школяры, студенты или ученики в широком смысле слова, которые могли услышать, прочитать и заучить все философские понятия и категории классиков, даже сдать экзамены или защитить диссертации, но в своей личной жизни не сделать никаких существенных философских изменений. В их сознание уже внедрена теория, но жизнь также не приведена в соответствие с нею.

Наконец, еще остаются люди, жизнь которых проходит вообще вне философии.

Колоссальный плюс практической философии (ПФ) заключается в том, что она нащупывает это противоречие теории и практики и ставит целью устранить его, пытается воссоздать гармоничное отношение (синтез) между философской теорией и жизнью. На эту же задачу ориентирован и ФС.

Надо отметить, что задачу устранения указанного противоречия в среде преподавателей философии ни ФС, ни ПФ не ставят. У них просто нет ресурсов для решения этой государственного масштаба задачи. Остается устранять противоречие каждому философу на собственном личном уровне плюс помогать ее устранению у остальных людей, постигающих философию.

И всё было бы хорошо, если бы окончательно было понятно, кто такой практический философ или философ-практик: классик философии, преподаватель философии, ученик, простой человек и т. д.?

b) Периоды развития практической философии.

На пути становления ПФ прошла три периода. Каждый связан с превалированием того или иного *формата* практического философствования.

1. Первое, с чего началась ПФ, это формат практического (индивидуального и за плату) *философского консультирования*.

Этот путь является дважды противоречивым, лукавым и не достигающим цели.

Во-первых, потому что он не устраняет признака традиционного преподавания — преподавания за плату. Чем практический консультант, получая деньги за свой труд, в таком случае отличается от преподавателя университета? Ну разве что количеством учащихся в группе, сведенным порой до одного человека, да более выпячиваемым требованием к клиенту претворять теорию в жизнь, чего от студентов давно не требуется.

Во-вторых, совершенно неизвестно, сам-то практический консультант освоил ли какую-либо философскую концепцию до уровня претворения в своей жизни. Пока априорно видно одно: живет он, зарабатывая себе на хлеб философией, а такого смыслового требования нет ни в одном классическом философском учении (даже наоборот). Чтобы учить других философии, надо и самому жить по философии. Здесь Р. Лахав самокритичен: «Мы должны спросить себя: мы действительно даем людям что-то значимое, чтобы они следовали за нами?» [4, с. 9].

Для ФС такой проблемы никогда не было. Семинар изначально отказался от идеи оплаты и вовлеченности в товарно-денежные отношения. Больше того, когда пару раз такая попытка предпринималась, то по неведомым причинам посещаемость семинара резко снижалась. Хотя надо отметить, что некоторые тренинги и групповые психологические занятия в «Центре психологического совершенствования» действительно сопровождалась оплатой. Но философия при этом уходила на задний план, уступая место психотерапии.

2. Второй формат — *философские клубы и кафе* (антикафе), где ведутся групповые дискуссии с использованием метода сократовского диалога и т. п.

Именно с этого формата началась история ФС — как «Клуба любителей философии». Но за семь лет работы минусы этого формата вытеснили его плюсы.

Главные плюсы клубной работы — неформальное общение, повышение культуры мышления, приближение философии к жизни, объединение людей, ищущих истину. Р. Лахав отмечает: «Слово «ищущие» (seekers) здесь очень важно. Ищущие — это те, кто мотивирован платоновским Эросом, или другими словами тоской по пониманию, знанию, правде» [4, с. 12]. Я бы добавил, мотивирован не только платоновским Эросом, но и джордано-бруновским творческим энтузиазмом, и соловьевской Софией и многими другими подобными духовными стимулами.

Главные минусы — отсутствие актуальной новаторской теории-*ориентира*, которая должна задавать доминирующую ноту коллективному поиску истины, а также отсутствие механизмов социальной *верификации* философских теорий. Вследствие этого философский клуб не застрахован от притока и даже засилья доморощенных и самостоятельных идей. Философия может нивелироваться и растворяться в общественном сознании, в идеологемах и мифах обыденного сознания, в нарочито завлекательной псевдофилософии эпатажирующего типа.

Очевидно, истина должна не только бесконечно искаться, но и быть кем-то и как-то уже найдена, оценена и зафиксирована как истина. А этого клубный формат никак не предполагает. Таким образом, просто экстатическое купание в чужих или собственных самодельных истинах оставляет философские клубы на периферии философского процесса. В связи с этим Р. Лахав дает рекомендацию: «Дело не в том, что мы должны прекратить практику философских кафе и философского консультирования. Скорее это означает, что формат этой деятельности не должен быть больше основным» [4, с. 13].

ФС уже 25 лет назад как бы прислушался к этой рекомендации и отказался от клубного формата. Точнее, не совсем: часть функций вполне продолжают подпадать под статус клубных. Но главной и доминирующей функцией стало возвращение ФС вокруг новаторских идей и концепций философии. На 1-м этапе на такую роль претендовала ноэматическая философия С. А. Борчикова, на 2-м этапе — его же философия мудрости, на 3-м этапе на роль доминант выдвинулись авторские интерпретации философии всеединства уже нескольких философов: С. А. Борчикова, Н. А. Подзолковой,

В. И. Моисеева (неовсеединство, проективно модальная онтология).

Таким образом, ФС отличается от клуба, кафе и антикафе, во-первых, большей перманентностью исследовательских задач (в сравнении с хаотичной мозаичностью клубной работы и вообще ни к чему не обязывающей кофейной и антикафейной коммуникацией); во-вторых, ориентацией на традиционные формы передачи знания: доклады, семинары, дискуссии, публикации (наличие своего печатного органа говорит о многом); в-третьих, желанием оставить след в сущностной *содержании* философии, а не только какой-то всплеск на ее бытийно-формальной поверхности.

Как общий итог анализа первых двух форматов ПФ в свете их недостатков (минусов) звучит диагноз Р. Лахава: «Философия способна делать важные вещи, но она жива не в наших консультационных офисах и не в наших философских кафе, а скорее среди нас, среди философов-практиков» [4, с. 11]. Отсюда — следующий, третий формат.

3) Третий период — формат *философского партнерства и со-творчества*.

Развивая свои мысли, Р. Лахав пишет: «Я представляю себе небольшие группы партнеров, которые размышляли бы над личным способом постижения основных жизненных проблем и культивировали бы более глубокие аспекты своего жизненного опыта. Они бы осуществляли это в духе взаимопонимания, возможно с помощью философских текстов по определенным темам. Эти встречи проходили бы или под руководством философа, или эгалитарным способом между равными философствующими партнерами» [4, с. 12].

Очень лестная для меня и моих соратников цитата, поскольку мы на протяжении 25 лет не только так же представляли, но и реализовали это пожелание. Оно точная характеристика ФС. Хотя опыт вскрывает нюансы. Принцип эгалитаризма (равенства) постулируется как идеал, но на деле все участники Семинара в этом аспекте всё равно делятся на две непропорциональные группы. Эгалитаризм распространяется на небольшую группу (актив) творчески работающих и ищущих участников Семинара. Остальные же участники, которые довольствуются форматом клуба (слушать, наблюдать, потреблять, высказываться, спорить, достигать личных изменений, не производя самим новых знаний), составляют группу с меньшими притязаниями (правами и обязанностями).

Об эгалитарном *активе* философов-практиков Р. Лахав патетически восклицает:

«Мы — плюралистическая симфония» [4, с. 13]. В свое время я выдвинул аналогичную идею, поименовав «плюралистическую симфонию философов» *всеединством философов*. И выдвинул даже в качестве *сверхзадачи* идею создания Всефилы — всеединой философской ассоциации всех философов, по аналогии с Вольфилой — петроградской Вольной философской ассоциацией (1919—1924) [3]. К сожалению, идея Всефилы оказалась утопической. Дай Бог достигать плюралистической симфонии хотя бы в небольшой группе философов-партнеров.

Об этом более приземленная речь и у Р. Лахава: «Философское партнерство — небольшая группа участников, которые регулярно встречаются, или онлайн, или лицом к лицу, и вместе рассуждают. Это начинание основано на идее, что у философского понимания есть власть вдохновить нас на то, чтобы изменить наше отношение к жизни и открыть наши собственные глубины» [4, с. 13].

Нельзя с этим не согласиться. Вот несколько главных принципов, на которых базируется *философское партнерство*.

«Во-первых, оно *философское* в том смысле, что оно имеет дело с основными жизненными проблемами, рассматриваемыми творческим, критическим и диалогическим способами.

Во-вторых, это *партнерство* в том смысле, что участники рассуждают совместно, в унисон друг другу, углубляя понимание, так же, как импровизирующие музыканты. Это противоположно воинственной модели аргументации, согласно которой каждая сторона пытается выиграть спор.

В-третьих, это *умозрение (созерцание) (contemplative)* в том смысле, что участники преодолевают свой привычный образ мысли и акцентируются на глубинных, скрытых аспектах своего существа» [4, с. 13—14].

К трем принципам, отмеченным Р. Лахавом, я бы добавил еще четвертый.

В-четвертых, это *философское творчество и со-творчество*. Это когда все участники группы относятся к философии не просто как к объему знаний, не просто как к живому знанию, которое помогает им в жизни, не просто даже как к совместному рассуждению и умозрению, преодолевающему закостенелость традиционных подходов, а именно как к особому виду *творческой* работе, нацеленной на *производство новых философских знаний*, продолжающих кумулятивное приращение мировой философии.

Возможно, по этому четвертому принципу проходит небольшая линия водораздела

между ФС и некоторыми сообществами ПФ: последние оставляют за бортом своего методологического внимания содержательную составляющую мудрости классиков, а ФС ориентируется на нее (хотя, конечно, пока с проблематичной долей эффективности).

Заключение

Сравнительный анализ ПФ и ФС показал, что оба движения обязаны своим рождением тенденциям мировой философии, направленным на сближение теоретической и практической составляющих. Оба движения по праву принадлежат к практической философии, нацеленной на то, чтобы сделать философию жизненной, а жизнь осветить и освятить философским творчеством.

Хорошо, если этот опыт кому-нибудь пригодится.

1. Адо П. Плотин, или Простота взгляда. М. : Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1991. URL: http://psylib.org.ua/books/ado_p01/txt06.htm. 142 с. (дата обращения: 11.11.2018).
2. Борчиков С. А. Исторические зарисовки о «Философском семинаре» (к 20-летию) // Философия в малых формах. Т. 5. Екатеринбург : СВ-96, 2013. С. 92—110.
3. Борчиков С. А. Всефила (Манифест) // Борчиков С. А. Философия в малых формах. Т. 6. Екатеринбург : СВ-96, 2015. С. 93—101.
4. Лахав Р. Философская практика — quo vadis? // Социум и власть. 2016. №1 (57). С. 7—14.
5. «Философский семинар». Программа и проекты за 25 лет работы : метод. материал. Озёрск : ОТИ МИФИ, 2018. 76 с.

References

1. Ado P. (1991) Plotin, ili Prostota vzglyada. Moscow, Greko-latinskij kabinet Yu.A. Shichalina. Available at: http://psylib.org.ua/books/ado_p01/txt06.htm, 142 p., accessed 11.11.2018 [in Rus].
2. Borchikov S.A. (2013) Istoricheskie zarisovki o «Filosofskom seminare» (k 20-letiyu) // Filosofiya v malyh formah. Vol. 5. Ekaterinburg, SV-96, pp. 92—110 [in Rus].
3. Borchikov S.A. (2015) Vsefila (Manifest) // Filosofiya v malyh formah. Vol. 6. Ekaterinburg, SV-96, pp. 93—101 [in Rus].
4. Lahav R. (2016) *Socium i vlast'*, no. 1 (57) pp. 7—14 [in Rus].
5. «Filosofskij seminar» (2018). Programma i proekty za 25 let raboty. Ozyorsk, OTI MIFI, 76 p. [in Rus].

For citing: Borchikov S.A. «Philosophical seminar» in Ozersk as a subject of practical philosophy // *Socium i vlast'* 2018. № 6 (74). P. 122—127.

UDC 17

«PHILOSOPHICAL SEMINAR» IN OZERSK AS A SUBJECT OF PRACTICAL PHILOSOPHY

Sergey A. Borchikov,

Ozersk State College of Arts,
Lecturer of Philosophy,
Head of the «Philosophical seminar» of Ozersk,
Russian Federation, 456784, Chelyabinsk region,
Ozersk, ulitsa Lenina, 60.
E-mail: kwsms@mail.ru

Abstract

Empirical (statistical) information about Ozersk «Philosophical seminar» and theoretical analyses of the Seminar as a subject of «Philosophical Practice» movement, is given in this article.

Key concepts:

philosophical practice,
«Philosophical seminar»,
synthesis of theory and practice.

Для цитирования: Сёмин А. Н.
Рецензия на монографию
Ю. В. Абдурахимова «Монопрофильные города
Южного Урала: проблемы
и перспективы развития» //
Социум и власть. 2018. № 6 (74). С. 128—134.

УДК 332.1

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ Ю. В. АБДУРАХИМОВА «МОНОПРОФИЛЬНЫЕ ГОРОДА ЮЖНОГО УРАЛА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ»

Сёмин Александр Николаевич,
Уральский государственный университет,
директор Института мировой экономики,
заведующий кафедрой стратегического
и производственного менеджмента,
доктор экономических наук, профессор,
Академик РАН.
Российская Федерация, 620144, Екатеринбург,
переулок Университетский, 7.
E-mail: aleks_ural_55@mail.ru

Аннотация

В рецензии рассматриваются материалы монографии Ю. В. Абдурахимова «Монопрофильные города Южного Урала: проблемы и перспективы развития» и отмечается актуальность, значимость данного исследования. В решении комплекса проблем развития малых депрессивных городов определен корректный выбор проектной парадигмы устойчивого развития, проблемы модернизации градообразующих предприятий и создания новых «точек роста» в депрессивных городах, источники дохода и осуществления активных действий по развитию экономики, перспективы развития монопрофильных городов в условиях новых трендов мировой экономики.

Материалы монографии можно считать основой для дальнейшего развития идей организационно-экономического управления территорий данного типа.

Ключевые понятия:
малые монопрофильные города,
стратегии развития,
территории опережающего
социально-экономического развития.

Стратегической целью развития малых монопрофильных городов Южного Урала является выход их из состояния депрессии на траекторию устойчивого развития.

Относительно низкий уровень технологического развития промышленного комплекса в рамках границ данных территорий, наличие обостренных проблем социально-гуманитарного плана (от демографии до экологии) определяет основную проблему территорий такого типа — стагнация производственной деятельности градообразующих предприятий, снижение уровня доходов субъектов, доходов населения, рост уровня безработицы, потеря инвестиционной привлекательности.

Для достижения цели развития монопрофильных городов следует формировать новые подходы и методы к решению возникающих конкретных прикладных задач, определять новые возможности для реализации долгосрочных траекторий развития.

В рецензируемой работе этим вопросам уделено значительное место и внимание автора.

Принципиальным моментом в решении всего комплекса проблем развития малых депрессивных городов, требующих поиска эффективных стратегий их выхода на траекторию устойчивого развития, автор определяет корректный выбор проектной парадигмы (общий подход и основные принципы формирования антикризисной стратегии, целевые ориентиры, методы и прикладной инструментарий для достижения активного результата). Справедливо определение автором методологии перепроектирования и соответствующих подходов ее реализации, не предполагающих отказа от существующего опыта городов в решении ряда задач.

Неравномерность развития различных сегментов социально-экономической структуры рассматриваемых городов диктует необходимость решения задачи с комбинированным использованием принципов улучшения и перепроектирования систем, что достаточно обосновано автором в рецензируемой работе. Социально-экономическая среда малого монопрофильного города должна формироваться на принципах перепроектирования в целом в сочетании с принципом улучшения в частных аспектах его развития.

Предлагаемая монография посвящена решению этой задачи в плане теоретического и методологического обеспечения поисков рациональных траекторий разви-

тия городов, разработки необходимого прикладного инструментария.

Цель монографии — поиск перспективных, реально возможных в существующих условиях и надежных стратегических решений, обеспечивающих выход малых монопрофильных городов Южного Урала из состояния социально-экономической депрессии на траекторию устойчивого развития, — аргументирована и обоснована.

Объектом исследования в монографии является группа из пяти малых монопрофильных муниципальных образований Челябинской области, имеющих наиболее сложную социально-экономическую ситуацию (городские округа — Верхний Уфалей, Карабаш и Усть-Катав, муниципальные районы — Нязепетровский и Ашинский), практические решения рассматриваются по Верхнему Уфалю.

В качестве информационной основы исследования автор использует открытые источники статистических данных, результаты исследований российских и зарубежных авторов.

В рамках общего для монографии системного подхода в решении задач использованы экспертный, социологический, сравнительный, факторный, системный, структурный и морфологический анализ, синтез, результаты лучших мировых и российских практик управления развитием города.

Базовые принципы системного подхода, логика и анализ существующей практики выполнения научных работ данного типа, цель и конкретные задачи исследования определили структуру монографии.

В первой главе «Монопрофильные города Южного Урала: специфика и основные тренды формирования экономики, проблемы развития» представлены результаты ретроспективного анализа изменения социально-экономических показателей пяти малых монопрофильных городов Южного Урала, находящихся в депрессивном состоянии. Ретроспективный анализ социально-экономического развития сосредоточен на факторах и причинах депрессивного развития монопрофильных городов и муниципальных районов в Челябинской области (категория территорий, имеющих наиболее сложное социально-экономическое положение).

Все рассматриваемые в данном исследовании территории относятся к классу старопромышленных, а их развитие и функционирование экономики осуществляет-

ся за счёт деятельности градообразующих предприятий.

Более глубокий и детальный анализ динамики основных социально-экономических параметров развития определил тенденции сокращения численности населения в рассматриваемых территориях, причины миграции в более крупные города региона. Вместе с тем автор отмечает, что положительные тенденции и перспективы изменения миграционного прироста населения в перспективе могут привести к формированию положительного миграционного прироста.

На протяжении всего рассматриваемого периода наблюдается рост номинальной заработной платы во всех рассматриваемых городских округах и муниципальных районах, но темпы роста номинальной заработной платы в муниципальных образованиях существенно различаются и во многом отражают ситуацию в сфере экономики. Там, где в экономике в этот период осуществлялись мероприятия по восстановлению прежних темпов роста (Карабашский городской округ, Ашинский муниципальный район), изменения заработной платы приближается к среднему росту по Челябинской области. В остальных ситуация гораздо хуже — рост номинальной заработной платы составляет 68—77 % от среднего по области.

Проблемы модернизации градообразующих предприятий и создания новых «точек роста» в депрессивных городах требуют скорейшего решения инвестиционной политики их развития. В перспективе развития инвестиционных вложений на период 2018—2020 гг. ситуация, вероятно, будет формироваться несколько иная: инвестирование будет по-прежнему иметь высокий рост в Карабашском городском округе, а в остальных рассматриваемых территориях, вероятно, величина инвестиций будет резко колебаться, что усилит важность управленческих решений в этом вопросе.

Задача сокращения количества убыточных предприятий и организаций требует значительных финансовых ресурсов, времени, изменения менталитета населения, предпринимателей и органов власти, перехода к поиску источников дохода и осуществлению активных действий по развитию новых инициатив в экономике. В этом вопросе автор отмечает важность создания благоприятной институциональной среды для реализации программ развития малого и среднего бизнеса в целях повышения качества жизни населения и условий инвестиционной привлекательности, что, в свою

очередь в перспективе усилит возможности изменения ситуации за счет собственных источников финансовых ресурсов.

Для решения экономических и социальных проблем задача реабилитации моногородов представляется весьма непростой и требует изменений экономической политики депрессивных территорий, анализа новых технологических и организационно-экономических трендов развития отечественной и мировой экономики. Крайне важным в этой связи является обобщение результатов самооценки населения социально-экономического положения городов, определение позиций и поведения в решении всех жизненно важных проблем (личное отношение). В решении данных вопросов определено особое место институциональной среды, ее развития.

Системная взаимосвязь проблем, под воздействием которой с каждым годом в данном типе поселений формируется все более острая и сложная социально-экономическая ситуация, определяет содержание второй главы — «Самооценка населением Верхнего Уфалея социально-экономического положения». В главе представлены результаты социологического исследования общественного мнения жителей города, изучение их социально-экономического самочувствия и стратегий поведения — активные действия по преодолению негативных тенденций выхода малого города из депрессивного состояния. Актуальный вопрос о приемлемых способах выхода из сложившейся ситуации и дальнейших стратегиях поведения в условиях реальной угрозы снижения уровня жизни рассмотрен достаточно подробно и заслуживает внимания. Так, треть опрошенных выбирает стратегию доживания: вторая стратегия в рейтинге — стратегия оседлости — предполагает стремление найти более высокооплачиваемую работу в Верхнем Уфалее. Ее выбирает каждый пятый респондент (21 %). Это в большей степени молодежь и респонденты в возрасте 31—50 лет, более образованные горожане, наемные работники и безработные / временно неработающие, имеющие — по самооценке — доход среднего уровня. Стратегию миграции склонны в этой ситуации рассматривать 16 % опрошенных (молодежь и среднее поколение, респонденты с высшим образованием, наемные работники, индивидуальные предприниматели и руководители организаций, учащиеся и студенты, горожане с доходом выше среднего уровня). Стратегию «отхо-

жего промысла» попытаются реализовать 13 % опрошенных (мужчины, молодежь и представители среднего возраста, наемные работники и безработные / временно неработающие, живущие за гранью бедности). К выбору стратегии вахтовика (10 %) в большей степени склонны мужчины, респонденты в возрасте 31—50 лет, наемные работники и безработные/временно неработающие, имеющие доход ниже среднего уровня. К выбору стратегии протеста при дальнейшем снижении уровня жизни в городе готовы 8 % респондентов, и это чаще наемные работники, имеющие доход ниже среднего уровня, среди которых минимальная доля потерявших работу вследствие закрытия ОАО «Уфалейникель». На шестом месте — стратегия предпринимательства (6 %), которую чаще выбирает молодежь и представители среднего возраста, более образованные, наемные работники, индивидуальные предприниматели и руководители организаций, учащиеся и студенты, имеющие доход среднего и выше среднего уровня.

В рамках проведенного опроса не зафиксировано массового желания переехать в другой населенный пункт. С одной стороны, это обусловлено понятным желанием горожан сохранить сложившийся образ жизни, стремлением к стабильности. С другой стороны, возможно, эта установка провоцируется обещаниями улучшений в связи с присвоением Верхнему Уфалею статуса ТОСЭР, ожидаемым притоком инвестиций и формированием в рамках закрытого предприятия структуры — промышленный технопарк.

Исследования, результаты которых приведены в третьей главе «Управление развитием сложных социально-экономических систем: методология, российский и зарубежный опыт, возможности использования для России», посвящены поиску и выбору базовой методологии и прикладного инструментария решения поставленных задач на основе обобщения опыта выхода старопромышленных монопрофильных территорий из депрессивного состояния на траекторию устойчивого развития.

Управление социально-экономическими системами (регион, город, муниципальное образование) достаточно трудоемкий, требующий поиска новых решений процесс, когда разрабатывать и осуществлять изменения в жизнедеятельности объекта управления необходимо, ориентируясь на эффективность управления социально-экономическими процессами в условиях

высокой неопределенности, что во многом определено связанными между собой факторами: во-первых, необходимость корректной оценки ситуации с учетом всех важных ее особенностей, адекватная формулировка реально достижимых целей и корректная постановка соответствующих управленческих задач; во-вторых, выбор адекватной методологии решения поставленных задач (формирование пакета конкретных методов и алгоритмов решения задач).

Одной из наиболее эффективных базовых методологий решения задач управления сложными социально-экономическими объектами в условиях высокой и трудно прогнозируемой изменчивости внешней среды является системный подход. Рассматривая современные каноны управленческого системного подхода в отношении технологий и процедур внесения изменений в собственную структуру и собственные внутренние процессы, автор использует два возможных приема: «улучшение систем», «проектирование (перепроектирование) систем».

Автор справедливо определяет, что два варианта внесения изменений в функционирование объектов управления — на принципах улучшения и проектирования — являются различными, но не альтернативными и могут, а часто и должны одновременно использоваться для различных элементов одной и той же управляемой системы.

Совершенствование объекта управления как сложной системы, с использованием метода проектирования, на практике сводится к решению инженеринговых задач. При выполнении процедур перепроектирования существующего объекта управления автор рекомендует использовать свод правил эффективного управления системными изменениями, созданный на основе реальных российских и зарубежных практик.

Необходимо отметить акцент автора в основной особенности системного подхода — современная методология решения сложных задач может формировать из достаточного большого ассортимента инструментов тот набор, который, возможно, единственным и наилучшим образом подходит к решению конкретной задачи, учитывая при этом необходимость проведения дополнительных масштабных и сложных исследований.

Первый и, вероятно, наиболее важный вывод, который следует сделать по результатам анализа российского и зарубежного опыта по выходу монопрофильных горо-

дов из кризисной ситуации, состоит в следующем: возможности, перспективы и результаты развития в целом, и социальной сферы в частности, прежде всего, определяются состоянием экономики в этих субъектах. Значимость факторов — размер территории, наличие природных ресурсов, численность населения, уровень финансового потенциала территории — безусловно, не исчезает. Автор справедливо отмечает при этом, что неизбежное и закономерное развитие человеческого капитала предопределяет рост важности позиции и уровня активности местного сообщества в решении вопросов развития территорий и городов.

В условиях растущей глобализации экономики государство сохраняет роль источника финансового обеспечения проектов развития территорий. В монографии подчеркнуто возрастание значения государства в обеспечении инфраструктурной, юридической и внешнеполитической поддержки проектов градообразующих предприятий, ориентированных и обеспечивающих повышение качества жизни населения, его благосостояние.

Экономика создания гибких сетевых предприятий формирует совершенно новые возможности для развития малого и среднего производственного бизнеса. Ключевым элементом стратегии развития в данном случае может быть, по мнению автора, встраивание предприятий малых городов в глобальные технологические цепочки создания добавленной стоимости. Это справедливо.

Конечным и важным с точки зрения прикладного использования является материал четвертой главы «Перспективы развития монопрофильных городов в свете новых и технологических и организационно-экономических трендов мировой экономики», в которой рассматриваются различные варианты выхода монопрофильных старопромышленных городов Южного Урала на траекторию устойчивого развития в свете современных технологических и организационно-экономических трендов российской и мировой экономики.

Первая группа траекторий развития включает в себе все возможные пути, основанные на улучшении традиционных сегментов городской экономики за счет развития — «развитие от достигнутого» (стратегия улучшения объекта управления).

Вторая группа траекторий развития базируется на предположении о допустимости

прогнозирования развития ситуации во внешней среде объекта управления (целенаправленное использование возникающих возможностей внешнего мира) — «развитие от возможного» — стратегия системного проектирования объекта управления.

Управление развитием малых моногородов, оказавшихся в настоящее время в состоянии депрессии, содержит ряд специфических отличий и требует именно особых управленческих подходов, рассмотрения условий, возможностей и перспектив проведения эффективных социально-экономических преобразований. Автором предпочтение отдано прикладным вопросам и решениям, ориентированным на практические задачи. Особое внимание занимает анализ взаимосвязи между текущими условиями и возможностью возвращения к парадигме индустриального развития на новом технологическом уровне. Одно из самых очевидных направлений выхода из структурного кризиса предопределяется автором необходимостью поиска новых вариантов развития на базе высоких технологий уже имеющейся горнодобывающей промышленности на Урале, использование местных конкурентных преимуществ.

Помимо сложных вопросов экономической оценки производственных затрат и прогнозирования финансовых результатов в монографии затрагивается проблема социальной ответственности бизнеса в качестве одного из ключевых условий устойчивости развития территории, важного требования модернизации управленческой муниципальной системы управления.

Таким образом, автор констатирует, что, учитывая реальное социально-экономическое положение в малых индустриальных городах Южного Урала, весьма ограниченные ресурсные возможности на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, стратегия выхода из депрессивного состояния должна представлять собой набор стратегий разного уровня, имеющих различный временной горизонт осуществления, комбинированный характер, и одновременно содержать три необходимых составляющих: а) краткосрочная стратегия ухода от очевидных, значительных и реально существующих опасностей, ведущих к дальнейшему углублению кризиса (улучшение на основе инкрементальной модели развития); б) среднесрочная стратегия выхода отдельных секторов экономики городов на уровень восстановительного роста и стабилизации социально-экономического

положения, восстанавливающая привлекательность города для российских и международных инвесторов (стратегия улучшения на основе многокритериальной оптимизации по Парето); в) долгосрочная стратегия выхода на траекторию устойчивого развития (использование новых технологических и организационно-управленческих возможностей).

Перечисленные типы стратегий являются не альтернативами, а взаимодополняющими и во многих случаях они принципиально должны быть разработаны и реализованы в одном пакете, а развитие становится все более очевидным при данном условии.

Сетевая схема организации производства создает для обладающих, как правило, ограниченными материальными и финансовыми ресурсами предприятий малых индустриальных городов новые и очень выгодные возможности развития. Их стратегия может быть ориентирована на встраивание собственных производственных компетенций в уже существующие, или вновь формируемые глобальные технологические цепочки создания добавленной стоимости. Нет сомнений, что малые предприятия моногородов, стратегия которых направлена на производство уникальной, в том числе и высоко-технологичной конечной продукции, а также на развитие и встраивание собственного производства в технологические цепочки создания добавленной стоимости крупных сетевых корпораций, должны будут преодолеть значительные трудности, и не только финансовые. Прежде всего необходимо изменить менталитет собственников и наращивать управленческую квалификацию руководителей предприятий.

В эпоху глобализации значительный, устойчивый и долгосрочный успех в экономике могут обеспечить ориентация производства на экспорт конкурентоспособной продукции, качественное управление процессами разработки и реализации проектов развития, обеспечение их необходимыми ресурсами и прежде всего наращивание человеческого капитала.

Нет сомнений, что малые предприятия моногородов, стратегия которых направлена на производство уникальной, в том числе и высокотехнологичной конечной продукции, а также на развитие и встраивание собственного производства в технологические цепочки создания добавленной стоимости крупных сетевых корпораций, должны будут

преодолеть значительные трудности, и не только финансовые. Прежде всего, необходимо изменить менталитет собственников и наращивать управленческую квалификацию руководителей предприятий.

Для выхода городов с монопрофильной экономикой из состояния депрессии благоприятным фактором является возможность приобретения статуса территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР). По сути, это совершенно необходимая в сложившейся ситуации поддержка малых городов на федеральном и региональном уровне.

Привлекательность стратегии встраивания малого и среднего бизнеса в глобальные технологические цепочки, создающие добавленную стоимость, а также перспективы ее развития в будущем должны играть решающую роль в принятии положительных решений по ее использованию (создание муниципальных центров технологического развития).

Не требует особых доказательств утверждение, что перспективы развития социальной сферы монопрофильных городов в значительной мере определяются уровнем развития их экономики. Поэтому первый шаг в решении проблем моногородов заключается в решении задачи выхода из депрессивного состояния экономики и формирования плацдарма для дальнейшего экономического развития.

Из 10 главных идей разрабатываемой в Челябинской области «Стратегии-2035» следует отметить понимание важности осуществления перспективной специализации компетенций создаваемых экономических центров. Именно по отношению к ним, как сказано в Послании В. В. Путина Федеральному Собранию, «небольшие населенные пункты будут тесно интегрированы в общее социальное и экономическое пространство России».

Представленные в данной монографии результаты исследования, раскрывающие генезис и причины одностороннего развития целого ряда малых городов Южного Урала, направлены на решение именно этих задач.

Экономика малых городов России, и Южного Урала в частности, не должна ориентироваться исключительно на сохранение или воссоздание крупных предприятий полного производственного цикла, возрождающих или усиливающих приоритет в городской экономике градообразующих предприятий. Новая экономика, ориентированная на создание гибких сетевых предприятий, фор-

мирует совершенно новые возможности для развития малого и среднего бизнеса.

Органы власти малых городов и городское бизнес-сообщество должны найти возможность создания муниципальных центров технологического развития, в работе которых в качестве консультантов будут принимать участие специалисты, обладающие теми компетенциями, которых сегодня недостаточно у действующих управленцев, собственников бизнеса, а также имеющие практический опыт решения задач управления развитием сложных социально-экономических систем.

В целом можно отметить, что автору монографии удалось раскрыть процесс социально-экономического развития монопрофильных городов, описать его этапы, дать объективную оценку результатам деятельности градообразующих предприятий, выявить проблемы управления и решения их.

Наблюдающиеся сегодня многообразие факторов на территории моногородов, а также отсутствие четкой концепции вывода монопрофильных городов из депрессивного состояния делают тематику монографического исследования чрезвычайно актуальной и предоставляющей широкие возможности для научного поиска:

- необходимости теоретического обобщения, развития процессов выбора стратегий развития монопрофильных городов Южного Урала;
- анализа разработанности указанных проблем в работах экономистов;
- нерешенность комплекса проблем выработки концепции развития малых городов.

Представленный в работе комплексный анализ факторов, характеристика сущности объединений усилий по выводу из депрессивного состояния, детальное изучение основных направлений формирования единого социально-экономического пространства имеет большую практическую значимость для широкого круга специалистов, разрабатывающих теоретические и практические аспекты данной темы.

Достоверность выводов, положений и рекомендаций, сформулированных в монографии, подтверждается теоретической, правовой и статистической аргументацией, базирующейся на анализе и критическом обобщении теории и практики исследуемой проблемы.

Следует особо подчеркнуть, что рецензируемую монографию выгодно отличает богатый эмпирический материал,

представленный в содержательной части работы, что свидетельствует о серьезном научном уровне автора исследования.

Монография рассчитана на широкий круг специалистов в сфере региональной и национальной экономики, руководителей администраций и специалистов-практиков, решающих задачи управления развитием сложных социально-экономических систем, в том числе малых городов и муниципалитетов.

Монография имеет высокий научный уровень, при этом написана языком, доступным и понятным широкому кругу читателей. Изложенный в ней материал может быть использован для учебной, преподавательской работы, а также послужить основой для дальнейшего исследования.

For citing: Semin A.N.

Review of Yu.V. Abdurakhimov's monograph "South Ural monotowns: problems and prospects of development" // *Socium i vlast'* 2018. № 6 (74). P. 128—134.

UDC 332.1

REVIEW OF YU.V. ABDURAKHIMOV'S MONOGRAPH "SOUTH URAL MONOTOWNS: PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT"

Aleksander N. Semin,

Ural State University,
Director of the Institute of World Economy,
Head of the Department Chair of Strategic
and Production Management,
Doctor of Economics, Professor,
Member of the Russian Academy of Sciences.
Russian Federation,
620144, Yekaterinburg, pereulok Universitetsky, 7.
E-mail: aleks_ural_55@mail.ru

Abstract

The review considers Yu.V. Abdurakhimov's monograph "South Ural monotowns: problems and prospects of development" and emphasizes the topicality of the study.

To solve the problems of developing small depressed towns, the author outlines the correct choice of the project paradigm for sustainable development, the problems of modernizing city-forming enterprises and creating new "growth points" in depressed towns, sources of income and actions for developing economy, prospects for developing monotowns in the context of new global economy trends.

The monograph materials can be considered the basis for developing the ideas of organizational and economic management of such territories.

Key concepts:

monotowns,
development strategies,
territory of advanced socio-economic development.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОЦИУМ И ВЛАСТЬ» В 2018 ГОДУ

СОЦИУМ

Александрова Л. Д. Опыт саморефлексии в контексте медиареальности и цифровой культуры // Социум и власть. 2018. № 3 (71). С. 23—29.

Антошин В. А., Ершов Ю. Г. Общественный (гражданский) контроль как функция гражданского общества // Социум и власть. 2018. № 1 (69). С. 18—24.

Блинова О. А., Журавлева Л. А., Кружкова Т. И., Оболенская А. Г. Организационная девиантность: социально-философский анализ // Социум и власть. 2018. № 4 (72). С. 19—27.

Вишнеевский Ю. Р., Нархов Д. Ю. Гражданская идентичность молодежи Свердловской области // Социум и власть. 2018. № 1 (69). С. 31—39.

Гарас Л. Н. «Человек информационный» как антропологическая основа для политического манипулирования? // Социум и власть. 2018. № 5 (73). С. 7—17.

Гладышев В. И. Концепция общения И. А. Ильина: общение как важнейший фактор духовного совершенствования и духовного самоутверждения личности // Социум и власть. 2018. № 4 (72). С. 7—18.

Гнатышина Е. А., Уварина Н. В., Гордеева Д. С., Евлова Е. В. К вопросу о корпоративной идентичности преподавателя высшей школы: современные реалии // Социум и власть. 2018. № 5 (73). С. 28—37.

Дыдров А. А., Починская В. А., Шарипова А. Р. Механизация человека и гуманизация машины: тенденции существования человека и техники // Социум и власть. 2018. № 3 (71). С. 7—14.

Лагунов А. А. Идеологический аспект мировоззренческого диалога в поликонфессиональном обществе // Социум и власть. 2018. № 1 (69). С. 25—30.

Лукин А. Н. Может ли ориентация на традиционные нравственные ценности согласовываться с развитием гражданского общества в России? // Социум и власть. 2018. № 2 (70). С. 18—23.

Лукин А. Н., Домрачев С. С. Вера как элемент сознания человека // Социум и власть. 2018. № 3 (71). С. 15—22.

Миронов А. В. Маргинальное поведение в ракурсе морально-политической конфронтации // Социум и власть. 2018. № 2 (70). С. 34—41.

Нехамкин В. А. Модели роли личности в истории: достижения и пределы // Социум и власть. 2018. № 2 (70). С. 24—33.

Новикова О. Н. Игровая деятельность человека в пространстве виртуальной реальности // Социум и власть. 2018. № 6 (74). С. 16—25.

Погорельская Е. Ю. Техника на пути к собственной свободе // Социум и власть. 2018. № 6 (74). С. 7—15.

Подопригора А. В. Левиафан и сеть: философия власти в цифровом обществе // Социум и власть. 2018. № 2 (70). С. 7—17.

Руденкин Д. В., Юферева А. С. Социальные медиа как предметное поле социологических исследований: основные направления анализа и концептуальные сложности // Социум и власть. 2018. № 5 (73). С. 18—27.

Скоробогачка Н. А., Скоробогачкий В. В. Проблема методологии социального познания в свете принципа конструирования (к истории вопроса) // Социум и власть. 2018. № 1 (69). С. 7—17.

ВЛАСТЬ

Васильева С. А. Причины современного российско-турецкого конфликта // Социум и власть. 2018. № 1 (69). С. 40—46.

Желнин А. И., Барз О. А. К критике биополитической экономики: перспективы управления человека своей биологией в контексте современного перехода от биовласти к биополитике и кризиса медицины // Социум и власть. 2018. № 6 (74). С. 36—45.

Жоров Е. А. Региональная экономическая политика Великобритании: тэтчеристский поворот // Социум и власть. 2018. № 2 (70). С. 42—47.

Иванова Л. Л., Ревягина Н. Г., Яланский А. П. Коррупционные практики в современной России: объективность наличия и сложности оценки // Социум и власть. 2018. № 3 (71). С. 30—37.

Маковейчук А. В. Интернет-технологии как инструмент реализации цифровой политики в российском регионе на современном этапе // Социум и власть. 2018. № 1 (69). С. 4—54.

Наточий В. В., Наточая Е. Н. Применение информационных технологий для оценки профессиональной компетентности государственных и муниципальных служащих // Социум и власть. 2018. № (72). С. 41—52.

Подольский В. А. Анализ различий между традиционализмом и консерватизмом на примере луддитского движения // Социум и власть. 2018. № 4 (72). С. 28—40.

Сонина Е. О. Проблема концептуализации подходов к реформированию системы государственного управления на современном этапе // Социум и власть. 2018. № 5 (73). С. 38—45.

Токарева О. В. Влияние института государства и «партии власти» на процесс конструирования имиджа российских женщин-парламентариев // Социум и власть. 2018. № 6 (74). С. 26—35.

Фурсов К. К. Дискурс вражды масс-медиа: процесс формирования и структура теории // Социум и власть. 2018. № 5 (73). С. 46—56.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Абдурахимов Ю. В. Условия и перспективы развития малых моногородов Урала // Социум и власть. 2018. № 1 (69). С. 65—72.

Артемова О. В., Зубкова О. В., Жилина Т. А., Маскайкин Е. П. Теоретические и методологические основы управления инновационной деятельностью субъектов различного уровня хозяйствования // Социум и власть. 2018. № 1 (69). С. 55—64.

Артемова О. В., Логачева Н. М., Нестеренко И. Ю. Ресурсы для развития малого и среднего предпринимательства региона // Социум и власть. 2018. № 2 (70). С. 48—55.

Бухтиярова Т. И., Коротина Н. Ю., Первых П. А. Оценка исполнения государственных программ как инструмент повышения эффективности расходов бюджетов // Социум и власть. 2018. № 3 (71). С. 38—43.

Волкова Т. П., Хомякова В. С. Риски в социально-трудовой сфере: теория и практика // Социум и власть. 2018. № 4 (72). С. 79—89.

Голышев И. Д., Зубкова О. В., Карян Ю. С. Учет показателей качества жизни для оценки результативности деятельности органов управления // Социум и власть. 2018. № 3 (71). С. 44—51.

Иванов О. П., Шибанова Е. К., Аверьянова Д. В. Регулирование государственной молодежной политики на основе системы сбалансированных показателей // Социум и власть. 2018. № 5 (73). С. 57—70.

Качанова Е. А., Коротина Н. Ю. Методические аспекты оценки российской модели бюджетного федерализма с позиции асимметричности экономических критериев // Социум и власть. 2018. № 5 (73). С. 71—81.

Лаврентьева И. В., Абрамкина С. Р., Белкин В. Н. Проблематика сбалансированности процессов воспроизводства рабочей силы в контексте реаллокации рабочих мест (на примере УрФО) // Социум и власть. 2018. № 6 (74). С. 46—54.

Максимова Т. В., Дубынина А. В., Хлестова К. С. Оценка коэффициентов, учитываемых при определении арендной платы за земельные участки в г. Челябинске // Социум и власть. 2018. № 5 (73). С. 82—90.

Мирошников С. Н. Пространственное развитие как основа системного подхода государственного управления территориями // Социум и власть. 2018. № 4 (72). С. 61—67.

Побединский В. В., Вукович Н. А., Зубкова О. В. Основные положения научного направления «зеленая экономика» // Социум и власть. 2018. № 4 (72). С. 68—78.

Сонина О. В. Интегральный показатель как инструмент оценки уровня «привлекательности вуза» // Социум и власть. 2018. № 3 (71). С. 64—71.

Чан Янь (*Chang Yan*). Влияние экономического проекта «Великий шелковый путь» на развитие восточных территорий России и Китая // Социум и власть. 2018. № 4 (72). С. 53—60.

Шаврина Ю. О. Управление элементами затрат на производство продукции для повышения финансовой устойчивости сельскохозяйственных организаций // Социум и власть. 2018. № 2 (70). С. 56—66.

Шибанова Е. К., Савченко Т. Ю. Форсайт-прогнозирование как конструктор «эффективности будущего» деятельности предприятий // Социум и власть. 2018. № 3 (71). С. 52—63.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Зверева П. К. Концепт «правовой закон» как сущностно оспариваемый концепт? // Социум и власть. 2018. № 2 (70). С. 67—75.

Корнейчук Б. В. Принципы и противоречия Изборской доктрины // Социум и власть. 2018. № 3 (71). С. 72—79.

КУЛЬТУРА

Brenifier Oscar. The Art of Philosophical Practice: Philosophical Attitudes // Социум и власть. 2018. № 1 (69). С. 73—79.

Аверенкова Н. В., Пашинцев Е. В. Гуманитарная предметность и проблема методологического синтеза // Социум и власть. 2018. № 3 (71). С. 98—103.

Александрова Л. Д., Трушников Е. Л. Философское прогнозирование будущего и трансформация телесности в контексте цифровой культуры // Социум и власть. 2018. № 6 (74). С. 91—97.

Апухтина Н. Г., Миляева Е. Г., Пеннер Р. В. Методы философской практики (философское консультирование и партнерство) в студенческой аудитории: образовательный эксперимент. Часть I // Социум и власть. 2018. № 6 (74). С. 68—78.

Баркова В. В., Цилицкий В. С. Становление концепта «тьюторская деятельность» в философии образования Средних веков // Социум и власть. 2018. № 2 (70). С. 96—102.

Беляева Л. А., Новикова О. Н. Игра как форсайт-технология и ее значение для бытия человека в культуре постмодерна // Социум и власть. 2018. № 3 (71). С. 112—118.

Богданова В. О. Созидательный и разрушительный потенциал аскетической практики // Социум и власть. 2018. № 1 (69). С. 107—112.

Богданова В. О. Философские практики обретения экзистенциальной открытости: компаративистский анализ восточных и западных методик // Социум и власть. 2018. № 4 (72). С. 100—109.

Бренифье Оскар (Brenifier Oscar). Искусство философской практики: философские установки // Социум и власть. 2018. № 1 (69). С. 80—87.

Гаврилов М. А. Актуальность философской практики для самоопределения современной философии // Социум и власть. 2018. № 1 (69). С. 88—93.

Дыдров А. А. Мышление современного человека в контексте инновационной гонки (заметки о романе-антиутопии «Мы») // Социум и власть. 2018. № 2 (70). С. 83—88.

Дыдров А. А., Невелева В. С. «Конец света» и «конец мира»: философская интерпретация постапокалиптической фантастики // Социум и власть. 2018. № 5 (73). С. 100—108.

Квятковский Г. Ю. Логические приемы формирования систем категорий для анализа социальных и культурных систем // Социум и власть. 2018. № 1 (69). С. 99—106.

Кленовская В. А. Медиапоэзия как практика самопознания // Социум и власть. 2018. № 4 (72). С. 110—117.

Кохан У. О. (Kohan Walter Omar). Пауло Фрейре и «Философия для детей»: критический диалог // Социум и власть. 2018. № 6 (74). С. 55—67.

Май К Да. Евангелие от Иоанна как модель для культурной интеграции протестантизма во Вьетнаме // Социум и власть. 2018. № 6 (74). С. 86—90.

Май К Да. Идеиные источники философско-теологической мысли протестантизма во Вьетнаме // Социум и власть. 2018. № 2 (70). С. 89—95.

Мальцев Я. В. Современная философия и философия современности (пролегомены философии перманентности) // Социум и власть. 2018. № 4 (72). С. 90—99.

Мальцев Я. В. Философия как практика современности // Социум и власть. 2018. № 3 (71). С. 80—85.

Мальцев Я. В. Четыре процедуры субъективации Я-субъекта // Социум и власть. 2018. № 5 (73). С. 91—99.

Молчанов С. Г., Садыкова Т. Н. Основания для построения теории профессионально-педагогической компетентности // Социум и власть. 2018. № 1 (69). С. 113—126.

Нехамкин В. А. Географический детерминизм как направление в философии истории XVIII—XIX вв.: возможности и ограничения // Социум и власть. 2018. № 3 (71). С. 119—128.

Нижников С. А. Вера и знание: проблемы онтологии и гносеологии в историко-философском контексте // Социум и власть. 2018. № 2 (70). С. 76—82.

Орехов А. М. Междисциплинарный синтез и социально-гуманитарные науки: к вопросу о прояснении некоторых концептов и векторов исследования // Социум и власть. 2018. № 3 (71). С. 91—97.

Пашинцев Е. В. Специфика религиозной культуры в зеркале социальной философии // Социум и власть. 2018. № 6 (74). С. 79—85.

Пеннер Р. В. Ретриты в философской практике: прошлое, настоящее, будущее // Социум и власть. 2018. № 3 (71). С. 86—90.

Пеннер Р. В. Философское консультирование и глубинная философия как точки сборки при работе с фрагментарным бытием // Социум и власть. 2018. № 1 (69). С. 94—98.

Плетников В. В. Олимпийские игры Древней Греции и спорт: анализ различий // Социум и власть. 2018. № 1 (69). С. 127—133.

Цукерман В. С., Павлова А. Ю. Художественная культура и культурная политика: региональный срез // Социум и власть. 2018. № 5 (73). С. 109—120.

Чернов Л. С., Погорельская Е. Ю. Лицо и следы научного эксперимента // Социум и власть. 2018. № 3 (71). С. 104—111.

ИСТОРИЯ

Белоконев С. Ю., Хоконов А. А. Политические условия и институциональные основания распространения денежных суррогатов в 1917—1922 гг. в России // Социум и власть. 2018. № 5 (73). С. 130—139.

Неупокоев И. В. Проблемы преподавания Закона Божия в начальных светских училищах в середине XIX — начале XX веков (на примере Курганского округа Тобольской губернии) // Социум и власть. 2018. № 4 (72). С. 118—123.

Палецких Н. П. Семейно-бытовые аспекты тыловой повседневности: на материалах Урала периода Великой Отечественной войны // Социум и власть. 2018. № 5 (73). С. 121—129.

РЕЗУЛЬТАТЫ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Борисов С. В. Теория и практика философского консультирования: компаративистский подход // Социум и власть. 2018. № 2 (70). С. 103—110.

Товбин К. М., Аторин Р. Ю., Кожурин К. Я. Старообрядоведение в культуротворческом ракурсе // Социум и власть. 2018. № 2 (70). С. 111—122.

АКТУАЛЬНАЯ АНАЛИТИКА

Баева М. А., Кузнецова А. Е. Использование механизмов региональных интеграционных объединений для увеличения конкурентоспособности российских образовательных услуг // Социум и власть. 2018. № 3 (71). С. 129—139.

Бойкова А. А., Никонова О. Ю. Мировые практики поддержки международной мобильности научных кадров: характеристика и перспективы применения в России // Социум и власть. 2018. № 6 (74). С. 98—109.

ДИСКУССИИ И ПОЛЕМИКА

Неверов А. Я. Формирование исторической памяти как способ манипулирования общественным сознанием // Социум и власть. 2018. № 1 (69). С. 134—139.

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

Сёмин А. Н. Рецензия на монографию Ю. В. Абдурахимова «Монопрофильные города Южного Урала: проблемы и перспективы развития» // Социум и власть. 2018. № 6 (74). С. 128—134.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Блинова О. А. Философия как забота о себе (или рассуждения о Форуме «Мир философии») // Социум и власть. 2018. № 2 (70). С. 123—130.

Борисов С. В. Мексика приглашает: предварительная программа 15-й Международной конференции по философской практике // Социум и власть. 2018. № 2 (70). С. 131—135.

Борисов С. В. О философском молчании... (запись беседы Герда Ахенбаха с участниками 15-й международной конференции по философской практике) // Социум и власть. 2018. № 4 (72). С. 135—139.

Борисов С. В., Гинзбург Л. (Ginzburg Lydia), Пеннер Р. В. Философская практика «на распутье»: итоги 15-й Международной конференции по философской практике (25—29 июня 2018 года, Мехико, Мексика) // Социум и власть. 2018. № 4 (72). С. 124—134.

Борчиков С. А. «Философский семинар» города Озёрска как субъект практической философии // Социум и власть. 2018. № 6 (74). С. 122—127.

Забара Л. И. Геополитический имидж России в современном медийном пространстве (международная конференция «Учимся понимать Россию: политическая и массмедийная коммуникация» 10—14 октября, г. Екатеринбург) // Социум и власть. 2018. № 6 (74). С. 117—121.

Зырянов С. Г., Гордеев С. С., Нечаева С. В. Институциональное обеспечение пространственного развития территорий Российской Федерации в условиях становления цифровой экономики: итоги Всероссийской научно-практической конференции (26 октября 2018 года, Челябинск, Российская Федерация) // Социум и власть. 2018. № 6 (74). С. 110—116.

**Требования к оформлению статей
и сообщений, представляемых в редакцию
научного журнала «Социум и власть»**

1. Автор направляет рукопись по электронной почте.
2. Текст статьи представляется на русском языке объёмом 40 000 знаков, включая сноски. Файл должен читаться в формате Word. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал — одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи (включая название) оформляется строчными буквами с абзацным отступом 1,25 см с помощью компьютерной программы (не вручную).
3. В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.
4. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.
5. Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц — сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается также в отдельный файл.
6. Название статьи набирается 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные — строчные. Под названием статьи указываются фамилия, имя и отчество автора, место работы (учёбы), занимаемая должность, учёная степень и звание (если имеются), адрес места работы. Ниже приводятся аннотация и ключевые понятия.
7. Ссылки на научную литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 27]), в конце статьи — библиографический список в алфавитном порядке.
Количество источников не менее 20. Самоцитирование — не более 2-х источников.
8. Ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5—2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».
9. На источники ненаучного характера (статистика, аналитика, учебные издания, нормативно-правовые акты и др.) оформляются сноски с помощью автоматической цифры.
10. Статья должна быть классифицирована — иметь УДК.
11. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.
12. Помимо текста статьи, автором представляются отдельные файлы в электронном виде на русском и английском языках:
 - а) аннотация;
 - б) ключевые понятия (не более пяти);
 - в) сведения об авторе — Ф.И.О. (полностью), должность и место работы (учёбы), учёная степень, учёное звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон);
 - г) шифр и название специальности, которой соответствует статья.Статьи, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию не принимаются.
Решение о публикации направленных в журнал статей принимается в течение шести месяцев со дня поступления рукописи в редакцию.
В случае отклонения материалов в соответствии с замечаниями эксперта новый вариант статьи регистрируется вновь.
Статьи подлежат рецензированию членами редакционной коллегии журнала.
Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».
Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берёт на себя обязательство до публикации рукописи в журнале «Социум и власть» не публиковать её ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.
Образец оформления, а также рекомендации по подготовке статьи представлены на сайте журнала.
Плата за публикацию рукописей не взимается.
Контактная информация автора (адрес электронной почты, почтовый адрес) в журнале указывается обязательно.
Авторские экземпляры вышедшего номера высылаются наложенным платежом в количестве, указанном в письменной заявке.
Адрес редакции: 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26, к. 308. Тел. 8(351) 771-42-30.
Адрес в сети Интернет: siv74.ru
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

**Requirements for the articles and memos
presented for publication in the
«Socium i vlast'» journal**

1. The author is to send one copy of the typescript by e-mail.
2. The article is presented in Russian. The article should be 40,000 characters, including bibliography.* The file should be in Microsoft Word format. The font should be Times New Roman Cyr size 14 including the title. The line spacing is 1.0. The margins at all sides should be 20 mm. The text should be formatted breadthways and hyphenless justified. The text of the article or memo (including the title) should be done in lowercase letters with paragraph indent of 1.25 cm by software means, i.e. not by hand.
3. All font highlighting should be done in light italics. All titles and subtitles should be done in semi-bold.
4. All graphic materials (drawings, pictures, diagrams, graphs, schemes) should be done in image editing software. All images must be numbered sequentially.
5. All numerical data should be done in tables. Each table should have its number and name. The numbering of the tables is continuous. The tables should not have shortenings except for the units of measurement. E-versions of each table and image should be also done in separate files.
6. The title of the article should be done in size 14 font, the first letter is uppercase, and the rest are lowercase. The last name, first name and patronymic of the author, his place of work (study) and position, academic degree and rank (if applicable), place of work address should be given under the article title. Annotation and key concepts are given below.
7. Scientific literature references should be done in square brackets (e.g. [7, p. 27]), and an alphabetized bibliography list is given at the end of the article. There should not be less than 20 reference sources. Self-citation should not be more than 2 reference sources.
8. The references should be done in compliance with GOST 7.0.5-2008 requirements under «Bibliography reference. General requirements and rules».
9. Unscientific reference sources (statistics, analytics, educational publications, regulatory legal acts and others) are referred to with the help of reference numbering.
10. The article must be classified and have the UDC (Universal Decimal Classification).
11. The author should note the agenda (specialization) of the article presented for publication.
12. In addition to the text of the article the author should also present the following positions in a separate e-file in Russian and English:
 - a. annotation.
 - b. key concepts (up to 5).
 - c. Information about the author — Name, Patronymic, Last name (full), position and place of work (study), degree, academic rank, contact information (mailing address with ZIP code, e-mail, phone number).
 - d. course code and subject area to which the article corresponds to.The articles or memos not complying with the above mentioned requirements will not be reviewed and/or published.
The publication of the received articles will be approved or declined within 6 months from the date of receiving the manuscript by the editor. In case the article is declined for publication due to the expert opinion, any corrected version of the article has to be registered again.
The articles are to be reviewed by the journal editorial board.
The articles are to be run through the «Antiplagiat» system.
By presenting the typescript of the article to the editorial board, the author agrees not to publish the same article without consent of the editorial board fully or in part in any other media prior to its publication at the «SOCIMUM AND POWER» journal.
Article submission example and recommendations on preparing an article are presented on the journal site.
No charge is collected for reviewing and publishing of the articles.
The contact information of the author (e-mail, postal address) will be necessarily quoted in the journal.
The author's copies of the journal will be sent by mail order in the number specified in the application.
Editorial address: 454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26, room 308.
Tel. 8(351) 771-42-30
Website: siv74.ru
E-mail: siv_jurnal@mail.ru